

Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Москва, Россия)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сендай, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

**Редакционная коллегия
выпуска «Археология и этнография»**

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

Д. В. Селин канд. ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Крадин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия)
- Р. М. Краузе д-р истории, профессор (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)
- Б. Е. Кумеков акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан)
- Л. В. Лбова д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Новосибирский государственный университет, Россия)
- А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Н. В. Полосьмак чл.-кор. РАН, д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- З. Самашев д-р ист. наук, профессор (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан)
- К. Ш. Табалдиев д-р ист. наук, профессор (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан)
- Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- С. Хансен д-р истории, профессор (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Я. Хохоровский д-р истории, профессор (Институт археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша)
- Сукбэ Чжун д-р истории, профессор (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Stanislav O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), St. Petersburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Archaeology and Ethnography”

Executive Editor

Andrey I. Krivoschapkin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

Dmitry V. Selin Candidate of Sciences (History), (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

Leonid A. Bobrov Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Nikolay N. Kradin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)

Rüdiger M. Krause Doctor of Sciences (History), Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)

Bulat E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sciences (History), Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)

Lyudmila V. Lbova Doctor of Sciences (History), Professor (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation)

Anotoliy Nagler Doctor of Sciences (History) (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)

Natalia V. Polosmak Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Zaynolla S. Samashev Doctor of Sciences (History), Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Astana, Republic of Kazakhstan)

Kubatbek Sh. Tabaldiev Doctor of Sciences (History), Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)

Elena F. Fursova Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Svend Hansen Doctor of Sciences (History), Professor (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)

Jan Chochorowski Doctor of Sciences (History), Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Suk-Bae Jung Doctor of Sciences (History), Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2025. Том 24, № 5: Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии в вузах

- Головченко Н. Н., Грибанова Н. С., Контев А. В., Люля Н. В.* Новые технологии в педагогической и просветительской деятельности в области истории, археологии и этнографии 9

Археология Евразии

- Матасова Г. Г., Казанский А. Ю., Щетников А. А., Филинов И. А., Бердникова Н. Е.* Анализ условий позднечетвертичного осадконакопления в Тункинской рифтовой долине для решения задач геоархеологических исследований 21
- Колесник А. В., Гирия Е. Ю., Барков А. В., Артемьев Е. В.* К определению полноты технологических контекстов в каменной индустрии культурного слоя 3 позднепалеолитической стоянки Стрелка-1 в Красноярске (на примере скребел) 38
- Ли Еюй.* Обзор исследований археологии бронзового века Синьцзяна в китайской академической среде 52
- Мыльников В. П.* Художественная резьба по дереву у носителей пазырыкской культуры на Российском, Казахском и Монгольском Алтае: общее и особенное 68
- Курманов Р. Г., Русланов Е. В.* Динамика ландшафтно-климатических условий Южного Предуралья в золотоордынское время по материалам поселений чияликской культуры 78
- Зеленков А. С., Третьяков Е. А.* Радиоуглеродная хронология средневековых памятников лесостепи и подтайги Тоболо-Иртышья 94
- Кисагулов А. В., Маслинцына М. П., Сафуанов Ф. Ф.* Археозоологические материалы из раскопок 2023 года на городище Уфа-II: общая характеристика 113

<i>Молодин В. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С.</i> Комплекс сооружений барабинских татар на территории городища Сергино-2	126
--	-----

<i>Горохов С. В.</i> Тарасы и стены «в две стены» в русской фортификации в XVI – начале XVIII века	137
--	-----

Этнография народов Евразии

<i>Хурметбек А., Дукенбаева З. О., Номогоева В. В.</i> Историко-культурная связь реставрации предметов из фондов музея с традиционными видами ремесел (на англ. яз.)	148
--	-----

<i>Абдумананов Р. О.</i> Кипчакский этнический компонент в составе народов Афганистана	159
--	-----

Список сокращений	177
-------------------	-----

Информация для авторов	178
------------------------	-----

VESTNIK NSU

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology in High Schools

- Golovchenko N. N., Gribanova N. S., Kontev A. V., Lyulya N. V.* New Technologies in Pedagogical and Educational Activities in the Field of History, Archaeology and Ethnography 9

Archaeology of Eurasia

- Matasova G. G., Kazansky A. Yu., Shchetnikov A. A., Filinov I. A., Berdnikova N. E.* Analysis of the Conditions of Late Quaternary Sedimentation in the Tunka Rift Valley for Solving the Problems of Geoarchaeological Research 21
- Kolesnik A. V., Giryа E. Yu., Barkov A. V., Artemiev E. V.* To the Definition of Technological Contexts Completeness of in Stone Industry from Cultural Layer 3 of Late Paleolithic Site Strelka-1 in Krasnoyarsk (On the Example of Side Scrapers) 38
- Li Yeyu.* A Review of Research on Bronze Age Archaeology of Xinjiang in Chinese Academia 52
- Mylnikov V. P.* Artistic Wood Carving among the Bearers of the Pazyryk Culture in the Russian, Kazakh and Mongolian Altai: Common and Special 68
- Kurmanov R. G., Ruslanov E. V.* Dynamics of Landscape and Climatic Conditions of the Southern Cis-Urals in the Golden Horde Period Based on the Materials of Settlements of the Chiyalik Culture 78
- Zelenkov A. S., Tretyakov E. A.* Radiocarbon Chronology of Medieval Archaeological Sites from the Forest-Steppe and Subtaiga Tobol-Irtysh Region 94
- Kisagulov A. V., Maslitsyna M. P., Safuanov F. F.* Archaeozoological Materials from the 2023 Excavations on the Ufa-II Settlement: General Description 113

<i>Molodin V. I., Durakov I. A., Kobeleva L. S.</i> Complex of Baraba Tatars' Structures on the Sergino-2 Settlement	126
<i>Gorokhov S. V.</i> Taras and the Walls "in Two Walls" in the Russian Fortification in the 16 th – Early 18 th Century	137
Ethnography of the Peoples of Eurasia	
<i>Khurmetbek A., Dukenbaeva Z. O., Nomogoeva V. V.</i> Historical and Cultural Connection of Restoration of Museum Objects with Traditional Crafts	148
<i>Abdumanapov R. A.</i> The Kipchak Ethnic Component in the Composition of the Peoples of Afghanistan	159
List of Abbreviations	177
Instructions to Contributors	178

Научная статья

УДК 378.147

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-9-20

Новые технологии в педагогической и просветительской деятельности в области истории, археологии и этнографии

Николай Николаевич Головченко¹

Наталья Святославна Грибанова²

Аркадий Васильевич Контев³

Наталья Викторовна Люля⁴

¹⁻⁴ Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

¹ nikolai.golowchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

² ns.gribanova@yandex.ru

³ arkkont@mail.ru

⁴ natalyalyulya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7545-1215>

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению опыта создания и использования настольных игр по археологии, этнографии, истории в педагогической, просветительской деятельности сотрудников Алтайского государственного педагогического университета. Анализируется практика применения игровых технологий при реализации просветительских проектов с участием студентов-историков. Базой для разработки игр служат коллекции Историко-краеведческого музея университета и материалы исследований авторов статьи. В работе представлены пять настольных игр по археологии, этнографии и истории Алтайского края, созданных в форматах пазла, игры мемо, игры-бродилки. Авторы приходят к выводу о том, что проектно-деятельностный подход позволяет эффективно сочетать подчерпнутые из специальной литературы и в процессе обучения теоретические знания студентов с игровыми механизмами их презентации в современном образовательном пространстве.

Ключевые слова

Алтайский государственный педагогический университет, краеведческий музей, проектно-деятельностный подход, иммерсивные технологии, геймификация, настольные игры

Для цитирования

Головченко Н. Н., Грибанова Н. С., Контев А. В., Люля Н. В. Новые технологии в педагогической и просветительской деятельности в области истории, археологии и этнографии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-9-20

New Technologies in Pedagogical and Educational Activities in the Field of History, Archaeology and Ethnography

Nikolay N. Golovchenko¹, Natalia S. Gribanova²
Arkadiy V. Kontev³, Natalya V. Lyulya⁴

¹⁻⁴ Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

¹ nikolai.golovchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

² ns.gribanova@yandex.ru

³ arkkont@mail.ru

⁴ natalyalulya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7545-1215>

Abstract

Purpose. This article discusses the use of board games on archaeology, ethnography, and history in the pedagogical and educational process at Altai State Pedagogical University.

Results. The study analyzes the practice of using gaming technologies in the implementation of educational projects with the participation of students of history. The materials of the University's Museum of Local Lore collections and other available scientifically verified materials serve as the basis for game development. The course and results of the development of an archaeological puzzle and a card memo game, an ethnoloto and an ethnopazzla, as well as a historical adventure game are presented. Examples of organizing educational events with a game component are given. The possibilities of converting object-manipulative games into multimedia content are shown.

Conclusion. The authors conclude that the project-based approach makes it possible to effectively combine the theoretical knowledge of students gathered from specialized literature and in the learning process with the active game mechanisms of their presentation in the modern educational space. At the same time, the games themselves can be implemented as cultural and educational events or as educational, educational events, the tasks of which include actualizing interest in history, culture, and the world around them; developing the historical and aesthetic consciousness of participants; creating a situation of active exploration of the subject world of culture and the surrounding cultural, historical and modern environment in general, interaction with them; formation of skills in understanding museum objects; development of independent cognitive and creative activities; formation of a careful attitude towards cultural values.

Keywords

Altai State Pedagogical University, museum of local lore, project-based approach, immersive technologies, gamification, board games

For citation

Golovchenko N. N. Gribanova N. S., Kontev A. V., Lyulya N. V. New Technologies in Pedagogical and Educational Activities in the Field of History, Archaeology and Ethnography. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-9-20

Одним из наблюдаемых трендов развития современного образования является кастомизация учебного процесса, предполагающая построение индивидуальных траекторий профессиональной подготовки студентов, в том числе и исторических специальностей. В данном отношении особое внимание уделяется практико-деятельностному подходу, реализация которого закреплена нормами Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования третьего поколения¹ (ФГОС 3++), акцентирующего особое внимание на формировании у будущих педагогов-историков группы «мягких» навыков (soft skills).

Одним из перспективных направлений проектной деятельности является геймификация. В широком смысле под геймификацией понимается внедрение игровых элементов в неигро-

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 46.03.01 История. Утвержден приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 8 октября 2020 г. № 1291.

вые процессы, ориентированное на повышение мотивации, вовлеченности (иммерсии) обучающихся в образовательный процесс [Веряев, Каменская, 2021, с. 90].

Актуализация данного подхода во многом определяется практикой. В специальной литературе уже отражено предположение о том, что в скором времени в школах появятся новые педагогические специальности (игромастер и игропедагог) [Атлас, 2020, с. 43], в связи с чем уже сейчас необходимо формировать требуемую базу знаний, умений и навыков среди всех педагогов-предметников, включая историков.

Возможности реализации игровых проектов разнообразны в силу специфики самой формы данного вида деятельности [Хейзинга, 2001]. Однако в следствие источникового своеобразия археологии, этнографии и истории представляется эффективным использовать в этом процессе прежде всего механизмы предметно-манипулятивного взаимодействия, устанавливающего контакт между обучающимся и предметом (его репликой, копией и т. п.) ушедшей эпохи. Данная задача может быть реализована в формате создания студентами настольной игры, основанной на конкретном, научном верифицированном материале [Павлова, 2015]. При этом сама практика применения настольных игр в отечественном образовании уже нашла отражение в преподавании языковых курсов, юриспруденции и ряда других дисциплин [Своротова, 2019].

Цель данной работы – иллюстрация опыта разработки и реализации настольных игр по археологии, этнографии и истории в образовательной и просветительской работе сотрудников и студентов Алтайского государственного педагогического университета.

Основополагающая система дидактических принципов включает в себя элементы сознательности и активности, наглядности, систематичности и последовательности, прочности получаемых знаний, научности, доступности и связи теории с практикой [Подласый, 2015]. Проектно-деятельностный и компетентностный подходы представляют собой наиболее перспективные векторы развития современного педагогического образования. В первую очередь они ориентированы на активное вовлечение обучающихся в процесс получения новых знаний. При этом в педагогическом университете они должны реализовываться как применительно к студентам, получающим профессиональное образование, так и самими студентами, взаимодействующими со школьниками [Ратникова, 2023].

В данном ключе разработка студентами тематического игрового проекта в организационном плане нацелена на ознакомление с возможностями высшего учебного заведения и его структурных подразделений, таких как Историко-краеведческий музей, Технопарк универсальных педагогических компетенций, Педагогический Кванториум имени Павла Константиновича и Любови Алексеевны Одинцовых, научно-исследовательские лаборатории, научно-педагогическая библиотека и др.

В учебном контексте подготовка игрового проекта направлена на реализацию дидактического принципа связи теории с практикой. Студент не только отрабатывает содержательную составляющую проекта, знакомясь с научными публикациями и учебными изданиями, материалами университетского музея и архива, но и самостоятельно ищет возможности переложения теоретических постулатов в практическую область.

В исследовательском плане научное творческое проектирование подразумевает вовлечение студентов в фондовую и архивную работу с вещественными и документальными историческими источниками. В идеальном случае тема проекта укладывается в проблематику выпускной квалификационной работы студента, а его документационная составляющая прикладывается в качестве приложения и (или) находит отражение в публикациях (апробации).

В педагогическом плане разработка игрового проекта ориентирована на его непосредственную реализацию, в процессе которой студент получает готовый продукт и опыт конструирования связанных с его презентацией тематических образовательных событий [Волкова, 2017]. При этом сам студент активно участвует во всех трех этапах образовательного события – подготовительном, событийном и рефлексивном, приобретая новые знания и компетенции.

Создание игр – перспективная форма проектной деятельности студентов-историков в рамках различных учебных курсов, учебных практик, кружковой деятельности, участия в организации просветительских акций и мероприятий Историко-краеведческого музея АлтГПУ. При этом сами игры могут реализовываться как культурно-просветительские или как образовательные, учебные события в задачи проведения которых входит актуализация интереса к истории, культуре, окружающему миру; развитие исторического, эстетического сознания участников; создание ситуации активного освоения предметного мира, культуры и окружающей культурно-исторической и современной среды в целом, взаимодействия с ними; формирование навыков понимания музейных предметов (их функциональных и семантических значений, связей с историческими событиями и людьми); развитие самостоятельной познавательной и творческой деятельности; формирование бережного отношения к культурным ценностям. На какие конкретно цели будет ориентировано игровое событие, определяет ведущий исходя из обстоятельств (урочная или внеурочная работа, возраст потенциальных игроков и т. п.).

Рассмотрим практику разработки настольных игр археологической, этнографической и исторической тематики на конкретных примерах.

Археологический пазл представляет собой классический пазл, на котором представлено изображение по соответствующей проблематике. Нами разработано несколько пазлов (рис. 1), на двух из них запечатлены аттрактивные предметы из собрания Историко-краеведческого музея АлтГПУ – находки из Новотроицкого некрополя [Шульга и др., 2009] эпохи раннего железа: золотая скульптура горного козла (рис. 1, 1), украшавшая навершие головного убора и золотая поясная пряжка с изображением лошади с вывернутым крупом (рис. 1, 2); набор культовых и бытовых предметов из того же некрополя; керамический сосуд (рис. 1, 3). Каждый пазл состоит из 80 фрагментов (соотношение сторон 8 × 10 шт.). Основная цель – познакомить участников с известными находками, сформировать их археологическую «насмотренность».

Выбор артефактов для презентации в игровом формате определен их источниковой информативностью и возможностью выстроить вокруг каждого из них мини-повествование. Процесс работы с пазлом строится по принципу сочетания предметно-манипулятивной деятельности участника (школьника) с просветительским компонентом, рассказом об артефакте, осуществляемым ведущим игру (студентом). Как показала практика, наибольший интерес археологический пазл вызывает у учащихся младшей и средней школы.

Главным минусом работы с настольным археологическим пазлом является неизбежная потеря отдельных его фрагментов, особенно если игра организуется в рамках просветительских мероприятий на открытом воздухе. Ведущий игру должен внимательно следить за тем, что происходит в зоне его ответственности. В то же время простота классического пазла как игрового формата обеспечивает его эффективное преобразование в цифровую среду (разработка компьютерных игр), открывая широкие возможности для студенческого мультимедийного проектирования на базе Технопарка универсальных педагогических компетенций АлтГПУ.

Еще одной простой в своем исполнении является настольная игра *археологическое мемо* (рис. 2). Нами разработан набор из 32 карточек, на которых запечатлены 16 артефактов (каменный наконечник стрелы, бифас, нуклеус, бронзовый серп, топор-кельт, керамические сосуды, зеркало-погремушка, медальон и др.). Подбор артефактов обусловлен необходимостью отразить различные археологические периоды – каменный, бронзовый, железный века и Средневековье. Каждая эпоха представлена четырьмя артефактами из собрания Историко-краеведческого музея АлтГПУ. Помимо базовой цели, связанной с углублением знаний участников о древней материальной культуре региона проживания, данная игра нацелена на тренировку памяти и внимательности.

Рис. 1. Археологические пазлы:

1 – скульптурка горного козла (декор головного убора) из могильника Новотроицкое-2; 2 – поясная пряжка с изображением лошади из могильника Новотроицкое-2; 3 – керамический сосуд из могильника Новотроицкое-1. Фото Н. Н. Головченко

Fig. 1. Archaeological puzzles:

1 – sculpture of a mountain goat (headdress decor) from the Novotroitskoye burial ground-2; 2 – belt buckle with the image of a horse from the Novotroitskoye burial ground-2; 3 – ceramic vessel from the Novotroitskoye burial ground-1. Photo by N. N. Golovchenko

Ведущий (студент) может реализовать множество сценариев проведения игры в зависимости от подготовленности аудитории. Самый простой вариант – классическая игра по поиску игроками среди всех карточек, перевернутых «рубашкой» вверх, двух одинаковых. Другой сценарий проведения игры основан на внимательности и скорости. Все 32 карточки в произвольном порядке высыпаются на стол, располагаясь в разных положениях – иллюстрацией вверх или вниз, лежа друг на друге и т. п. По команде ведущего игроки приступают к поиску одинаковых изображений, причем забрать их себе необходимо обе одновременно. Разумеется, на этом возможные варианты данной игры не исчерпываются, к ее проведению всегда можно подойти творчески. Так, она может стать частью интерактивной программы, сочетающей в себе экскурсию, игру и викторину, или использоваться как этап закрепления нового материала по окончании экскурсии.

Главное достоинство археологического мемо – это возможность варьировать ход игры исходя из интересов и возможностей аудитории, что особенно важно во время проведения просветительских мероприятий, в которых принимает участие разновозрастная аудитория (Ночь музеев, Всероссийские дни археологии и т. п.). Желая получить информацию играют неспешно, эффективно взаимодействуя с ведущим и получая от него соответствующее информационное сопровождение. Более активные участники отыгрывают быстрый сценарий, знакомясь лишь визуалью с карточками. Как показала практика, активный сценарий вызывает наибольший интерес у школьников старших классов и студентов, а неспешный – у школьников средних классов и взрослых. Средняя продолжительность одного игрового тура составляет 15–20 минут.

Как и в случае с пазлами, мемо – очень простая игра, которая при желании легко может быть переведена из настольного формата в мультимедийный (практика создания которого нами была реализована [Грибанова и др., 2022; Головченко и др., 2023]). Однако предметно-манипулятивная деятельность в ходе игры и знакомства с артефактами, особенно происходящая в музейном пространстве (в экспозиционном зале), по нашим наблюдениям, вызывает большее эмоциональное вовлечение участников. Победителям игр (школьникам) выдаются памятные призы с символикой музея и университета.

С целью знакомства школьников и студентов с историей Алтайского края, популяризации культурных и национальных традиций народов, проживающих на его территории, были разработаны настольные игры: «Этнолото» (Н. В. Люля, А. С. Свидовская), «Этнопазлы: народы Алтайского края», познавательная игра-пазл «Выдающиеся люди в истории Алтайского края» (Н. С. Грибанова, А. В. Контев, Н. В. Люля).

Рис. 2. Археологическое мемо:

1 – карточки с информацией об эпохе; 2 – пример игровых карт с изображением кинжала эпохи раннего железа. Фото Н. Н. Головченко

Fig. 2. Archaeological memo:

1 – cards with information about the epoch; 2 – an example of game cards featuring a dagger from the Early Iron Age. Photo by N. N. Golovchenko

«Этнолото» – игра (по типу традиционного лото) знакомит с народами, проживающими на территории Российской Федерации. Каждому участнику выдается карточка лото, содержащая изображения представителей нескольких народов в традиционных костюмах, и информационный блок к ней, включающий названия народов, место их расселения, краткую культурную характеристику. Игроки знакомятся с информацией о народах, после чего начинается игра. Ведущий вытаскивает бочонки из мешка и произносит название народа. Игрок, у которого на карточке изображен названный ведущим народ, забирает бочонок, закрывает клетку карточки лото и рассказывает игрокам о данном народе, тем самым знакомит участников с ним. Выигрывает тот, кто первым закроет все изображения народов на своей карточке лото.

Настольная игра «Этнопазлы: народы Алтайского края» знакомит игроков с материальной культурой народов, проживающих на территории Алтайского края. Целью игры является популяризация историко-культурного наследия народов России, информирование об этническом составе населения Алтайского края, проверка, углубление знаний участников об этнических особенностях народов региона.

Центральным элементом игры является изображение представительницы одного из народов Алтайского края в традиционном костюме (рис. 3). Игрокам можно предложить выбрать карточку, «обозначающую» народ, открытым способом, «вслепую» или путем разгадывания ребусов, содержащих названия народов. Каждый игрок (или команда) для выбранного народа должен подобрать четыре фрагмента одного пазла с изображениями разных элементов тра-

диционной культуры (пища, жилище, музыкальный инструмент, предмет быта др.). Ведущий рассказывает участникам о каждом изображенном предмете, сходстве и отличиях культур разных народов.

Использованный авторами прием визуализации информации позволяет игрокам быстро запоминать отличительные черты народов (так называемые этнокультурные маркеры), анализировать информацию и сравнивать элементы культуры, способствует формированию навыков критического мышления. Особый интерес игра вызывает у детей младшего и среднего школьного возраста, только знакомящихся с этнокультурным разнообразием региона, а также у их родителей, как правило, активно включающихся в обсуждение представленного иллюстративного материала, подтверждая свои знания жизненным опытом. Отлично зарекомендовала себя игра и в качестве способа закрепления и проверки пройденного материала у студентов, изучающих этнографию народов Алтая.

Познавательная игра-пазл «Выдающиеся люди в истории Алтайского края» направлена на привлечение внимания к истории Алтайского края, повышение интереса к поисковой, краеведческой деятельности обучающихся.

Игра представляет собой набор из 20 магнитных пазлов, каждый из которых содержит информацию об одном человеке, внесшем вклад в развитие Алтайского края. Каждый пазл состоит из четырех фрагментов, собирающихся вместе (ФИО и годы жизни, сведения биографического характера, иллюстрация, связанная с деятельностью, цитата его или о нем) и отдельной прямоугольной карточки к пазлу – портрета личности (рис. 4). Вариантов выбора портрета и самой игры может быть множество. В зависимости от места проведения и времени, отведенного на игру, количества, возраста и подготовленности игроков ведущий может с легкостью варьировать форматы игры: от сбора одним игроком одного пазла из множества предложенных до командных соревнований на скорость и точность по сбору пазлов.

Рис. 3. Фрагмент игры этнопазл, посвященный культуре немцев Алтая: представлены костюм (1), элементы материальной культуры (2, 4, 5) и традиционной пищи (3). Фото Н. С. Грибанова

Fig. 3. Fragment of the ethnopuzzle game dedicated to the culture of the Germans of Altai: costume (1), elements of material culture (2, 4, 5) and traditional food are presented (3). Photo by N. S. Gribanova

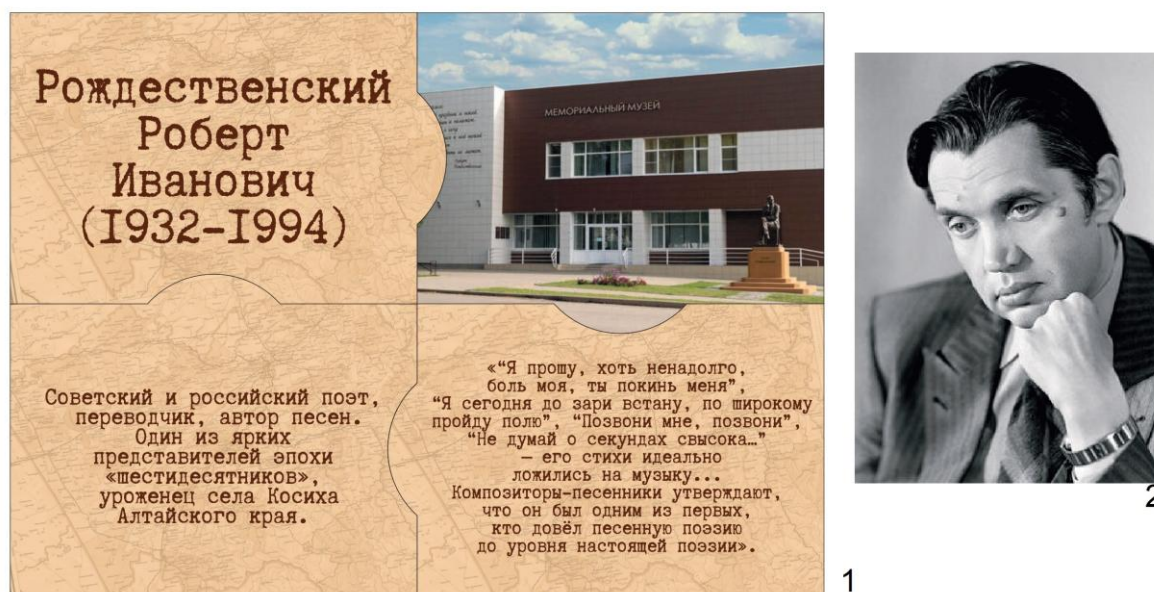

Рис. 4. Фрагмент игры-пазла «Выдающиеся люди в истории Алтайского края» посвященный Р. И. Рождественскому: 1 – информационные карточки; 2 – фото поэта. Фото Н. С. Грибановой

Fig. 4 A fragment of the puzzle game “Outstanding people in the history of the Altai Territory” dedicated to R. I. Rozhdestvensky: 1 – information cards; 2 – photo of poet. Photo by N. S. Griбанова

Наш опыт проведения игры показал, что информация о знаменитых уроженцах Алтайского края и людях, внесших значительный вклад в развитие региона, достаточно востребована разными категориями посетителей мероприятий университета. Игра позволяет систематизировать, закреплять имеющиеся и получать новые знания по истории и культуре Алтайского края, формировать представления о связи истории и культуры региона и страны, способствует развитию памяти, логического мышления и коммуникативных навыков, воспитанию уважения к заслугам предшественников и любви к малой родине. С использованием материалов настольной игры был создан ее мультимедийный вариант (Б. А. Вайцель), успешно апробированный на Международной выставке-форуме «Россия» на ВДНХ (февраль 2024 г.).

В настоящее время также стало популярным создание *исторических «игр-бродилек»*, предполагающих передвижение фишек игроков по плоскости с ответами на вопросы разного уровня. В продаже представлены игры по разным эпохам и странам: «7 чудес», «Каменный век. На заре человечества», по советской истории и т. п. Получило развитие это направление и в школьном краеведении, причем инициатива таких разработок часто исходит от сотрудников библиотек (примером могут служить: «Activity travel по р. п. Шатки» Шатковской библиотеки², «Родными тропами» районной библиотеки п. Колышлей³, «Путешествие по Вологодской области»). Примечательно, что часто в качестве игрового поля в таких играх используется карта региона. Это позволяет соединить хронологические и пространственные представления школьников [Контев, 2022]. Причем территориальный охват может включать как территорию всего края или области, так и одного города или даже места. Интересной

² Официальный сайт Муниципального бюджетного учреждения культуры «Шатковская централизованная библиотечная система». Экскурсионная краеведческая игра-бродилка. URL: <https://шатковская-библиотека.рф/index.php/150-pushkinskaya-karta/3193-ekskursionnaya-kraevedcheskaya-igra-brodilka> (дата обращения 28.11.2024).

³ Культура РФ. Краеведческая игра-бродилка «Родными тропами». URL: <https://www.culture.ru/events/4710119/kraevedcheskaya-igra-brodilka-rodnyimi-tropami> (дата обращения 28.11.2024).

в этом плане представляется игра, презентованная в мае 2024 г., «За 300 лет до Новосибирска», связанная с основанием села Кривошекова на месте будущего города Новосибирска⁴.

Однако зачастую, используя картографическую основу, авторы-разработчики никак не соотносят вопрос с местом расположения игрока. В результате пространственные ориентиры не накладываются на исторический контекст. Примером может служить интересная и содержательная игра «Путешествие по Алтайскому краю», разработанная Алтайской краевой универсальной научной библиотекой им. В. Я. Шишкова. Вопросы в ней разделены по уровням и формам ответов (предусмотрены даже вопросы-шарады), но они никак не привязаны к местности.

Разрабатываемая нами настольная игра-бродилка по Алтайскому краю основана именно на сочетании картографического и исторического контекста, когда вопросы формируются согласно локализации фишки на карте. Сами вопросы подразделяются на несколько направлений: географические, археологические, по ранней русской истории, по истории XVIII – первой половины XIX в., периоду капитализма и советскому периоду, а также об известных жителях края. Для отличия кружки с номерами вопросов отмечены разными цветами. Такой подход весьма сложен, поскольку исторические события не могут быть равномерно распределены по всей плоскости территории края. Однако только так можно реально связать историю и географию, прошлое и настоящее.

Кроме того, в рамках реализации проекта АлтГПУ «Первые с первым» (при грантовой поддержке Движения Первых) летом 2024 г. разработана и апробирована на базе летних лагерей отдыха интерактивная лекция «Путешествие по Алтайскому краю» (для 1 000 школьников 7–16 лет). В процессе лекции преподаватели в увлекательной форме рассказывали детям о географии и истории края, а затем эти знания проверялись с помощью настольных игр (бродилка или по типу «своя игра»). Такое сочетание теоретической и практической формы сделало познание прошлого и настоящего края для детей еще более увлекательным и систематизированным. Буквально в ходе нескольких занятий школьники, до этого почти не знавшие историю края, показывали хорошие результаты как в ориентировании по карте края, так и в понимании основных вех его истории.

Подводя итог, необходимо отметить, что представленный игровой контент – не подборка частных примеров, а необходимая в современных условиях педагогическая технология [Веряев, Каменская, 2022]. Исследовательская деятельность студентов АлтГПУ, ориентированных на изучение объектов историко-культурного наследия, базируется на ресурсе университетского Историко-краеведческого музея. Ключевой особенностью данного процесса является его ориентация не только на научную работу, но и на презентацию ее результатов в процессе проведения учебных, образовательных и просветительских событий.

В этом деле крайне важна «экономика впечатлений», а именно установление позитивного отношения студента к научной и педагогической работе, вовлеченность (иммерсия) в творческий процесс. В данном отношении опыт разработки и реализации настольных игр по археологии, этнографии и истории в учебной и просветительской работе Алтайского государственного педагогического университета представляется эффективным подходом к формированию у студентов новых, отвечающих современным требованиям знаний и компетенций.

Список литературы

Атлас новых профессий 3.0. М.: Интеллект. лит., 2020. 456 с.

Веряев А. А., Каменская В. О. Геймификация как условие повышения мотивации и вовлеченности обучаемых в педагогический процесс // Актуальные вопросы педагогики и психологии образования: Материалы XII Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году науки и технологий в Российской Федерации. Барнаул, 2021. С. 89–92.

⁴ «Музей Новосибирска». Страница в социальной сети «В контакте». URL: https://vk.com/album-156569139_303140035 (дата обращения 28.11.2024 г.).

- Веряев А. А., Каменская В. О.** Геймификация: от метафоры к педагогической технологии // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: Сб. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь: Ариал, 2022. С. 372–378.
- Волкова Н. В.** Технология проектирования образовательных событий // Образование и наука. 2017. Т. 19, №4. С. 184–200. DOI 10.17853/1994-5639-2017-4-184-200
- Грибанова Н. С., Головченко Н. Н., Труевцева О. Н.** Использование мультимедийных ресурсов в историко-просветительной работе музея образовательной организации: Учеб.-метод. пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2022. 105 с.
- Головченко Н. Н., Грибанова Н. С., Вайцель Д. Э.** Опыт разработки археологического мультимедийного контента для студентов педагогических университетов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-9-19
- Контев А. В.** Формирование пространственных представлений на основе использования ресурсов мультимедийного парка «Россия – моя история» // Головеева Л. Ю., Контев А. В., Ратникова Д. В. Применение ресурсов мультимедийного парка «Россия – моя история» для достижения предметных результатов обучения истории в школе: Учеб.-метод. пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2022. С. 48–77.
- Павлова С. А.** Организация игрового проектирования в образовательной среде // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2015. № 15. С. 135–143.
- Подласый И. П.** Педагогика: Учебник для прикладного бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 576 с.
- Ратникова Д. В.** Проектная деятельность в структуре подготовки будущего учителя // Педагогическое образование на Алтае. 2023. № 1. С. 113–117.
- Своротова Ю. В.** Использование настольных игр в образовательном процессе // Развитие современного образования: от теории к практике: Сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Чебоксары, 2019. С. 145–150.
- Хейзинга Й.** Homo ludens. Человек играющий. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 352 с.
- Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А.** Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

References

- Atlas novykh professii 3.0 [Atlas of New professions 3.0]. Moscow, 2020, 456 p. (in Russ.)
- Golovchenko N. N., Gribanova N. S., Vaytsel D. E.** Experience in the Development of Archaeological Multimedia Content for Students of Pedagogical Universities. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-9-19
- Gribanova N. S., Golovchenko N. N., Truevtseva O. N.** Ispol'zovanie mul'timediinykh resursov v istoriko-prosvetitel'noi rabote muzeya obrazovatel'noi organizatsii [The use of multimedia resources in the historical and educational work of museum an educational organization]. Barnaul, AltSPU Press, 2022, 105 p. (in Russ.)
- Huizinga J.** Homo ludens. Chelovek igraushchii [Homo ludens. The man who plays]. Moscow, Eksmo Press, 2001, 352 p. (in Russ.)
- Kontev A. V.** Formirovanie prostranstvennykh predstavlenii na osnove ispol'zovaniya resursov mul'timediinogo parka "Rossiya – Moya istoriya" [Formation of spatial representations based on the use of resources of the multimedia park "Russia is my History"]. In: Goloveeva L. Yu., Kontev A. V., Ratnikova D. V. *Primenenie resursov mul'timedijnogo parka "Rossiya – moya strana" dlya dostizheniya predmetnykh rezul'tatov obucheniya istorii v shkole* [Using the resources of the multimedia park "Russia is my History" to achieve subject-specific results in teaching history at school]. Barnaul, AltSPU Press, 2022, pp. 48–77. (in Russ.)

- Pavlova S. A.** Organizatsiya igrovogo proektirovaniya v obrazovatel'noi srede [Organization of game design in an educational environment]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2015, no. 15, pp. 135–143. (in Russ.)
- Podlasy I. P.** Pedagogika [Pedagogy]. A textbook for an applied Bachelor's degree. Moscow, 2015, 576 p. (in Russ.)
- Ratnikova D. V.** Proektnaya deyatel'nost' v structure podgotovki budushego uchitel'ia [Project activity in the structure of future teacher training]. *Pedagogicheskoe obrazovanie na Altai* [Pedagogical education in Altai], 2023, no. 1, pp. 113–117. (in Russ.)
- Shulga P. I., Umansky A. P., Mogilnikov V. A.** Novotroitskii nekropol' [Novotroitsky necropolis]. Barnaul, AltSU Press, 2009, 329 p. (in Russ.)
- Svorotova Yu. V.** Ispol'zovanie nastol'nykh igr v obrazovatel'nom protsesse [The use of board games in the educational process]. In: *Razvitie sovremennogo obrazovaniya: ot teorii k praktike* [Development of modern education: from theory to practice]. Cheboksary, 2019, pp. 145–150. (in Russ.)
- Veryaev A. A., Kamenskaya V. O.** Geimifikatsiya kak uslovie povysheniya motivatsii i vovlechenosti obuchaemykh v pedagogicheskii protsess [Gamification as a condition for increasing motivation and involvement of students in the pedagogical process]. In: *Aktual'nye voprosy pedagogiki i psikhologii obrazovaniya* [Topical issues of pedagogy and psychology of education]. Barnaul, 2021, pp. 89–92. (in Russ.)
- Veryaev A. A., Kamenskaya V. O.** Geimifikatsiya: ot metafory k pedagogicheskoi tekhnologii [Gamification: from Metaphor to Pedagogical Technology]. In: *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsessa* [Psychological and pedagogical support of the educational process]. Simferopol, 2022, pp. 372–378. (in Russ.)
- Volkova N. V.** Tekhnologiya proektirovaniya obrazovatel'nykh sobytii [Technology of educational events designing]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2017, vol. 19, no. 4, pp. 184–200. (in Russ.) DOI 10.17853/1994-5639-2017-4-184-200

Информация об авторах

Николай Николаевич Головченко, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57218919187

WoS Researcher ID AAD-9048-2022

RSCI Author ID 764361

SPIN 3879-2882

Наталья Святославна Грибанова, кандидат исторических наук, доцент

RSCI Author ID 720772

SPIN 2958-0893

Аркадий Васильевич Контев, кандидат исторических наук, доцент

RSCI Author ID 350105

SPIN 2573-7599

Наталья Викторовна Люля

RSCI Author ID 839172

SPIN 7006-0019

Information about the Authors

Nikolay N. Golovchenko, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57218919187

WoS Researcher ID AAD-9048-2022

RSCI Author ID 764361

SPIN 3879-2882

Natalia S. Gribanova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

RSCI Author ID 720772

SPIN 2958-0893

Arkadiy V. Kontev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

RSCI Author ID 350105

SPIN 2573-7599

Natalya V. Lyulya

RSCI Author ID 839172

SPIN 7006-0019

*Статья поступила в редакцию 09.01.2025;
одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 11.03.2025
The article was submitted on 09.01.2025;
approved after reviewing on 10.02.2025; accepted for publication on 11.03.2025*

Научная статья

УДК 902:551

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-21-37

Анализ условий позднечетвертичного осадконакопления в Тункинской рифтовой долине для решения задач геоархеологических исследований

Галина Гельевна Матасова¹, Алексей Юрьевич Казанский²
Александр Александрович Щетников³, Иван Анатольевич Филинов⁴
Наталья Евгеньевна Бердникова⁵

^{1, 3, 4} Институт земной коры

Сибирского отделения Российской академии наук
Иркутск, Россия

² Геологический институт Российской академии наук
Москва, Россия

^{3, 4} Институт геохимии

Сибирского отделения Российской академии наук
Иркутск, Россия

⁵ Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

¹ galinamatasova@mail.ru

² kazansky_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8840-0978>

³ shch@crust.irk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4591-6421>

⁴ filinovia@crust.irk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7390-8373>

⁵ nberd@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2470-6230>

Аннотация

Приводятся результаты комплексных исследований разрезов отложений важнейших геоархеологических объектов Тункинской рифтовой долины с целью реконструкции обстановок и особенностей местного осадконакопления в позднем квартале и оценки влияния этих условий на стратегию освоения региона древним человеком. Установлено, что основным агентом переноса плейстоцен-голоценовых отложений в Тункинской рифтовой долине являются катастрофические потоки (паводки, сели, наводнения), мобилизующие значительный объем обломочного материала. Отложенный паводками материал подвергался эоловой переработке в высокодинамичных субаэральных условиях, обеспечивая формирование сплошного покровного лессовидного комплекса. Это обуславливало тотальную активизацию делювиальных процессов. Дополнительный материал приносился в виде воздушных взвесей и также отлагался в комплексе с местными продуктами разветвления и перевевания осадков катастрофических паводков. Характерная для тункинских палеолитических местонахождений спорадичность распределения археологического материала по разрезу является в основном следствием его переотложения.

Ключевые слова

Тункинская рифтовая долина, геоархеология, позднечетвертичное осадконакопление, палеолит

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (№ 23-27-00022 и 25-27-00151), государственного задания ГИН РАН № АААА-А21-121011590055-6 и ИГХ СО РАН № 0284-2021-0003

Для цитирования

Матасова Г. Г., Казанский А. Ю., Щетников А. А., Филинов И. А., Бердникова Н. Е. Анализ условий позднечетвертичного осадконакопления в Тункинской рифтовой долине для решения задач геоархеологических исследований // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 21–37. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-21-37

© Матасова Г. Г., Казанский А. Ю., Щетников А. А.,
Филинов И. А., Бердникова Н. Е., 2025

Analysis of the Conditions of Late Quaternary Sedimentation in the Tunka Rift Valley for Solving the Problems of Geoarchaeological Research

Galina G. Matasova¹, Alexey Yu. Kazansky²
 Alexandr A. Shchetnikov³, Ivan A. Filinov⁴
 Natalia E. Berdnikova⁵

^{1, 3, 4} Institute of the Earth's Crust
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Irkutsk, Russian Federation

² Geological Institute of the Russian Academy of Sciences
 Moscow, Russian Federation

^{3, 4} Vinogradov Institute of Geochemistry
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Irkutsk, Russian Federation

⁵ Irkutsk State University
 Irkutsk, Russian Federation

¹ galinamatasova@mail.ru

² kazansky_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8840-0978>

³ shch@crust.irk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4591-6421>

⁴ filinovia@crust.irk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7390-8373>

⁵ nberd@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2470-6230>

Abstract

Purpose. The paper presents the results of comprehensive studies of sediment sections of the reference geoarchaeological sites of the Tunka rift valley, with the aim of reconstructing the conditions and features of local sedimentation during the Late Quaternary period and assessing the influence of these conditions on the strategy of development of the region by ancient humans.

Results. The article deals with classifications by granulometric composition and magnetic properties of sediments. According to the classification of N. N. Verzhilin, 6 granulometric types were identified: two types of sand, two types of silty sand, two types of siltstone. The sediments were divided into 2 groups by the degree of variability of their magnetic properties.

Conclusion. It has been established that the main agents responsible for the transportation of Pleistocene-Holocene sediments within the Tunka rift valley are catastrophic flows (floods, mudflows, inundations), mobilizing a significant volume of detrital material. Following the receding of water, the material deposited by the floods was subjected to aeolian processing in highly dynamic subaerial conditions, resulting in the formation of a continuous cover loess-like complex. This, in turn, caused the total activation of slope-wash processes. Additional material was brought in the form of air suspensions and was also deposited in a complex with local products of the blowing and scattering and re-weaving of catastrophic floods sediments.

Keywords

Tunka Rift Valley, geoarchaeology, Late Quaternary sedimentation, Upper Paleolithic

Acknowledgements

This work was supported by Russian Science Foundation (project no. 23-27-00022 and 25-27-00151), State Assignment of the Geological Institute RAS (project no AAAA-A21-121011590055-6) and State Assignment of the Vinogradov Institute of Geochemistry SB RAS (project no. 0284-2021-0003)

For citation

Matasova G. G., Kazansky A. Yu., Shchetnikov A. A., Filinov I. A., Berdnikova N. E. Analysis of the Conditions of Late Quaternary Sedimentation in the Tunka Rift Valley for Solving the Problems of Geoarchaeological Research. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 21–37. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-21-37

Введение

Археологические исследования Тункинской котловины ведутся уже более 100 лет. Целенаправленный поиск палеолитических местонахождений был инициирован в начале 1980-х гг. Г. И. Медведевым [Лбова и др., 2005]. Расширение списка палеолитических объектов в Тун-

кинкой долине произошло в результате комплексного изучения четвертичных отложений, которое проводилось с 2010 г. сотрудниками Института земной коры СО РАН (Иркутск) [Shchetnikov et al., 2012; 2015; Kozyrev et al., 2014]. На сегодняшний день в долине известно незначительное количество археологических объектов (около 50), десять из них определены как палеолитические. Большая часть из них маркирована подъемными материалами или отдельными предметами в плейстоценовых отложениях [Бердникова и др., 2014]. В разрезах, расположенных в разных частях Тункинской долины, количество находок значительно различается. В разрезах на правом берегу Иркуты (Туяна, Зактуй) были собраны коллекции археологического материала [Роговской и др., 2017], в то время как в разрезах на левом берегу (Белый Яр I и Белый Яр II) археологические находки единичны.

Целью данной работы являлась реконструкция условий осадконакопления и окружающей среды по комплексу гранулометрических и петромагнитных данных в разрезах отложений верхнепалеолитических местонахождений Тункинской котловины для объяснения причин различной интенсивности жизнедеятельности древнего человека и оценки перспектив археологических исследований на данной территории.

Общие условия осадконакопления в Тункинской рифтовой долине

Тункинская рифтовая долина простирается на 200 км в субширотном направлении от юго-западного окончания оз. Байкал до оз. Хубсугул (рис. 1). Это глубокое тектоническое понижение рельефа между двумя крупными высокогорными системами – альпинотипными Тункинскими Гольцами и хр. Хамар-Дабан.

Осадконакопление в Тункинском седиментационном бассейне реализуется в условиях высокой энергии рельефообразующих процессов и литодинамических потоков. Все притоки Иркуты – магистрального водотока Тункинского рифта – селеактивны. В период исторических наблюдений катастрофические паводки здесь возникают с периодичностью 20–30 лет. Во время дегляциации этот процесс, очевидно, носил гораздо более интенсивный и масштабный характер. Кроме того, Тункинская секция Байкальской рифтовой зоны характеризуется наивысшей степенью сейсмической активности в регионе. Главные разломы этой зоны обладают потенциалом генерирования землетрясений практически максимальной для внутриконтинентальных структур магнитуды ($M = 7,5-8$). Крупные землетрясения нередко сопровождаются обвалами, перекрывающими днища горных долин. Последующий прорыв сейсмогенных плотин может приводить к катастрофическим паводкам.

Геоморфологическая позиция и литолого-стратиграфическое строение разрезов палеолитических местонахождений Тункинского рифта

Среди разрезов верхнего плейстоцена Тункинского Прибайкалья, включающих культуросодержащие горизонты, наиболее представительными являются Белый Яр I, Белый Яр II, Славин Яр, Шимки, Туяна и Зактуй (рис. 1, б). Первые три разреза вскрывают отложения деформированного новейшими тектоническими процессами террасового комплекса дистальных частей впадин Тункинского рифта, вовлеченных в инверсионные воздымания. Разрезы Туяна и Зактуй также расположены на окраине Тункинской впадины в основании склона ее горного обрамления и представлены субаэральными отложениями преимущественно покровного лессовидного комплекса. При этом разрез Зактуй локализуется в зоне фациального перехода склоновых осадков борта котловины в отложения террасового комплекса Иркуты, вскрывая одновременно и шлейф субаэральных накоплений, и аллювиальные образования тылового шва террасы. Разрез Шимки вскрывает строение первой надпойменной террасы Иркуты.

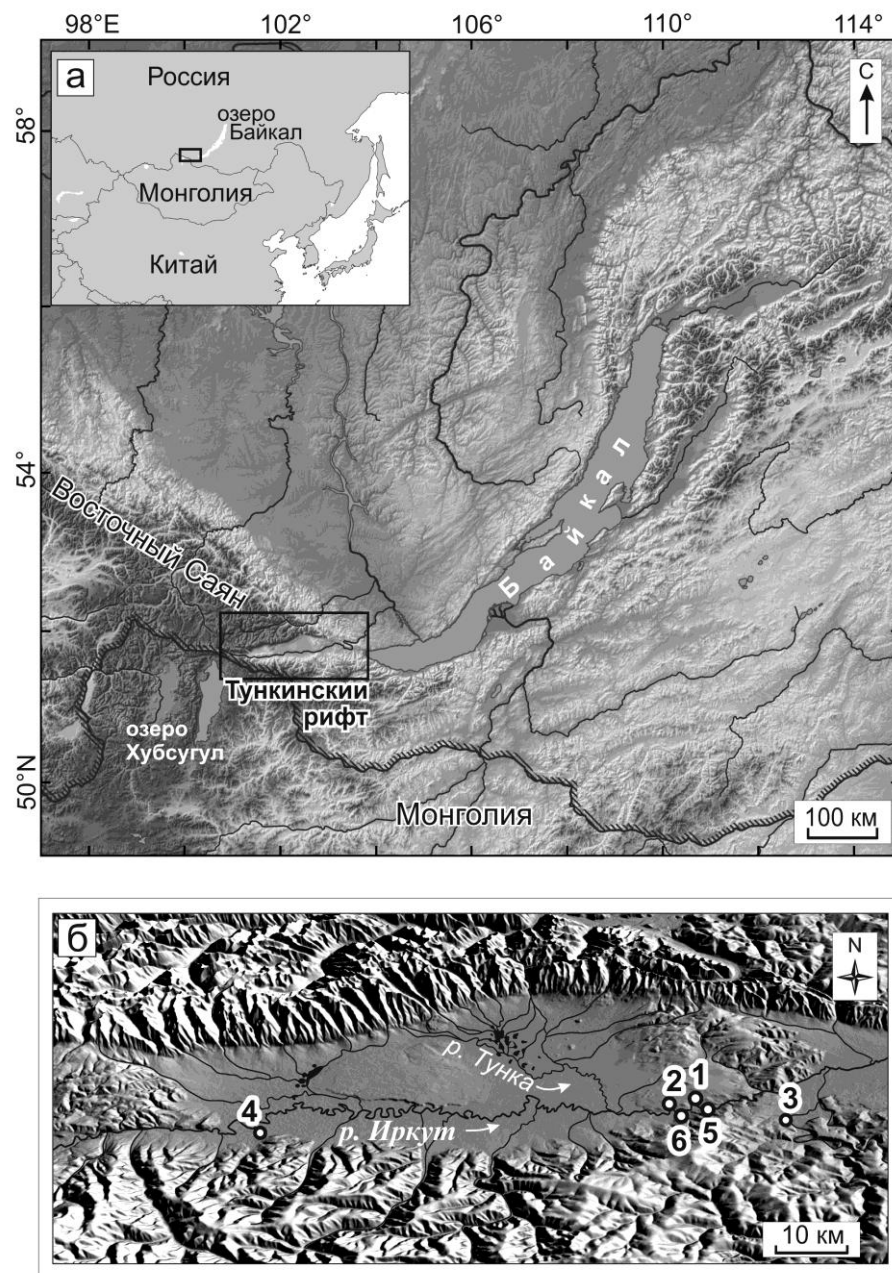

Рис. 1. Цифровая модель рельефа Байкальского региона (а) и центральной части Тункинской рифтовой долины (б) с местонахождением изученных геоархеологических объектов. Разрезы: 1 – Белый Яр I; 2 – Белый Яр II; 3 – Славин Яр; 4 – Шимки; 5 – Туяна; 6 – Зактуй
 Fig. 1. Digital relief model of the Baikal region (a) and the central part of the Tunka rift valley (b) with the location of the studied geoarchaeological objects. Sections: 1 – Bely Yar I; 2 – Bely Yar II; 3 – Slavin Yar; 4 – Shimki; 5 – Tuyana; 6 – Zaktuy

Разрез Белый Яр расположен на левобережье Иркута в восточном окончании Тункинской впадины одноименного рифта, в подножие Еловского отрога. Разрез экспонирован в двух естественных обнажениях – Белый Яр I и Белый Яр II, расположенных в 2 км друг от друга. Здесь на цоколе из третичных туфогенных песчаников и брекчий залегает сложно построен-

ная толща преимущественно песчаных образований верхнего плейстоцена переменной мощности (от 16 до 27 м).

Разрез Шимки расположен на левобережье приустьевой части р. Тайтурка, впадающей в Иркут на юго-западном окончании Тункинской впадины (см. рис. 1, б). Здесь вскрывается толща песчано-глинистых отложений, слагающих 7–8-метровой высоты первую надпойменную террасу. Поисковые археологические работы на данном разрезе до настоящего времени не проводились.

Местонахождение Туяна расположено на относительных отметках 15–35 м от уреза р. Иркут в подножие хр. Хамар-Дабан, на периклинальном замыкании сводового поднятия. Вскрытые в раскопе на глубину 3,4 м отложения разреза представлены позднелейстоцено-голоценовыми облесованными покровными супесями и суглинками. Верхняя часть отложений разреза представлена неясно слоистыми супесями, которые можно соотнести с поздним дриасом. Ниже располагаются лессовидные слоистые суглинки. Их подстилают солифлюцированные почвы.

Туяна является наиболее представительным многослойным археологическим местонахождением в Тункинской рифтовой долине. Основное количество археологического материала здесь фиксировалось в голоценовых (МИС1) и каргинских отложениях (МИС3), прежде всего – в солифлюцированных почвах [Kozyrev et al., 2014; Shchetnikov et al., 2019].

В целом в изученных разрезах (рис. 2) вскрыты отложения первой половины позднего плейстоцена (разрез Славин Яр, МИС4–МИС5?), во всех разрезах (кроме Шимков) широко и разнообразно представлены отложения второй половины позднего плейстоцена (МИС2–МИС3), также во всех разрезах достаточно детально представлены голоценовые отложения (МИС1).

Методы и материалы

Отбор образцов производился с шагом от 5 до 20 см в зависимости от мощности слоев изучаемого разреза. Из 6 разрезов было отобрано всего 923 образца, из них в Зактуе – 63 образца, в Туяне – 39, в Шимках – 34, в Славинном Яре – 284, в Белом Яре I – 270, в Белом Яре II – 233. Материал для гранулометрических и петромагнитных исследований набирался из одних и тех же образцов.

Гранулометрический состав отложений изучался методом лазерной дифрактометрии на анализаторе размера частиц Microtrac X100. Результаты измерений были представлены в виде распределения 60 фракций (от 0,1 до 700 мкм) по объему (в %), которые, в свою очередь, были объединены, согласно классификации А. В. Раукаса [1981], в песчаную (> 100 мкм), крупноалевритовую (50–100 мкм), мелкоалевритовую (10–50 мкм) и глинистую (< 10 мкм) фракции. Кроме объемного содержания фракций для гранулометрической характеристики отложений использовались спектральные (моды) и расчетные параметры: D_{cp} – средний размер зерна (как средневзвешенное значение), F – динамический фактор (отношение количества физического песка к количеству физической глины), степень сортированности осадков, рассчитанная как отношение стандартного отклонения к среднему значению параметра внутри гранулометрического типа.

Магнитные свойства отложений изучались по группам основных параметров: 1) концентрационно-зависимых (удельная магнитная восприимчивость X , магнитная восприимчивость ферромагнетиков X_{fer} и парамагнетиков X_p , намагниченность насыщения ферромагнетиков J_{fer} в поле 700 мТл, остаточная намагниченность насыщения J_{rs} , намагниченность парамагнетиков J_p в поле 700 мТл, их вклад в общую намагниченность J_p / J_i); 2) коэрцитивные характеристики (коэрцитивная сила B_c , остаточная коэрцитивная сила B_{cr}) и параметры магнитной «жесткости» (HIRM, S); 3) структурно-чувствительных (отношения B_c / B_{cr} , X_{fer} / J_{rs}); 4) показателей присутствия суперпарамагнитных (СПМ) зерен (X_{sp} , J_{sp}). Все магнитные параметры

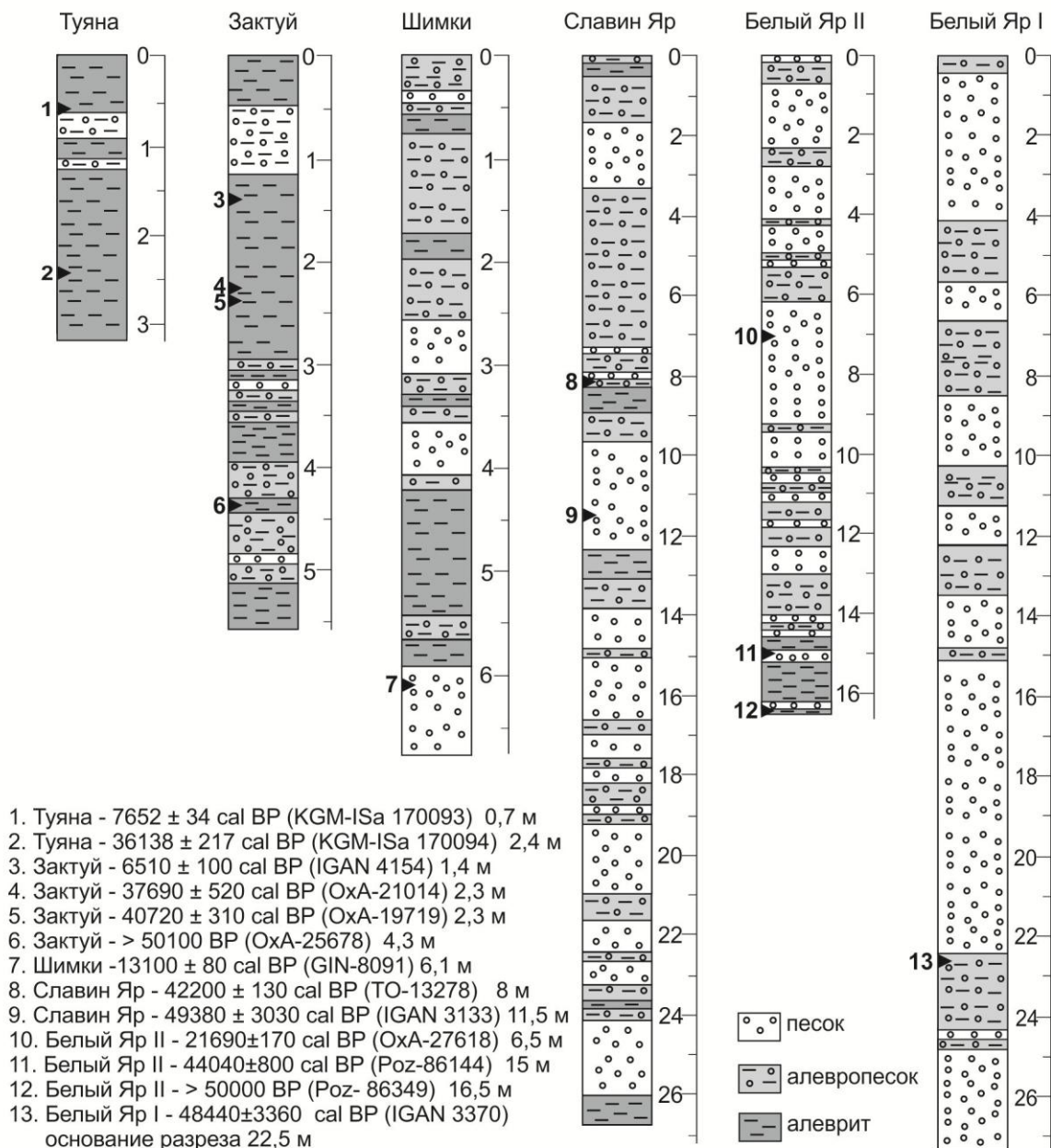

Рис. 2. Строение разрезов по гранулометрическим типам
 Fig. 2. Structure of sections according to granulometric types

снимались с петель гистерезиса, получаемых на коэрцитивном спектрометре J_meter производства КФПУ (Казань) [Jasonov et al., 1998]. Состав магнитной фракции исследовался терромагнитным методом в модификации К(Т) на каппа-мосте MFK1-FA с высокотемпературной приставкой CS4. Эксперименты проводились в нейтральной среде. Обработка и интерпретация магнитных характеристик производилась по стандартным методикам [Evans, Heller, 2003].

В работе задействовано оборудование ЦКП «Геодинамика и геохронология» Института земной коры СО РАН (№ 075-15-2021-682).

Результаты исследований

Гранулометрический состав отложений. По гранулометрическому составу, согласно классификации Н. Н. Верзилина [1995], в изученных отложениях восточной части Сибирской субэвальной формации выделено 6 гранулометрических типов. По уменьшению зернистости это: 1) песок (песчаной фракции > 90 %); 2) песок алевритистый (песчаной фракции 60–90 %, алевритовой фракции 5–40 %); 3) алевропесок (песчаной фракции 20–60 %, алевритовой фракции 20–60 %, глинистой фракции 0–5 %); 4) алевропесок глинистый (песчаной фракции 20–60 %, алевритовой фракции 20–60 %, глинистой фракции 5–20 %); 5) алеврит песчанистый (песчаной фракции 5–40 %, алевритовой фракции 60–90 %, глинистой фракции 0–5 %); 6) алеврит песчанисто-глинистый (песчаной фракции 20–40 %, алевритовой фракции 60–90 %, глинистой фракции 20–40 %). Таким образом, выделены 2 типа песка, 2 типа алевропеска, 2 типа алеврита; во избежание чрезмерной детальности, неразличимой в масштабе рисунка, мы объединили первые два типа в «песок» (песчаной фракции > 60 %), вторые – в «алевропесок» (песчаной фракции 20–60 %, алевритовой фракции 20–60 %), третьи – в «алеврит» (алевритовой фракции 60–90 %). Распределение гранулометрических типов осадков по разрезам представлено в табл. 1 и на рис. 2.

Таблица 1

Соотношение гранулометрических типов осадков
изученных разрезов (содержание в %)

Table 1

Ratio of granulometric types of sediments
of the studied sections (content in %)

Разрез / состав	Белый Яр I	Белый Яр II	Славин Яр	Шимки	Зактуй	Туяна
Песок	60	60	50	40	5	0
Алевропесок	40	30	40	45	35	10
Алеврит	0	10	10	15	60	90

Из приведенных данных видно, что отложения 2-х разрезов (Зактуй, Туяна) резко отличаются от других по гранулометрическим типам. Между собой они также различаются. Отложения разрезов Белый Яр I, Белый Яр II и Славин Яр близки по гранулометрическому составу, отличие заключается в присутствии в Белом Яру II и Славинском Яру примерно по 10–12 % алеврита, а в Белом Яру I этот гранулометрический тип не обнаружен.

Магнитные свойства отложений. По степени изменчивости концентрационно-зависимых параметров, как и по гранулометрическому составу, отложения изученных разрезов Тункинской котловины можно разделить на 2 группы (табл. 2): в первую группу входят разрезы Зактуй и Туяна, в которых значения концентрационных характеристик меняются в 2–4 раза, во вторую группу – разрезы Белый Яр I, Белый Яр II, Славин Яр и Шимки, где значения этих же характеристик меняются в 10–30 раз.

Обсуждение результатов и реконструкция обстановок осадконакопления в плейстоцене-голоцене во впадинах Тункинского рифта

Гранулометрические данные. Субэвальные осадки Тункинской котловины представлены тремя литологическими типами – песками, алевропесками и алевритами. В первых двух типах основу составляют песчаные фракции, которые транспортируются в среду осадко-

Таблица 2

Диапазоны изменений и средние значения
петромагнитных параметров отложений Тункинской котловины

Table 2

Ranges of changes and average values
of petromagnetic parameters of sediments of the Tunka basin

Параметр	Разрез						
	Белый Яр I	Белый Яр II	Славин Яр		Шимки	Закутуй	Туяна
			0-12	12-26			
Концентрация магнетиков							
$X \cdot 10^{-8}$	$\frac{22-204}{107}$	$\frac{18-224}{123}$	$\frac{9,6-172}{93,5}$	$\frac{20,9-152}{77,8}$	$\frac{21-211}{114}$	$\frac{58-200}{114}$	$\frac{72-180}{102}$
$J_{rs} \cdot 10^{-3}$	$\frac{1,7-17,5}{7,9}$	$\frac{1,3-25}{7}$	$\frac{0,6-19,4}{12,2}$	$\frac{1,8-15,7}{10,6}$	$\frac{2,2-38,6}{17,3}$	$\frac{5-15}{8,9}$	$\frac{8,5-15,5}{11}$
$J_{fer} \cdot 10^{-2}$	$\frac{1,9-34}{12,7}$	$\frac{0,7-27,5}{13,5}$	$\frac{0,3-19,6}{9,8}$	$\frac{1,2-17,4}{8,2}$	$\frac{1,2-24}{11,1}$	$\frac{7-27}{13,8}$	$\frac{8,5-15,4}{10,8}$
Магнитная жесткость							
B_c	$\frac{4,4-14,5}{7,7}$	$\frac{1,8-32,4}{5,3}$	$\frac{8,4-18,7}{12,7}$	$\frac{8,3-17}{12,4}$	$\frac{4,5-44,5}{12}$	$\frac{3-7,4}{5,7}$	$\frac{6,6-10,6}{8,3}$
B_{cr}	$\frac{34-55}{41}$	$\frac{23-56}{35,8}$	$\frac{29-57}{42,1}$	$\frac{35-47}{41,1}$	$\frac{29-68}{38}$	$\frac{30-42}{36,8}$	$\frac{24-45}{38,2}$
$HIRM \cdot 10^{-4}$	$\frac{0-1,01}{0,4}$	$\frac{0-1,04}{0,54}$	$\frac{0-1,36}{0,8}$	$\frac{0,03-1,3}{0,6}$	$\frac{0-1,29}{0,47}$	$\frac{0-2,8}{0,33}$	$\frac{0-0,9}{0,4}$
S	$\frac{0,93-1,0}{0,99}$	$\frac{0,87-1,0}{0,99}$	$\frac{0,82-1,0}{0,98}$	$\frac{0,91-1,0}{0,99}$	$\frac{0,90-1,0}{0,99}$	$\frac{0,99-1,0}{0,999}$	$\frac{0,98-1,0}{0,99}$

накопления способом сальтации либо волочением, что подразумевает близкие источники сноса обломочного материала. В котловине р. Иркут шириной до 20 км, с севера и юга закрытой горными хребтами, близкими источниками материала для построения мощных осадочных толщ могут быть: 1) разветвленные аллювиальные отложения р. Иркут и ее притоков; 2) сносимые с гор временными и периодическими потоками продукты разрушения пород горных хребтов – склоновые отложения; 3) отложения катастрофических паводков в результате прорывов естественных дамб, формирующихся за счет склоновых и неотектонических процессов.

Голоценовые отложения разреза Шимки (см. рис. 1, б), находящегося на входе долины р. Иркут в Тункинскую котловину с запада, где ее рельеф меняется с горного на равнинный, имеют наибольшую мощность из всех изученных разрезов, характеризуются наибольшим разнообразием гранулометрических типов осадков, довольно слабой сортировкой, отсутствием более древних (плейстоценовых) отложений. Совокупность гранулометрических данных дает возможность предположить, что район Шимков являлся областью основной разгрузки поступающего в котловину обломочного материала в составе голоценовых паводковых потоков Иркуты с запада.

Отложения разрезов Белый Яр I, II, локализованных на левом берегу Иркуты и облегающих подошву Еловской междувпадинной перемычки, и отложения разрезов Туяна и Зактуй, вскрытых в основании склонов хр. Хамар-Дабан на правом берегу Иркуты, почти напротив Белых Яров, в том же районе – в месте сужения котловины примерно в 60 км ниже по течению от Шимков, существенно отличаются своими гранулометрическими характеристиками. Белые Яры сложены в основном песками, чередующимися с небольшими по мощности (по сравнению с песками) слоями алевропесков. По строению разрезы схожи, слагающие их отложения одновозрастны (голоцен – вторая половина позднего плейстоцена). Отложения обоих Яров умеренно хорошо сортированы. Перепад высот по долине р. Иркут от Шимков до Белых Яров составляет ~ 65 м, по 1 м на 1 км. Гранулометрические данные свидетельствуют в пользу поступления обломочного материала тем же путем, что и в Шимки, т. е. вниз по котловине в составе суперпаводков, но их объем, мощность, скорость во второй половине позднего плейстоцена были гораздо сильнее, чем в голоцене. Мелкозернистый материал не задерживался по пути следования, вероятно, транспортировался далее, в область расширения котловины и заполнял ее нижнюю часть. Косвенно об этом свидетельствуют отложения разреза Славин Яр, находящегося еще ниже, примерно на 10 км, по течению Иркуты, на левом берегу правого притока Иркуты – р. Зун-Мурин, приблизительно в 10 км от ее впадения в Иркут. В этом разрезе отложения второй половины позднего плейстоцена и голоцена мелкозернисты, более половины объема отложений представлено алевропесками, появляются алевриты. В эту часть котловины дополнительно поступает обломочный материал, транспортируемый р. Зун-Мурин в составе сезонных паводков по ее долине. Отложения Славина Яра, формирующиеся как минимум из двух источников, умеренно хорошо сортированы. Что касается отложений первой половины позднего плейстоцена в разрезе Славин Яр, то они схожи с аналогичными отложениями Белых Яров второй половины позднего плейстоцена, в которых преобладают пески с подчиненным значением алевропесков и небольшими прослоями алевритов. Все описанные отложения можно назвать условно долинными, поскольку, скорее всего, они сформировались путем переотложения и перевевания осадков, приносимых мощными катастрофическими потоками и разгружаемых по мере транспортировки материала вниз по котловине. Косвенно на существование таких потоков указывают прослои аллювиальных песков в разрезах Шимки, Белый Яр I и II, диагностируемых, согласно [Vandenberghe, 2013], по резкому увеличению грубозернистой фракции (обр. Sh-260 и WY-520).

Отложения разрезов Зактуй и Туяна отличны от остальных. Это преимущественно субаэральные отложения, и отличаются они от бассейновых прежде всего мощностью, строением, гранулометрическими характеристиками. Между собой они также различаются, несмотря на их близкий возраст. Наиболее мелкозернистый и маломощный разрез Туяна представлен

в основном алевритами, в Зактуе также преобладающими осадками являются алевриты, но участками в разрезе встречаются алевропески и даже небольшие песчаные прослои. Даты ^{14}C свидетельствуют о начале формирования этих отложений еще в первой половине позднего плейстоцена, но сокращенная мощность не позволяет дать им характеристику. Отложения обоих разрезов хорошо и очень хорошо сортированы, и по среднему размеру зерна близки к западносибирским лессовым отложениям [Жданова и др., 2007; 2009]. Соотношения гранулометрических фракций и логнормальный, почти симметричный гранулометрический спектр указывают на поступление большей части обломочного материала из одного источника. В Туяне основная часть осадочного материала, скорее всего, транспортировалась воздушным путем с осаждением на пологих склонах предгорий с последующей переработкой склоновыми процессами (крип, плоскостной смыв, солифлюкция). В Зактуе верхняя часть разреза также сформировалась в результате склоновых процессов переработки первично эоловых осадков. Но в нижней части разреза Зактуй в спектральном составе, помимо основного пика в области алевритовых фракций, появляется дополнительный пик в диапазоне песчаных фракций, что указывает на дополнительный источник сноса местного значения. Учитывая геоморфологическую позицию разреза, можно предположить, что этим источником являются аллювиальные (пойменные) отложения р. Иркут. Основываясь на данных современного климата в этом регионе, можно предположить, что преобладающие ветра северо-западного, западного направления [Мартыанова и др., 1998] сохранились с позднего плейстоцена.

Магнитные характеристики. Несмотря на то что все изученные разрезы находятся в одной климатической зоне, в одном регионе и даже в одной долине, магнитные свойства отложений этих разрезов значительно разнятся. Различия заключаются в следующем.

1. Отложения разреза Славин Яр самые слабомагнитные, особенно нижняя половина разреза, в среднем в 1,5 раза слабее самых сильномагнитных отложений Белых Яров (см. табл. 2). При этом отложения Славина Яра наиболее магнитомягкие и мелкозернистые по магнитному зерну, соответствующие параметры в 1,5–2,5 раза отличаются от таковых в Белых Ярах. Магнитные характеристики в данном разрезе довольно четко и детально отражают его строение и генетический тип отложений, лучше, чем в остальных разрезах Тункинской котловины. По некоторым магнитным характеристикам отложения Славина Яра близки к отложениям Шимков и Туяны.

2. Отложения разрезов Белый Яр I и II, наоборот, наиболее магнитны, в верхних частях разрезов (~ до 6,5 м) наблюдаются вкрапления чистого магнетита в виде невыдержанных прерывистых слоев шириной до 5–7 мм. Отложения наиболее магнитомягкие, с широким диапазоном размеров магнитных частиц и с наименьшим вкладом парамагнетиков. Изменения магнитных характеристик недостаточно четко отражают строение разрезов, поэтому для детального изучения отложений следует привлекать другие методы (гранулометрию, геохимию, микроморфологию). По некоторым магнитным характеристикам отложения Белых Яров схожи с отложениями Зактуя, частично – Шимков.

3. Наиболее изменчивы магнитные характеристики в отложениях разреза Шимки, отсутствие видимых закономерностей не позволяет ориентироваться только на магнитные свойства отложений при изучении строения и генетических типов отложений. По разным группам параметров отложения Шимков близки то к Белым Ярам (по концентрации), то к Славину Яру (по магнитной жесткости и зерну), то к Туяне (по количеству парамагнитных минералов).

Все перечисленные особенности отложений имеют свои объяснения, опираясь на которые можно предположительно реконструировать общую картину изменения природной среды в Тункинской котловине.

Особенности магнитных свойств отложений Славина Яра следует рассматривать с учетом того, что обломочный материал, а вместе с ним и магнитный, поступал как минимум из 2-х источников, причем один из них не поставлял материал в остальные отложения Тункинской котловины. Речь идет об осадках, заполняющих долину р. Зун-Мурын, и это не только аллю-

виальные отложения, но, возможно, еще и осадки катастрофических прорывов (паводки, сели). Второй источник, как и в остальной части Тункинской долины, – аллювиальные отложения и отложения катастрофических событий самой Тункинской котловины.

Наибольшая концентрация магнитных минералов, наличие слоев чистого магнетита, отсутствие (или незначительное количество) гематита и парамагнитных минералов, отсутствие погребенных почв, широкий диапазон по размерам магнитных зерен, – все эти особенности осадконакопления разрезов Белые Яры свидетельствуют о накоплении осадков в высокодинамической обстановке и, скорее всего, в эоловой обработке продуктов разрушения пород, приносимых катастрофическими (селевыми) потоками, промытых периодическими наводнениями на р. Иркут.

Неустойчивое поведение магнитных параметров в Шимках обусловлено также особенностями осадконакопления в высокодинамической среде, но касается это только периодов малых похолоданий в голоцене. В периоды малых потеплений преобладание процессов педогенеза привело к закономерному поведению магнитных характеристик в ископаемых почвах, соответствующему записи магнитного сигнала в рамках «сибирского» механизма [Матасова и др., 2003; Matasova et al., 2023].

В Зактуе и Туяне «сибирский» механизм формирования магнитных свойств недостаточно четко выражен по иной причине: накопление на склонах супесчаных толщ, вмещающих погребенные почвы, происходило не так динамично, не с такой скоростью, как в других, более мощных и более опесчаненных отложениях Тункинской долины. Поэтому, с одной стороны, поступление магнитного материала не было таким интенсивным, как в других разрезах, и, соответственно, вмещающие отложения характеризуются меньшей магнитностью. С другой стороны, почвообразовательные процессы при низкой скорости поступления обломочно-го материала интенсивно перерабатывали осадки, приводя к более сильному новообразованию магнитных минералов и, соответственно, к повышению магнетизма почв. В результате в связи со «сближением» магнитных параметров разных по генезису отложений контрастность их магнитных свойств уменьшилась и четкая дифференциация по магнитным характеристикам смазалась.

Основные составляющие элементы климата – тепло-, влагообеспеченность, ветровая деятельность – реконструируются в результате совместного анализа гранулометрических и магнитных характеристик отложений. Тесная связь содержания крупнозернистых фракций, с одной стороны, и концентрации терригенных магнитных минералов и / или размеров магнитных зерен, с другой стороны, свидетельствует о стабильности скорости и объемов поступления осадков, постоянстве источников сноса и способов транспортировки. Отсутствие или слабая связь, как в Тункинской долине (за исключением разреза Шимки), говорит об обратном: о неустойчивости, неравномерности поступления материала, возможно, из разных источников воздушным и / или водным путем, т. е. в целом о нестабильных, неблагоприятных для проживания людей условиях. Сильная корреляция между мелкозернистыми фракциями (хотя и небольшими по содержанию) и такими магнитными характеристиками, как магнитная «жесткость», коэрцитивность, вклад парамагнетиков и суперпарамагнетиков, указывает на влияние тепло- и влагообеспеченности на состав и магнитные свойства осадков. Отсутствие или слабая связь свидетельствует о недостаточно комфортных (прохладных и засушливых) условиях в периоды оптимумов. Но как бы ни были комфортны (теплые, мягкие) условия с точки зрения жизнедеятельности людей, вряд ли бы они стали жить в местах проявления катастрофических событий (наводнений, селей).

Таким образом, совместный анализ гранулометрического состава и магнитных свойств отложений дает возможность реконструировать условия осадконакопления в различных частях Тункинской долины, на различных геоморфологических позициях и, исходя из климатических и ландшафтных особенностей, выбрать районы и условия, наиболее перспективные для поиска археологических объектов. Отсюда, в частности, следует, что ограниченное количество археологических находок в разрезах Белый Яр I и II обусловлено особенностями фор-

мирования их отложений – высокими темпами осадконакопления, поступлением рыхлого осадочного материала в составе катастрофических потоков.

Многочисленные археологические находки в разрезе Туяна, находящемся на самых высоких (из исследованных объектов) гипсометрических отметках относительно уреза воды, также объясняются особенностями среды осадконакопления – небольшой скоростью поступления материала, выраженными, развитыми (хотя и измененными склоновыми процессами) почвами, отсутствием следов катастрофических паводков. Пригодными для жизни людей условиями характеризуется также район локализации разреза Зактуй, приуроченный к инверсированному (приподнятому) участку краевой части тункинской впадины. Промежуточное положение занимает разрез Славин Яр, где скорости осадконакопления были выше, чем в разрезах Зактуй и Туяна, почвенные горизонты достаточно развитые, но археологических находок мало. Вероятно, по той же причине, что и в Белых Ярах, – влияние катастрофически паводков и склоновых селей.

Заключение

Результаты комплексного изучения позднечетвертичных отложений Тункинской рифтовой долины позволили сделать следующие выводы.

1. Основным агентом переноса плейстоценовых-голоценовых отложений в Тункинской котловине являются катастрофические потоки (паводки, сели, наводнения), мобилизующие значительный объем обломочного (а с ним и магнитного) материала.

2. После схода воды отложенный паводками материал подвергался эоловой переработке в высокодинамичных субаэральных условиях, обеспечивая формирование сплошного покровного лессовидного комплекса. Это, в свою очередь, обуславливало тотальную активизацию делювиальных процессов. Дополнительный материал приносился в виде воздушных взвесей и также отлагался в комплексе с местными продуктами разветвления и переветывания осадков катастрофических паводков.

3. Условия осадконакопления и последующее преобразование отложений (высокая скорость поступления больших объемов рыхлого материала, склоновые процессы, слабый педогенез) обусловили дифференциацию осадочных слоев разрезов только по гранулометрическому составу, магнитные свойства отложений в данных условиях не могут являться основой для характеристики строения разрезов и идентификации генетических типов отложений. Здесь известные магнитные модели записи климата работают плохо, а в некоторых случаях (например, в Белом Яру I и II) не работают вовсе. Петромагнитные исследования могут давать только дополнительную информацию об изменениях природной среды и климата в позднем плейстоцене в Тункинской котловине.

4. Единичный подъемный археологический материал является в основном переотложенным и рассеян по всей Тункинской долине в результате перераспределения осадочного материала селевыми потоками. В крупнозернистых отложениях, формировавшихся в высокодинамичных обстановках, находки сохранившихся археологических стоянок маловероятны. Наиболее перспективными объектами являются разрезы субаэральных местонахождений, близких по условиям формирования к Туяне и Зактуй, приуроченным к еланям и куйтунам – инверсированным участкам дистальных частей впадин.

Список литературы

Бердникова Н. Е., Бердников И. М., Роговской Е. О., Тимошенко А. А., Уланов И. В., Соколова Н. Б., Попов А. А., Когай С. А. Новые археологические объекты в Тункинской котловине (Байкальская рифтовая зона) // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2014. Вып. 3. С. 19–41.

- Верзилин Н. Н.** О классификации осадочных пород при литолого-палеогеографических исследованиях // Геология и геофизика. 1995. Т. 36, № 11. С. 131–141.
- Жданова А. И., Казанский А. Ю., Зольников И. Д., Матасова Г. Г., Гуськов С. А.** Опыт фациально-генетического расчленения субаэриальных отложений Новосибирского Приобья геолого-петромагнитными методами на примере опорного разреза “Огурцово” // Геология и геофизика. 2007. Т. 48, № 4. С. 446–459.
- Жданова А. И., Матасова Г. Г., Зольников И. Д., Казанский А. Ю., Гуськов С. А.** Условия накопления четвертичных субаэриальных отложений Новосибирского Приобья по геолого-геофизическим данным разреза Кольцово // Вестник Санкт-Петерб. гос. ун-та. Серия 7. Геология и География. 2009. № 3. С. 69–85.
- Лбова Л. В., Липнина Е. А., Медведев Г. И., Новосельцева В. М., Постнов А. В., Федоренко А. Б.** Предварительное археологическое зонирование территорий Восточного Саяна, проблемы и перспективы поиска объектов каменного века // Проблемы археологии, этнологии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2005. Т. 11, ч. 1. С. 150–156.
- Матасова Г. Г., Казанский А. Ю., Зыкина В. С.** Наложение “аласкинской” и “китайской” моделей записи палеоклимата в магнитных свойствах отложений верхнего и среднего неоплейстоцена на юге Западной Сибири // Геология и геофизика. 2003. Т. 44, № 7. С. 638–651.
- Мартьянова Г. Н., Снытко В. А., Шипек Т.** Признаки современных эоловых процессов в тункинских котловинах (Юго-Западное Прибайкалье). Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 1998. 56 с.
- Раукас А. В.** Классификация обломочных пород и отложений по гранулометрическому составу. Таллин: Ин-т геологии АН Эстонской ССР, 1981. 24 с.
- Роговской Е. О., Бердникова Н. Е., Липнина Е. А., Воробьева Г. А., Бердников И. М., Кузнецов А. М., Лохов Д. Н., Щетников А. А.** Особенности палеолита Тункинской долины // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 871–872.
- Evans M. E., Heller F.** Environmental Magnetism. New York: Academic Press, 2003. 299 p.
- Jasonov P. G., Nurgaliev D. K., Burov B. V., Heller F.** A modernized coercivity spectrometer // *Geologica Carpathica*. 1998. Vol. 49, no. 3. P. 224–226.
- Kozyrev A., Shchetnikov A., Klementev A., Filinov I. A., Fedorenko A., White D.** The early Upper Palaeolithic of the Tunka rift valley, Lake Baikal region, Siberia // *Quaternary International*. 2014. Vol. 348. P. 4–13.
- Matasova G. G., Kazansky A. Yu., Shchetnikov A. A., Filinov I. A.** The Kuytun Valley as an Exogeodynamic Test Site for Practicing the Application of Methodology for Interdisciplinary Research in the Sedimentation Settings of Loess-Like Cover Deposits in the Late Pleistocene Transbaikalia // *Geodynamics & Tectonophysics*. 2023. Vol. 14, no. 3. 0703. DOI 10.5800/GT-2023-14-3-0703
- Shchetnikov A. A., Khenzykhenova F. I., Klementev A. M., Simakova A. N., Semenei E. Y., Filinov I. A.** Changes of environments and climate during the Late Pleistocene and Holocene reconstructed from aeolian and colluvial deposits of the Zaktui site (Tunka rift valley, Baikal region) // *Quaternary International*. 2015. Vol. 355. P. 80–89.
- Shchetnikov A. A., White D., Filinov I. A., Rutter N.** Late Quaternary geology of the Tunka rift basin (Lake Baikal region) // *Journal of Asian Earth Sciences*. 2012. Vol. 46. P. 195–208.
- Shchetnikov A. A., Bezrukova E. V., Kazansky A. Yu., Matasova G. G., Ivanova V. V., Khenzykhenova F. I., Danukalova G. A., Osipova E. M., Filinov I. A., Berdnikova N. E., Berdnikov I. M., Rogovskoy E. O., Lipnina E. A., Vorobyova G. A.** The Tuyana section – a multiproxy record of sedimentation and environmental history during the Late Pleistocene and Holocene in the Tunka rift valley, Baikal region // *Quaternary International*. 2019. Vol. 534. P. 138–157.

Vandenbergh J. Grain size of fine-grained windblown sediment: A powerful proxy for process identification // *Earth-Sci. Rev.* 2013. Vol. 121. P. 18–30.

References

- Berdnikova N. E., Berdnikov I. M., Rogovskoy E. O., Timoshchenko A. A., Ulanov I. V., Sokolova N. B., Popov A. A., Kogay S. A.** New archaeological sites in the Tunka basin (Baikal rift zone). *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, cultures*, 2014, iss. 3, pp. 19–41. (in Russ.)
- Evans M. E., Heller F.** Environmental Magnetism. New York, Academic Press, 2003, 299 p.
- Jasonov P. G., Nurgaliev D. K., Burov B. V., Heller F.** A modernized coercivity spectrometer. *Geologica Carpathica*, 1998, vol. 49, no. 3, pp. 224–226.
- Kozyrev A., Shchetnikov A., Klementev A., Filinov I. A., Fedorenko A., White D.** The early Upper Palaeolithic of the Tunka rift valley, Lake Baikal region, Siberia. *Quaternary International*, 2014, vol. 348, pp. 4–13.
- Lbova L. V., Lipnina E. A., Medvedev G. I., Novoseltseva V. M., Postnov A. V., Fedorenko A. B.** Preliminary archaeological zoning of the territories of the Eastern Sayan, problems and prospects of searching for Stone Age objects. *Problems of archeology, ethnology, anthropology of Siberia and adjacent territories*, 2005, vol. 11, pt. 1, pp. 150–156. (in Russ.)
- Matasova G. G., Kazansky A. Yu., Zykina V. S.** Superposition of “Alaskan” and “Chinese” models of paleoclimate records in magnetic properties of upper and middle Neopleistocene deposits in southern West Siberia. *Russian Geology and Geophysics*, 2003, vol. 44, no. 7, pp. 607–619. (in Russ.)
- Matasova G. G., Kazansky A. Yu., Shchetnikov A. A., Filinov I. A.** The Kuytun Valley as an Exogeodynamic Test Site for Practicing the Application of Methodology for Interdisciplinary Research in the Sedimentation Settings of Loess-Like Cover Deposits in the Late Pleistocene Transbaikalia. *Geodynamics & Tectonophysics*, 2023, vol. 14, no. 3, 0703. DOI 10.5800/GT-2023-14-3-0703
- Martyanova G. N., Snytko V. A., Shchipek T.** Signs of modern aeolian processes in the Tunka depressions (Southwestern Baikal region). Irkutsk, Institute of Geology SB RAS Publ., 1998, 56 p. (in Russ.)
- Raukas A. V.** Classification of clastic rocks and sediments by granulometric composition. Tallinn, Institute of Geology of the Academy of Sciences of the Estonian SSR, 1981, 24 p. (in Russ.)
- Rogovskoy E. O., Berdnikova N. E., Lipnina E. A., Vorobyova G. A., Berdnikov I. M., Kuznetsov A. M., Lokhov D. N., Shchetnikov A. A.** Features of the Paleolithic of the Tunka Valley. In: V (XXI) All-Russian Archaeological Congress. Barnaul, AltSU Press, 2017, pp. 871–872. (in Russ.)
- Shchetnikov A. A., Khenzykhenova F. I., Klementev A. M., Simakova A. N., Semenei E. Y., Filinov I. A.** Changes of environments and climate during the Late Pleistocene and Holocene reconstructed from aeolian and colluvial deposits of the Zaktui site (Tunka rift valley, Baikal region). *Quaternary International*, 2015, vol. 355, pp. 80–89.
- Shchetnikov A. A., White D., Filinov I. A., Rutter N.** Late Quaternary geology of the Tunka rift basin (Lake Baikal region). *Journal of Asian Earth Sciences*, 2012, vol. 46, pp. 195–208.
- Shchetnikov A. A., Bezrukova E. V., Kazansky A. Yu., Matasova G. G., Ivanova V. V., Khenzykhenova F. I., Danukalova G. A., Osipova E. M., Filinov I. A., Berdnikova N. E., Berdnikov I. M., Rogovskoy E. O., Lipnina E. A., Vorobyova G. A.** The Tuyana section – a multiproxy record of sedimentation and environmental history during the Late Pleistocene and Holocene in the Tunka rift valley, Baikal region. *Quaternary International*, 2019, vol. 534, pp. 138–157.
- Vandenbergh J.** Grain size of fine-grained windblown sediment: A powerful proxy for process identification. *Earth-Sci. Rev.*, 2013, vol. 121, pp. 18–30.

- Verzilin N. N.** On the classification of sedimentary rocks in lithologic-paleogeographic investigations. *Russian Geology and Geophysics*, 1995, vol. 36, no. 11, pp. 131–141. (in Russ.)
- Zhdanova A. I., Kazansky A. Yu., Zolnikov I. D., Matasova G. G., Guskov S. A.** Applications of geological and petromagnetic methods to facies-genetic division of subaerial deposition in the Ob' region near Novosibirsk (Ogurtsovo key section). *Russian Geology and Geophysics*, 2007, vol. 48, no. 4, pp. 349–360. (in Russ.)
- Zhdanova A. I., Matasova G. G., Zolnikov I. D., Kazansky A. Yu., Guskov S. A.** Deposition conditions Quaternary subaerial sediments of the Novosibirsk Ob' region according to the geological and geophysical data from the Koltsovo section. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 7: Geology and Geography*, 2009, no. 3, pp. 69–85. (in Russ.)

Информация об авторах

- Галина Гельевна Матасова**, доктор геолого-минералогических наук
Scopus Author ID 6603321863
WoS Researcher ID B-4749-2014
RSCI Author ID 63949
- Алексей Юрьевич Казанский**, доктор геолого-минералогических наук, профессор
Scopus Author ID 24461920300
WoS Researcher ID D-2607-2015
RSCI Author ID 61272
SPIN 8151-3812
- Александр Александрович Щетников**, кандидат геолого-минералогических наук
Scopus Author ID 23989643500
WoS Researcher ID L-1032-2017
RSCI Author ID 62348
SPIN 6386-4298
- Иван Анатольевич Филинов**, кандидат геолого-минералогических наук
Scopus Author ID 23060394600
WoS Researcher ID T-1907-2018
RSCI Author ID 70341
SPIN 2024-8196
- Наталья Евгеньевна Бердникова**
Scopus Author ID 55707335800
WoS Researcher ID AАН-8926-2019
RSCI Author ID 70233
SPIN 5002-1496

Information about the Authors

- Galina G. Matasova**, Doctor of Sciences (Geology and Mineralogy)
Scopus Author ID 6603321863
WoS Researcher ID B-4749-2014
RSCI Author ID 63949
- Alexey Yu. Kazansky**, Doctor of Sciences (Geology and Mineralogy), Professor
Scopus Author ID 24461920300
WoS Researcher ID D-2607-2015
RSCI Author ID 61272
SPIN 8151-3812

Alexandr A. Shchetnikov, Candidate of Sciences (Geology and Mineralogy)

Scopus Author ID 23989643500
WoS Researcher ID L-1032-2017
RSCI Author ID 62348
SPIN 6386-4298

Ivan A. Filinov, Candidate of Sciences (Geology and Mineralogy)

Scopus Author ID 23060394600
WoS Researcher ID T-1907-2018
RSCI Author ID 70341
SPIN 2024-8196

Natalia E. Berdnikova

Scopus Author ID 55707335800
WoS Researcher ID AАН-8926-2019
RSCI Author ID 70233
SPIN 5002-1496

Вклад авторов:

Г. Г. Матасова – разработка концепции исследования, отбор и анализ материала, подготовка иллюстраций, формулирование выводов, подготовка первой версии статьи.

А. Ю. Казанский – разработка концепции исследования, отбор и анализ материала, подготовка иллюстраций, формулирование выводов, доработка текста.

А. А. Щетников – разработка концепции исследования, отбор и анализ материала, подготовка иллюстраций, доработка текста.

И. А. Филинов – отбор и анализ материала, подготовка иллюстраций.

Н. Е. Бердникова – разработка концепции исследования, анализ материала.

Contribution of the Authors:

Galina G. Matasova, development of the research concept, selection and analysis of material, preparation of illustrations, formulation of conclusions, preparation of the first version of the article.

Alexey Yu. Kazansky, development of the research concept, selection and analysis of material, preparation of illustrations, formulation of conclusions, revision of the text.

Alexandr A. Shchetnikov, development of the research concept, selection and analysis of material, preparation of illustrations, formulation of conclusions, revision of the text.

Ivan A. Filinov, selection and analysis of material, preparation of illustrations, revision of the text.

Natalia E. Berdnikova, development of the research concept, analysis of material, revision of the text.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024;

одобрена после рецензирования 29.11.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted on 18.10.2024;

approved after reviewing on 29.11.2024; accepted for publication on 29.11.2024

Научная статья

УДК 903.01

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-38-51

К определению полноты технологических контекстов в каменной индустрии культурного слоя 3 позднепалеолитической стоянки Стрелка-1 в Красноярске (на примере скребел)

Александр Викторович Колесник¹

Евгений Юрьевич Гирия²

Александр Викторович Барков³

Евгений Владимирович Артемьев⁴

^{1,2} Институт истории материальной культуры
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

¹ Донецкий государственный университет
Донецк, Россия

² Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного
и природного наследия «АВ КОМ-Наследие»
Екатеринбург, Россия

^{3,4} Красноярская Геоархеология
Красноярск, Россия

¹ akolesnik2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8438>

² kostionki@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2037-9826>

³ barkovalex@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3303-5635>

⁴ microcore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0845-3077>

Аннотация

Культурный слой 3 стоянки Стрелка-1 относится к верхнему палеолиту и содержит изделия из камня и прочие находки. На основании доказательной интерпретации скребел предполагается, что часть орудий была принесена на стоянку в готовом виде, часть изготавливалась и использовалась на месте, часть изготавливалась и уносилась. Наибольшую производственную ценность имели скребла со следами интенсивной обработки. Выделение трех групп каменного инвентаря по их месту в полном цикле расщепления позволяет уточнить количественную и качественную оценку целей расщепления, этапы обработки орудия, их назначение, а также длительность использования. Изучаемая коллекция отражает динамические процессы накопления комплекса материальных остатков – процессы аккумуляции на ограниченном участке местности различных по полноте фрагментов последовательностей расщепления камня.

Ключевые слова

верхний палеолит, каменные индустрии, технологический контекст форм, полнота контекста продуктов расщепления, скребла, общий неутилитарный износ (транспортировка)

Благодарности

Работы проведены в рамках ведомственного исследовательского проекта «Палеолит стрелки рек Енисей и Кача: материальная культура, хронология, хозяйственные стратегии» ООО «Красноярская Геоархеология», программы ФНИ ГАН FMZF-2022-0012 и государственного задания № госрегистрации НИР 124012400356-4. Неоценимую помощь в осуществлении задачи исследования оказала О. А. Полякова. Графическое оформление А. Ю. Халтаевой, С. Т. Лис, А. Н. Тришкиной, фотографии Н. Н. Желябовского и Е. Ю. Гири. Авторы

© Колесник А. В., Гирия Е. Ю., Барков А. В., Артемьев Е. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 38–51

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 38–51

выражают искреннюю признательность директору ООО «Красноярская Геоархеология» Д. Н. Лысенко за поддержку проекта на всех этапах его реализации.

Для цитирования

Колесник А. В., Гиря Е. Ю., Барков А. В., Артемьев Е. В. К определению полноты технологических контекстов в каменной индустрии культурного слоя 3 позднелепестчатой стоянки Стрелка-1 в Красноярске (на примере скребел) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 38–51. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-38-51

To the Definition of Technological Contexts Completeness of in Stone Industry from Cultural Layer 3 of Late Paleolithic Site Strelka-1 in Krasnoyarsk (On the Example of Side Scrapers)

Aleksandr V. Kolesnik¹, Evgenii Yu. Giryа²
Aleksandr V. Barkov³, Evgenii V. Artemiev⁴

^{1,2} Institute for the History of Material Culture
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

¹ Donetsk State University
Donetsk, Russian Federation

² Scientific and Analytical Center
for Problems of Preservation of Cultural
and Natural Heritage “AV COM-HERITAGE”
Ekaterinburg, Russian Federation

^{3,4} Krasnoyarsk Geoarchaeology
Krasnoyarsk, Russian Federation

¹ akolesnik2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8438>

² kostionki@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2037-9826>

³ barkovalex@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3303-5635>

⁴ microcore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0845-3077>

Abstract

Purpose. The Strelka-1 site is located in the historical center of Krasnoyarsk where the Kacha River flows into the Yenisei River. Cultural layer 3 of the site dates back to the Upper Paleolithic period and contains numerous items made of stone and organic materials – fragments of animal bones, wood, and bone ashes. Based on the evidential interpretation of one of the categories of stone implements (side scrapers), the authors assume that some of the tools were brought to the site in a ready-made form, some were made and used on site, and some were made and taken away.

Results. The side scrapers with traces of intensive processing were of the highest production value. Three of these scrapers showed traces of general non-utilitarian wear – a consequence of their transportation in some loose soft packing. The implements of other types were mostly produced and utilized locally. The separation of three groups of stone implements according to their place in the complete knapping cycle allows us to clarify the quantitative and qualitative assessment of knapping purposes, the stages of tool processing, their purpose, as well as the duration of use.

Conclusion. Such a method is aimed at studying specific archaeological sites as objects of a certain purpose and at determining the functional type of individual concentrations that we have identified within the boundaries of the cultural layer. The studied collection of stone products of cultural layer 3 reflects the dynamic processes of accumulation of a complex of material remains – the processes of accumulation of fragments of stone splitting sequences of various completeness in a limited area of the terrain.

Keywords

Upper Paleolithic, stone industries, technological context of forms, completeness of context of cleavage products, side scrapers, general non-utilitarian wear (transportation)

Acknowledgements

The Research was conducted within the framework of the research project “Paleolithic of the Yenisey and Kacha rivers confluence: material culture, chronology, economic strategies” of LLC “Krasnoyarsk Geoarchaeology”, Program of Fundamental Researches of the State Academies of Sciences FMZF-2022-0012 and the State assignment no. 124012400356-4 of the state registration of scientific research work.

Invaluable assistance in the implementation of the research task was provided by O. A. Polyakova. Graphic design by A. Yu. Khaltaeva, S. T. Lis, A. N. Trishkina, photographs by N. N. Zhelyabovskii and E. Yu. Giryа. The authors express their sincere gratitude to D. N. Lysenko, Director of LLC “Krasnoyarsk Geoarchaeology”, for supporting the project at all stages of its implementation.

For citation

Kolesnik A. V., Giryа E. Yu., Barkov A. V., Artemiev E. V. To the Definition of Technological Contexts Completeness of in Stone Industry from Cultural Layer 3 of Late Paleolithic Site Strelka-1 in Krasnoyarsk (On the Example of Side Scrapers). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 38–51. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-38-51

Введение

Стоянка Стрелка-1 находится в историческом центре Красноярска в месте впадения р. Качи в р. Енисей (рис. 1), где фиксируются культурные остатки от позднего палеолита до исторической современности [Лысенко, Тарасов, 2011; Павлов, Галухин, 2015]. Наиболее многочисленные остатки позднего палеолита происходят из культурного слоя 3 стоянки Стрелка-1, часть материалов предварительно опубликована в нескольких заметках [Барков, Колесник, 2024; Гиря и др., 2025]. Культурный слой 3 был исследован в 2021 г. в раскопе площадью 689,5 кв. м. Некалиброванные радиоуглеродные датировки слоя по кости и углю составляют 13301 ± 47 л. н. (RICH-34283.1.1) и 13236 ± 66 л. н. (GV-4193) [Барков, Колесник, 2024, с. 78]. Культурный слой 3 содержит каменные и костяные изделия, остатки костей животных, золистый материал. Культурные остатки сохранились в состоянии *in situ*, но слой был сильно поврежден в Новое и Новейшее время. Коллекция каменного инвентаря слоя включает около 6,5 тыс. изделий из различных вулканогенно-осадочных и метаосадочных, магматических, высокремнистых горных пород. Представлены все категории каменного инвентаря, от галек со следами пробных сколов до предельно сработанных нуклеусов и орудий, чешуек, сколов подправки.

Актуальность работы продиктована необходимостью дальнейшей разработки концепции изменчивости технологических контекстов каменных индустрий позднего палеолита Сибири. Новизна заключается в использовании результатов тотального ремонта сколов, с учетом сырьевых групп и их технологического значения, анализа последовательности сколов. На основании комплексного анализа каменных артефактов можно ставить и решать вопросы типологии изделий и технологии производства, глубины переработки каменного сырья, полноты цикла расщепления и др. с учетом сырьевых групп и их технологического значения. Цель работы – доказательная интерпретация структуры каменного инвентаря культурного слоя 3 стоянки Стрелка-1 на основании выделения технологических контекстов полного цикла расщепления, в качестве одного из типовых образцов структуры позднепалеолитических индустрий Среднего Енисея. Предметом анализа выбрана одна из наиболее многочисленных и дифференцированных категорий инвентаря – скребла. Они подвергались наиболее интенсивной обработке. Доказательная интерпретация археологического источника – базовое условие современных археологических реконструкций [Гиря, 2017; 2019; Giryа, 2022].

Методы

Проблема «мобильности» сырья и каменной продукции, технологических контекстов полной цепочки расщепления давно анализируется с помощью инструментов технологического анализа, трансформационного анализа (ТА), анализа последовательности сколов (Scarp pattern analysis – SPA) и др. Описываются комплексы от среднего палеолита до неолита [Bataille, 2006; Gorelik et al., 2017]. Наиболее полярные контексты, как правило, рассматриваются в виде двух бинарных фракций (или контекстов) полного цикла расщепления – «on-site»

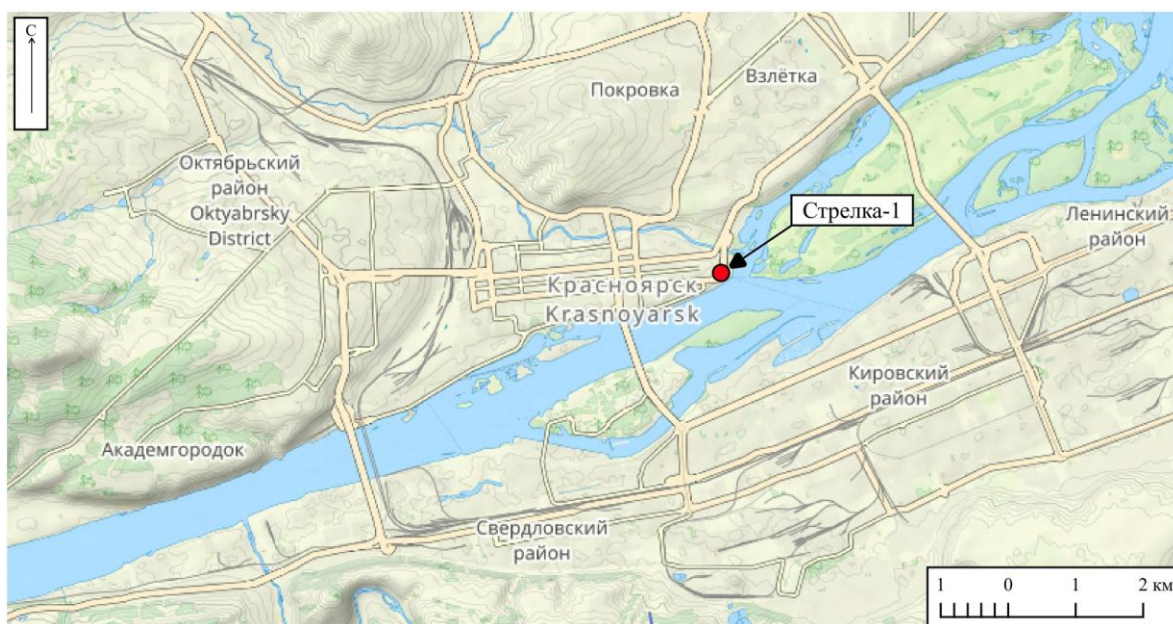

Рис. 1. Карта-схема расположения стоянки Стрелка-1

Fig. 1. The site Strelka-1 location map

и «off-site» (продукция, произведенная на стоянке и вне ее пределов). Количество выделяемых исследователями технологических контекстов зависит от функционального типа памятников, полноты коллекций. Такие контексты каменного инвентаря объединяют генетически связанные продукты расщепления камня, сгруппированные по степени полноты или фрагментарности операционной последовательности (полного цикла расщепления), в зависимости от локализации производственного процесса. Теоретически таких условных технологических контекстов инвентаря (необходимых и достаточных) должно быть не менее трех. Совокупность производственных остатков включает принесенные со стороны готовые к употреблению или частично готовые орудия (технологический контекст 1), полностью изготовленные на месте и использованные здесь же орудия (технологический контекст 2), а также следы изготовления орудий, которые были вынесены за пределы данной площадки обитания и использовались «на стороне» (технологический контекст 3). Технологические контексты 1 и 3 генетически сопряжены, но в пространстве разомкнуты [Колесник, 2024].

Такая структура каменного инвентаря стоянок хорошо заметна при комплексном использовании данных ремонта продуктов расщепления, анализа последовательности сколов и данных трасологии, характеристики сырьевых групп сколов и фрагментов, происходящих от отдельных галек и валунов, но не вошедших в складни, описания технологического контекста этого дебитаж. Был проведен тотальный ремонт всех продуктов расщепления камня индустрии слоя 3 с учетом сырьевых групп и их технологического значения. Около 400 элементов удалось совместить в 73 складня.

Важным аргументом для определения эффекта переноса (транспортировки) каменных орудий являются следы неутилитарного износа на поверхности орудий в виде специфических полей заполированности на межфасеточных ребрах. Изучение следов транспортировки (неутилитарного износа) представляют собой последствия воздействия различных предметов друг на друга в результате соприкосновения – многочисленных слабых динамических контактов между ними. Чаще всего это следы абразивного воздействия (в основном – истирания). Наиболее интенсивно они формируются именно в процессе хранения и переноски в каком-то ограниченном пространстве – в мешке или коробке [Гиря, Реси́но Леон, 2002;

Карманов, Гиря, 2018]. Степень их развития зависит от характера, продолжительности и интенсивности контактов между предметами. Наряду со следами использования и следами обработки, следы общего износа являются «реперной точкой», указателем последовательности возникновения различных поверхностей конкретного артефакта. На основании стратиграфии этих следов могут быть выделены старые, подправленные и самые поздние («свежие») элементы формы, определена «биография» вещи [Гиря, 2015]. С целью определения следов не-утилитарного износа были рассмотрены все скребла, при этом макропризнаки такого износа, предположительно, отмечены только на трех из них. Эти изделия были детально изучены под биноклем с увеличением до 100 крат при косо направленном внешнем освещении. Рабочие кромки специально не анализировались, определение функции скребел – отдельная тема.

Материалы и наблюдения

Скребла – собирательная категория каменного инвентаря, в которую традиционно включают орудия с протяженными краями, оформленными ретушью с одной стороны. Большое влияние на типологию скребел позднего палеолита Сибири оказала классическая типология орудий среднего палеолита Ф. Борда [Bordes, 1961], несмотря на специфику сибирских коллекций. Эта собирательная типологическая дефиниция не касается реальной функции орудия. В тип-листе 3. А. Абрамовой, разработанном для коллекций каменных артефактов позднего палеолита Среднего Енисея, к скреблам в качестве отдельного типа относятся также отщепы с ретушью [Абрамова, 1979, с. 111]. Скребла индустрии культурного слоя 3 (учтено 28 экз., а также 8 фрагментов) изготавливались из отщепов, преимущественно из первичных, сохраняющих галечную корку. Скребла имеют следы обработки, различной по степени интенсивности, в том числе кардинально изменившей первоначальную форму заготовки (таких скребел 5). Ряд скребел изготовлены из вторичных сколов, эти изделия более тонкие, и обработка велась мелкими сколами по краям, не меняя форму заготовки.

Из пяти скребел со следами интенсивной обработки, покрывающей всю дорсальную поверхность орудия или ее значительную часть, следы неутилитарного износа (транспортировки) были уверенно подтверждены на трех образцах. Опишем эти образцы ¹.

Скребло продольное выпуклое обушковое, с утонченным галечным обушком (рис. 2, 1–4), складень 21. Сырье – светло-серо-зеленая мелкозернистая кремнистая порода. Нижняя сторона скребла – широкий негатив крупного первичного скола с гальки. Оставшаяся плоско-выпуклая часть гальки подверглась систематической обработке при помощи операций понижения рельефа спинки, формирования контура лезвия и его заострения, утончения галечного обушка (рис. 2, 2, а, с). Следы неутилитарного износа (транспортировки – манипулирования) обнаружены на обеих сторонах изделия. Они хорошо читаются на поверхностях, краях и межфасеточных ребрах (рис. 2, 4, а–с; следы транспортировки отмечены голубым цветом). Благодаря этим следам на спинке орудия удастся различить сколы, сделанные до возникновения следов транспортировки, и более поздние, относительно «свежие», сделанные после нее. Это свидетельствует о как минимум двух этапах «жизни» артефакта: от момента изготовления до переоформления и после него (следы «свежих» сколов отмечены зеленым). На левом ретушированном крае орудия прослеживается износ, напоминающий следы использования. Для проверки этого предположения необходимы анализ этих следов под большим увеличением и, скорее всего, серия экспериментов, предполагающих выяснение и кон-

¹ Рисунки и фотографии содержат отдельную информацию. На рисунках скребел разным цветом отмечены последовательные этапы их обработки, определенные по наложению фасеток от блоков сколов по принципу Scar pattern analysis (SPA), в соответствии с легендой в таблицах: нумерация цветовых символов отражает порядок нанесения сколов. На фотографиях скребел зеленым цветом отмечены самые свежие поверхности, ребра и края, синим – общий неутилитарный износ (транспортировка), красным – следы использования (сплошная линия) или предполагаемые следы использования (пунктир). Во многих случаях следы неутилитарного износа перекрывают и маскируют сколы обработки, затрудняя их «прочтение». Следы последовательной обработки и общего износа (транспортировки) могут не совпадать.

кретизацию результатов наложения следов транспортировки на следы использования различных видов.

Скребло неправильно-овальное частично-двустороннее с утонченным корпусом (рис. 2, 5–8). Сырье – темно-малиново-серая порода камня. Орудие интенсивно обрабатывалось, отмечено не менее 8-ми последовательных систем сколов с двух сторон (рис. 2, 6, а, с). Следы неутилитарного износа (транспортировки – манипулирования) обнаружены на спинке и брюшке изделия (обозначены на рисунке голубым цветом) (рис. 2, 8, а–с). Все они приурочены к поверхностям, краям и межфасеточным ребрам, существовавшим на нем до серии сколов подправки (обозначены на рисунке зеленым).

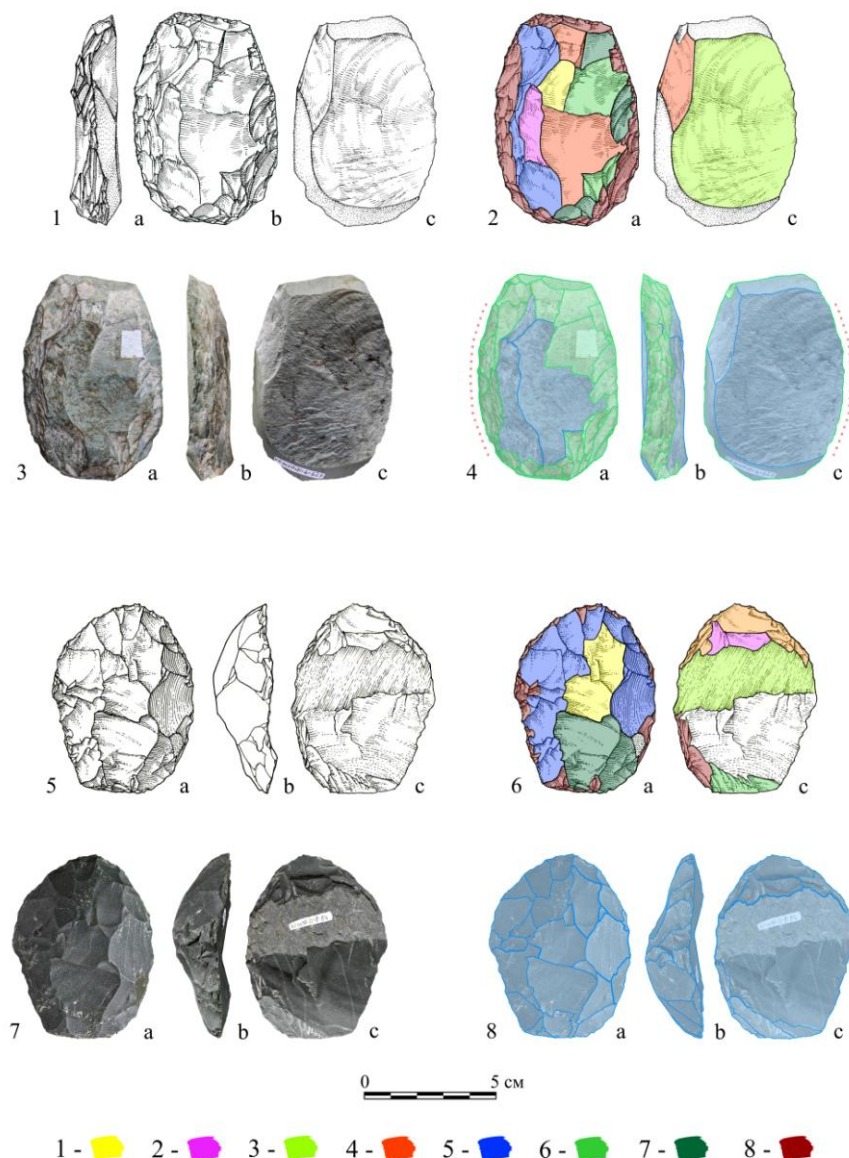

Рис. 2. Скребло продольное выпуклое (1–4): схема порядка обработки (2, а, с), схема следов транспортировки (4, а–с); скребло неправильно-овальное (5–8): схема обработки (6, а, с), схема следов транспортировки (8, а–с). Нумерация цветовых символов отражает порядок нанесения сколов

Fig. 2. Longitudinal convex scraper (1–4): scheme of processing sequence (2, а, с), scheme of transportation traces (4, а–с); side scraper irregular-oval (5–8): scheme of processing (6, а, с), scheme of transportation traces (8, а–с). The numbering of color symbols reflects the sequence of flaking

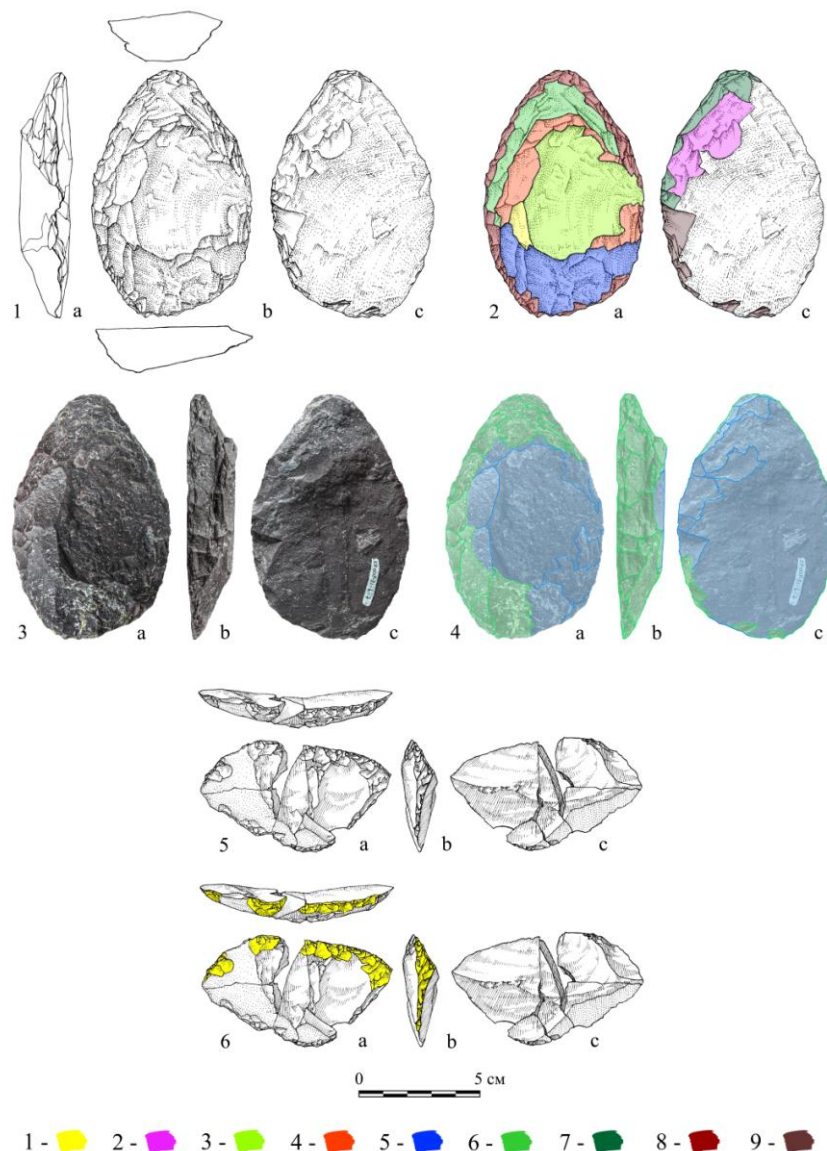

Рис. 3. Скребло с двусторонней обработкой (1, а–с; 3, а–с): схема порядка обработки (2, а, с), схема следов транспортировки (4, а–с); скребло простое выпуклое, складень 10-б (5, 6): схема порядка обработки (6, а–с). Нумерация цветových символов отражает порядок нанесения сколов

Fig. 3. Scraper with bifacial flaking (1, a–c; 3, a–c): scheme of processing sequence (2, a, c), scheme of transportation traces (4, a–c); simple convex scraper, refitting model 10-b (5, 6): scheme of processing sequence (6, a–c). The numbering of color symbols reflects the order of flaking

Скребло овально-листовидное частично двустороннее с утончением (рис. 3, 1–4). Системы последовательных сколов и их остатки показывают, что орудие было сформировано в результате неоднократных подправок (рис. 3, 2, а, с). Сырье – серо-зеленая мелкозернистая кремнистая порода. Следы неутилитарного износа (транспортировки – манипулирования) обнаружены на всех поверхностях, краях и межфасеточных ребрах изделия (рис. 3, 4, а–с). По степени интенсивности развития удается различить следы как минимум двух этапов «жизни» артефакта: ранний – готовое скребло, и более поздний (или несколько более поздних) – скребло после значительной (охватывающей почти весь периметр изделия) подправки, выполненной преимущественно односторонней обивкой. После последней серии сколов

подправки изделие вновь транспортировалось. Использовалось ли оно после этого, однозначно ответить сложно. До более детального исследования артефакта, учитывая высокое качество сырья (предполагающее формирование хорошо опознаваемых следов), можно лишь констатировать, что следы использования либо были удалены сколами подправки на заключительной стадии эксплуатации, либо полностью перекрыты следами неутилитарного износа.

Судя по отсутствию сколов формирования этих орудий в коллекции и установленным следам их транспортировки, вероятно, скребла были принесены на стоянку в готовом виде, здесь использовались, после чего были оставлены на поверхности обитания (технологический контекст 1). Контекст представлен минимум тремя орудиями.

Имеются признаки и других технологических контекстов.

Следы изготовления и полной утилизации скребел на месте стоянки отмечены в двух складнях, № 10 и 66 (технологический контекст 2) Для целей нашего анализа наиболее показательным является складень 10-б (5 элементов). Это небольшое *простое продольное выпуклое скребло* из тонкого отщепы, распавшееся на осколки в процессе утилизации, часть из них попала в огонь (рис. 3, 5, 6). Очевидна незначительная (ситуационная?) производственная ценность этого орудия. Еще три *простых продольных выпуклых скребла* с минимальной обработкой по краю входят в комплексный складень 66 (59 элементов), в том числе два скребла без наложенных сколов обработки и одно скребло (складень 66-д) с двумя совмещенными мелкими сколами. В двух отмеченных складнях (№ 10-б и 66-д) суммарно содержится 8 элементов с указанным технологическим контекстом, к этим же галькам по сырьевым критериям относятся еще 67 мелких сколов и фрагментов. Вероятно, с использованием таких «ситуационных» орудий связаны 8 отмеченных выше фрагментов скребел с мелкой краевой обработкой. Контекст представлен минимум четырьмя орудиями и восемью фрагментами орудий.

В то же время минимум в четырех складнях (№ 4, 55, 60 и 66) содержатся группы апплицирующихся мелких и средних по размеру сколов, которые, вероятно, связаны с интенсивной обработкой выпуклых в плане краев и дорсальной поверхности относительно крупных скребел. Однако сами орудия в пределах раскопанного участка стоянки не найдены (технологический контекст 3). Применялся так называемый «мягкий» отбойник (роговой или минеральный). В складнях № 4 (5 элементов), 55 (2 элемента), 60-в (3 элемента), 60-г (6 элементов) и 66-и (3 элемента) суммарно содержится 19 апплицирующихся элементов, связанных с интенсивной обработкой средних и крупных массивных скребел. Из сырьевых групп вне складней не менее трех групп включают сколы формирования крупных скребел, общее количество сколов в этих группах 22, из них пять с морфологией сколов формирования орудий с полностью обработанной дорсальной стороной. Контекст представлен следами изготовления минимум восьми орудий.

Результаты

Базовый критерий выделения скребел данного комплекса вариативен. Эти орудия существенно различаются по характеру лезвий, интенсивности их обработки, по конструктивным элементам. Цветовая маркировка систем сколов обработки и ретуши в порядке последовательности их нанесения на рисунках орудий, в соответствии с практикой SPA (Scar-pattern analysis), показывает по крайней мере два варианта усложнения формообразования. «Короткие» последовательности обработки касаются скребел из относительно тонких отщепов, с частичной галечной коркой или без нее, с протяженными, в основном выпуклыми в плане лезвиями. Лезвия образованы мелкими и средними фасетками ретуши (рис. 4, *a–d*). Хорошо заметно, что интенсивность обработки лезвия прямо пропорциональна массивности краев заготовки. В этот условный редуцированный ряд входят скребла от относительно крупных образцов с одним лезвием с краевой обработкой (рис. 4, *a*) до небольших скребел с вторично переоформленным, обновленным лезвием, перекрывающим первое лезвие (рис. 4, *d*). «Длин-

ные» последовательности обработки лучше различимы у крупных овально-линовидных скребел, производимых из массивных сколов с галечной коркой (рис. 5, *a–d*). У этих скребел выпуклые лезвия по бокам (рис. 5, *a*) в ходе систематической подправки смыкаются в замкнутый контур (рис. 5, *b, c*). Отмечен ядрищный прием утончения корпуса на терминальной стадии оживления (рис. 5, *d*) – налицо усложнение технологии обработки. Возможно, циклов сколов было больше максимальных девяти, отмеченных у листовидного скребла с частичной двусторонней обработкой (см. рис. 3, 1–4). При интенсивной обработке одного и того же лезвия следы предшествующих сколов либо полностью срезаются, либо сохраняются в виде мало диагностичных рудиментов, остатков поверхностей. Отмеченные на фотографиях следы транспортировки отражают весьма сложную «биографию» каждого из этих скребел.

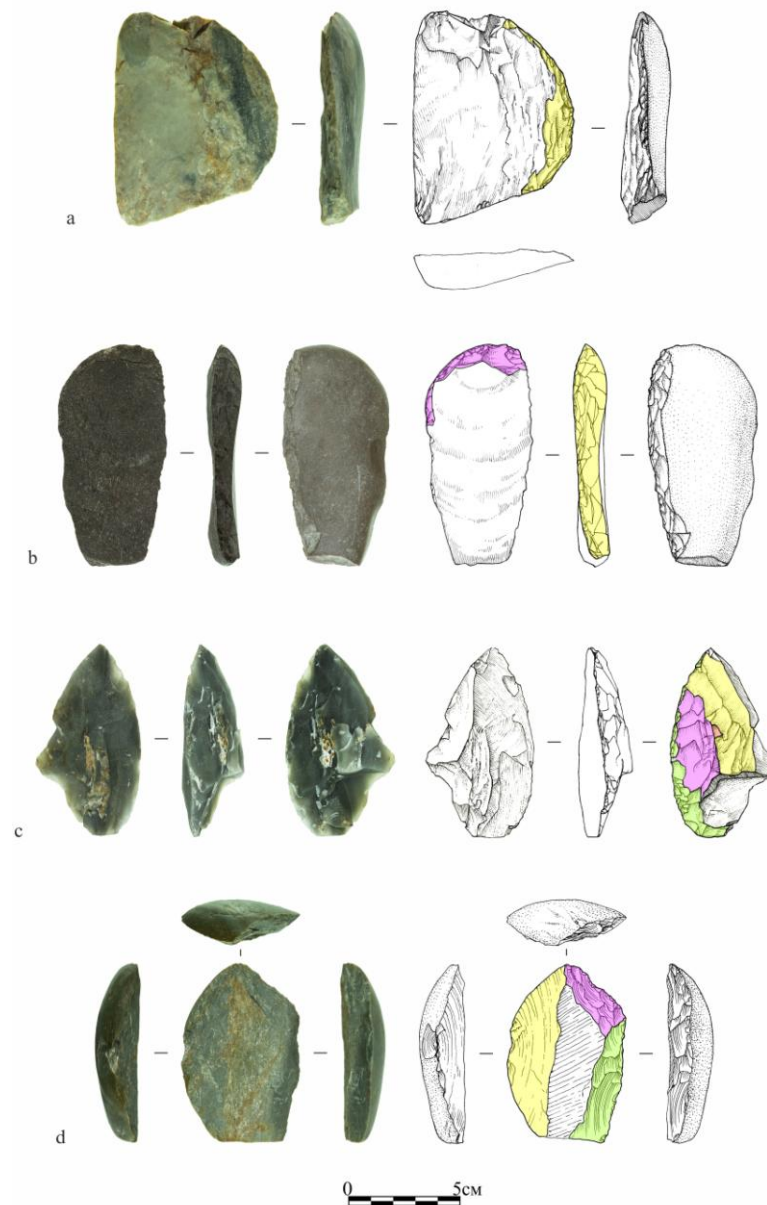

Рис. 4. Принципиальная схема, показывающая усложнение обработки скребел с лезвиями с низкой и средней интенсивностью обработки

Fig. 4. A schematic diagram showing the complexity of processing scrapers with blades with low and medium processing intensity

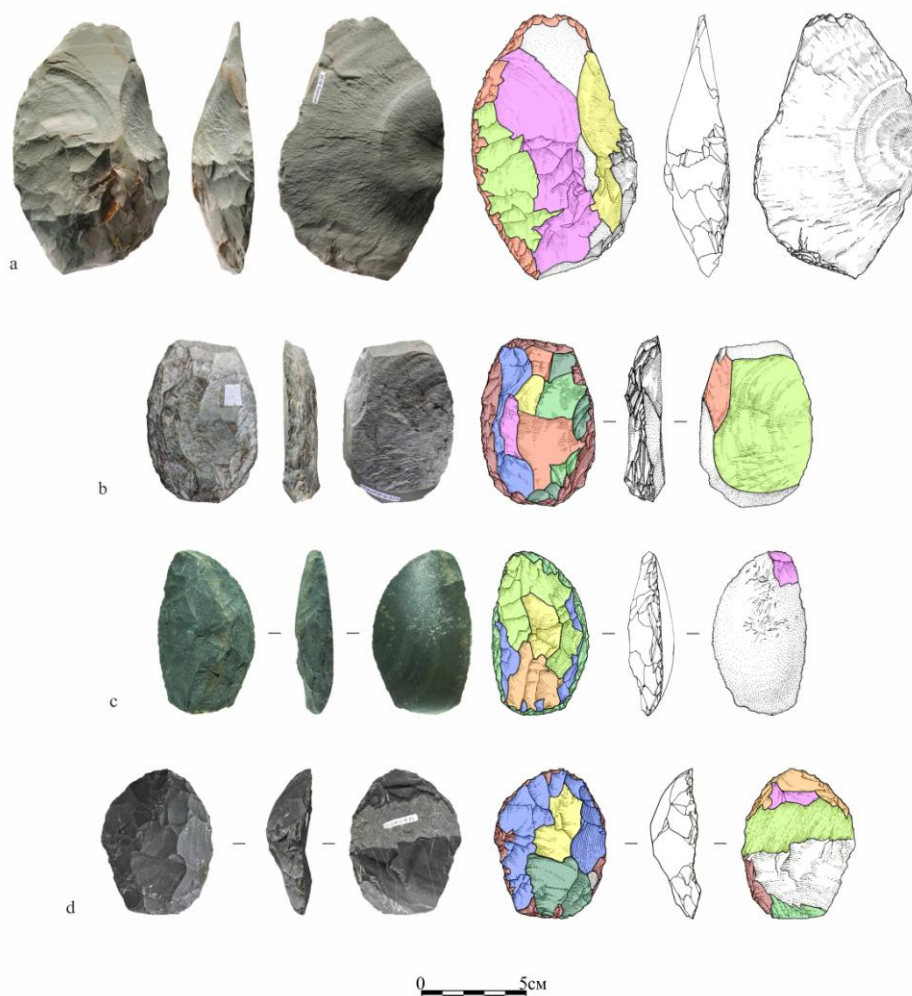

Рис. 5. Принципиальная схема, показывающая усложнение конструкции скребел с высокой интенсивностью обработки

Fig. 5. A schematic diagram showing the increasing complexity of scraper design with high intensity of treatment

Крупные овально-листовидные скребла из массивных сколов с галечной коркой были наиболее сложно организованными изделиями с вторичной обработкой и более трудозатратными, чем остальные орудия. Применялись приемы обивки, ретуширования, ядрищного утончения. Редукционная «биография» свидетельствует об их относительно длительном использовании. Безусловно, эти орудия не предназначались для разового использования, обладали повышенной производственной ценностью по отношению к другим каменным инструментам. Детальное обследование поверхности крупных овально-листовидных скребел из массивных сколов под бинокуляром показало следы хранения и переноса в кожаных емкостях, т. е. они были индивидуальным имуществом. Примечательно, что на раскопанном участке стоянки не найдены сколы изготовления данных скребел, т. е. они были изготовлены «на стороне» и принесены на стоянку в готовом виде. Одно из скребел (см. рис. 2, 1–4) совмещено с двумя мелкими сколами оживления, т. е. подправлялось на стоянке в ходе его целевого использования. Таким образом, удастся доказательно интерпретировать один из технологических контекстов полного цикла расщепления камня. Наиболее ценные в произ-

водственном отношении скребла могли входить в индивидуальный «ранцевый» набор, который мог «мигрировать» на значительные расстояния вместе со своим владельцем.

Таким образом, на примере скребел, одной из наиболее многочисленных категорий орудейного набора данной каменной индустрии, нам удастся проследить следы неравномерного распределения в контролируемой экономической зоне каменного инвентаря в виде отдельных контекстов полной условной цепочки расщепления. Это отражает динамическое состояние любой каменной индустрии, извлеченной раскопками из древней поверхности обитания, неравновесное сочетание технологических контекстов.

Заключение

Совмещение метода ремонта продуктов расщепления камня, анализа массового дебретажа и последовательности сколов, изучение микроследов приводит к взаимодополняющему эффекту в сфере познания древних технологий, тем самым усиливает доказательную базу, необходимую для обоснования трех базовых технологических контекстов каменного инвентаря, связанных с пространственной локализацией производственного процесса. Эти контексты реконструируются на основании материалов. «Миграция» сырья и изделий в пределах поверхностей обитания сопровождалась изменением формы, т. е. последовательной редукций орудий, в рамках предполагаемого алгоритма. Замкнутый цикл производства и утилизации каменных орудий в зависимости от их условной производственной ценности сопровождался редукцией и перемещением в пространстве продуктов расщепления. Наиболее ценными с точки зрения трудозатрат в данной индустрии были интенсивно ретушированные скребла овально-линовидных очертаний. Они неоднократно подправлялись, относительно длительное время хранились и переносились с места на место в ходе сезонных или ситуационных перемещений. Состав этих орудий постоянно возобновлялся на стоянках, но основная часть переносилась в готовом виде. Менее ценные в производственном отношении типы орудий из речных галек и отщепов производились и утилизировались непосредственно на месте. Часть орудий изготавливалась и уносилась. Деление каменного инвентаря на три технологических контекста различной полноты по отношению ко всей «цепочке расщепления» (*chaîne opératoire*) носит инструментальный характер, отражает пространственный аспект процесса формообразования каменных изделий и различную производственную ценность орудий.

Вопрос о типологическом статусе скребел, менявших форму в ходе вероятной последовательной трансформации (редукционные стадии типа?), требует дополнительных наблюдений.

Список литературы

- Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 158 с.
- Барков А. В., Колесник А. В. Клад микропластин из позднепалеолитического слоя стоянки Стрелка-1 в Красноярске // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 73–84. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-73-84
- Гиря Е. Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232–268.
- Гиря Е. Ю. Доказательная интерпретация каменных индустрий: морфономия, морфология, контекст // Древний человек и камень: технология, форма, функция: Сб. ст. СПб: Петербургское востоковедение, 2017. С. 34–45.
- Гиря Е. Ю. Доказательная интерпретация следов в контексте формы изделия (на примере ориньякской пластины «с талией» из третьего культурного слоя Костёнок 1) // Верхнедонской археологический сборник. 2019. Вып. 11. С. 112–140.
- Гиря Е. Ю., Барков А. В., Хлопачев Г. А., Колесник А. В. Уникальное изделие из бивневого отщепа со стоянки верхнего палеолита Стрелка-1 (Красноярск) // Stratum plus. 2025. № 1. С. 315–331. DOI 10.55086/sp251315331

- Гиря Е. Ю., Ресино Леон А. С.** А. Семенов, Костенки, палеолитоведение // Археологические вести. 2002. № 9. С. 173–190.
- Карманов В. Н., Гиря Е. Ю.** Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым ІВ (Средняя Вычегода, Республика Коми) // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 139–155.
- Колесник А. В.** Метод ремонта продуктов расщепления камня в системе доказательной интерпретации археологического источника // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 19–25. DOI 10.5281/zenodo.14643710
- Лысенко Д. Н., Тарасов А. Ю.** Археологические исследования в историческом центре г. Красноярска // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; В. Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. Т. 2. С. 295–296.
- Павлов Р. В., Галухин Л. Л.** Итоги археологических работ по уточнению границ объектов археологического наследия г. Красноярска // Археологические открытия 2010–2013 годов. М.: ИА РАН, 2015. С. 708–710.
- Bataille G.** Kabazi II, Level II/8: Import and Evacuation of Lithic Material. In: Kabazi II: the 70000 years since the Last Interglacial. Simferopol, Cologne: Shlyakh, 2006. P. 131–142.
- Bordes F.** Typologie du Paléolithique Ancien et Moyen. Bordeaux: Delmas, 1961. 216 p.
- Girya E.** On the concept of “morphonomy” as a keystone of the evidence based interpretation of artifacts // Tracing social dynamics: Book of abstracts. Barcelona, 2022. P. 45.
- Gorelik A., Degermendzhi S., Körlin G.** Gleiches oder doch etwas anderes? Zur feuersteinbearbeitung im neolithikum in Osteuropa // Anthropologie (Brno). 2017. Vol. 55, iss. 1–2. P. 139–180.

References

- Abramova Z. A.** Paleolit Eniseya. Afontovskaya kul'tura [The Paleolithic of the Yenisei. The Afontovo culture]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 158 p. (in Russ.)
- Barkov A. V., Kolesnik A. V.** Klad mikroplastin iz pozdnepaleoliticheskogo sloya stoyanki Strelka-1 v Krasnoyarske [The Microblades Cache from Upper Paleolithic Cultural Layer of the Strelka-1 Site in Krasnoyarsk]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 73–84. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-7-73-84
- Bataille G.** Kabazi II, Level II/8: Import and Evacuation of Lithic Material. In: Kabazi II: the 70000 years since the Last Interglacial. Simferopol, Cologne, Shlyakh, 2006, pp. 131–142.
- Bordes F.** Typologie du Paléolithique Ancien et Moyen. Bordeaux, Delmas, 1961, 216 p.
- Girya E.** On the concept of “morphonomy” as a keystone of the evidence based interpretation of artifacts. In: Tracing social dynamics: Book of abstracts. Barcelona, 2022, p. 45.
- Girya E. Yu.** Dokazatel'naya interpretatsiya kamennykh industrii: morfonomiya, morfologiya, kontekst [Evidence-based interpretation of stone industries: morphonomy, morphology, context]. In: Drevnii chelovek i kamen': tekhnologiya, forma, funktsiya [Ancient man and stone: technology, form, function]. A collection of scientific papers. St. Petersburg, St. Petersburg Oriental Studies, 2017, pp. 34–45. (in Russ.)
- Girya E. Yu.** Dokazatel'naya interpretatsiya sledov v kontekste formy izdeliya (na primere orin'yakskoi plastiny “s taliei” iz tret'ego kul'turnogo sloya Kostenok 1) [Evidentiary interpretation of traces in the context of the shape of the product (using the example of the Aurignacian plate “with a waist” from the third cultural layer of Kostenki 1 site)]. *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik [Upper Don Archaeological Collection of Papers]*, 2019, iss. 11, pp. 112–140. (in Russ.)
- Girya E. Yu.** Sledy kak vid arkheologicheskogo istochnika (konspekt neopublikovannykh lektsii) [Traces as a type of archaeological source (unpublished lecture notes)]. In: Sledy v istorii. K 75-letiiu Vyacheslava Evgenievicha Shchelinskogo [Traces in History: towards the 75th Anniversary of Vyacheslav Shchelinsky]. A collection of scientific papers. St. Petersburg, IIMK RAN Publ., 2015, p. 232–268. (in Russ.)

- Girya E. Yu., Barkov A. V., Khlopachev G. A., Kolesnik A. V.** Unikal'noe izdelie iz bivnovego otshchepa so stoyanki verkhnego paleolita Strelka-1 (Krasnoyarsk) [Unique Ivory Artifact from The Upper Palaeolithic Site Strelka-1 (Krasnoyarsk)]. *Stratum plus*, 2025, no. 1, pp. 315–331. (in Russ.) DOI 10.55086/sp251315331
- Girya E. Yu., Resino Leon A. S. A. Semenov, Kostenki, paleolitovedenie** [S. A. Semenov, Kostenki, Paleolithic science]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological news], 2002, iss. 9, pp. 173–190. (in Russ.)
- Gorelik A., Degermendzhi S., Körlin G.** Gleiches oder doch etwas anderes? Zur feuersteinbearbeitung im neolithikum in Osteuropa. *Anthropologie* (Brno), 2017, vol. 55, iss. 1–2, pp. 139–180.
- Karmanov V. N., Girya E. Yu.** Artefakty so sledami neutilitarnogo iznosa v kontekste kremne-obrabatyvayushchei masterskoi eneolita Ugdyam IB (Srednyaya Vychegda, Respublika Komi) [Artifacts with traces of non-utilitarian wear in the context of the Eneolithic lithic processing site Ugdyam IB (Middle Podchegda, Komi Republic)]. *The Volga River Region Archaeology*, 2018, no. 3 (25), pp. 139–155. (in Russ.)
- Kolesnik A. V.** Metod remontazha produktov rasshchepleniya kamnya v sisteme dokazatel'noi interpretatsii arkheologicheskogo istochnika [The method of the remontage of a knapping product in the system of evidence-based of an archaeological source]. *Herald of Donetsk National University. Series B: Humanities*, 2024, no. 4, pp. 19–25. (in Russ.) DOI 10.5281/zenodo.14643710
- Lysenko D. N., Tarasov A. Yu.** Arkheologicheskie issledovaniya v istoricheskom tsentre g. Krasnoyarska [Archaeological research in the historical center of Krasnoyarsk]. In: *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda* [Transactions of III (XIX) All-Russian archaeological congress]. St. Petersburg, Moscow, Velikiy Novgorod, IIMK RAS Publ., 2011, vol. 2, pp. 295–296. (in Russ.)
- Pavlov R. V., Galukhin L. L.** Itogi arkheologicheskikh rabot po utochneniyu granits ob"ektov arkheologicheskogo naslediya g. Krasnoyarska [Results of archaeological works to clarify the boundaries of the Krasnoyarsk archaeological heritage objects]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 2010–2013 godov* [Archaeological discoveries 2010–2013]. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2015, pp. 708–710. (in Russ.)

Информация об авторах

Александр Викторович Колесник, доктор исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57189372570

WoS Researcher ID ABA-4250-2020

RSCI Author ID 1084985

SPIN 6271-0351

Евгений Юрьевич Гиря, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 6504689912

WoS Researcher ID AAC-5774-2020

RSCI Author ID 131467

SPIN 7009-7634

Александр Викторович Барков

Scopus Author ID 57201056244

WoS Researcher ID JZD-1247-2024

RSCI Author ID 750215

SPIN 2460-8152

Евгений Владимирович Артемьев, кандидат исторических наук

RSCI Author ID 185180

SPIN 3528-6083

Information about the Authors

Aleksandr V. Kolesnik, Doctor of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57189372570

WoS Researcher ID ABA-4250-2020

RSCI Author ID 1084985

SPIN 6271-0351

Evgenii Yu. Girya, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 6504689912

WoS Researcher ID AAC-5774-2020

RSCI Author ID 131467

SPIN 7009-7634

Aleksandr V. Barkov

Scopus Author ID 57201056244

WoS Researcher ID JZD-1247-2024

RSCI Author ID 750215

SPIN 2460-8152

Evgenii V. Artemiev, Candidate of Sciences (History)

RSCI Author ID 185180

SPIN 3528-6083

Вклад авторов:

- А. В. Колесник – формулирование исследовательских целей и задач, проектирование методологии исследования, проведение исследования (анализ последовательности сколов, обобщение результатов), подготовка черновика рукописи, руководство исследованием и администрирование проекта.
- Е. Ю. Гиря – проектирование методологии исследования, проведение исследования (трассологический анализ, доказательная интерпретация), подготовка черновика рукописи, визуализация данных.
- А. В. Барков – проведение исследования (описание объекта исследования), предоставление материалов для исследования, администрирование данных, подготовка рукописи и ее редактирование, визуализация данных.
- Е. В. Артемьев – проведение исследования (сбор и верификация данных), подготовка черновика рукописи.

Contribution of the Authors:

- Aleksandr V. Kolesnik – the formulation of research goals and objectives, the design of the research methodology, the research (analysis of the manufacturing sequences, generalization of the results), preparation of the manuscript draft, the research guide and the administration of the project.
- Evgenii Yu. Girya – the design of the research methodology, the research (trasological analysis, evidentiary interpretation), preparation of the manuscript draft, data visualization.
- Aleksandr V. Barkov – the research (description of the object of research), providing materials for research, data administration, manuscript preparation and its editing, data visualization.
- Evgenii V. Artemiev – the research (collection and verification of data), preparation of the manuscript draft.

Статья поступила в редакцию 18.02.2025;

одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 05.03.2025

The article was submitted on 18.02.2025;

approved after reviewing on 03.03.2025; accepted for publication on 05.03.2025

Научная статья

УДК 902(510)/930

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-52-67

Обзор исследований по археологии бронзового века Синьцзяна в китайской академической среде

Ли Еюй

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

keilynlee1383@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

Аннотация

Исследования археологических культур бронзового века в Синьцзяне имеют огромное значение для решения ключевых вопросов, связанных с культурным обменом в евразийских степях в древности, миграцией народов и формированием ранних цивилизаций в Китае. В статье рассматриваются три этапа изучения археологии бронзового века в Синьцзяне. С начала 1930-х гг., с момента возникновения Совместной китайско-швейцарской научной экспедиции на северо-западе, китайские ученые начали активно вовлекаться в археологические исследования региона. Благодаря усилиям китайских археологов картина и эволюция археологических культур бронзового века в Синьцзяне были в значительной степени раскрыты. В статье на основе анализа ключевых археологических памятников, главных научных проблем и соответствующей литературы по бронзовому веку в Синьцзяне мы предлагаем перспективу развития исследований археологии бронзового века в Синьцзяне в китайском научном сообществе.

Ключевые слова

китайская археология, Синьцзян, историография, бронзовый век

Для цитирования

Ли Еюй. Обзор исследований по археологии бронзового века Синьцзяна в китайской академической среде // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 52–67. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-52-67

A Review of Research on Bronze Age Archaeology of Xinjiang in Chinese Academia

Li Yeyu

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

keilynlee1383@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

Abstract

Purpose. This paper categorizes the archaeological research on the Bronze Age in Xinjiang into three major phases based on the level of research and prevailing trends. By systematically examining the significant sites, key academic issues, and relevant literature and works from each phase, a coherent narrative of the development of the Bronze Age archaeological studies in Xinjiang within the Chinese academic community has been articulated.

© Ли Еюй, 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 52–67

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 52–67

Results. Before the 1930s, the archaeology of the Bronze Age in Xinjiang was in its initial stage, during which numerous explorations and investigations were conducted by Western scholars. The period from 1949 to the late 1980s represents a phase of in-depth exploration in Xinjiang's Bronze Age archaeology. During this time, Chinese archaeologists undertook extensive field surveys and excavations, yielding a substantial collection of the Bronze Age sites and artifacts. This era also marked the beginning of discussions and research concerning the origins of the archaeological cultures and migrations of populations of the Bronze Age in Xinjiang. From the late 1980s to the present day, we have entered a new phase characterized by the discovery and investigation of a significant number of early Bronze Age sites. An increasing array of multidisciplinary methods has been employed in comprehensive studies of the Bronze Age archaeology in Xinjiang, prompting dialogues about the interactions between the archaeological cultures and populations of Xinjiang and neighboring regions.

Conclusion. Through the sustained efforts of Chinese archaeologists, the archaeological cultural landscape and evolutionary patterns of the Bronze Age in the Xinjiang region have been largely unveiled. Initial clarifications regarding issues of technology, cultural exchange, and population migration during the Bronze Age in Xinjiang have also been achieved.

Keywords

Chinese archaeology, Xinjiang, historiography, Bronze Age

For citation

Li Yeyu. A Review of Research on Bronze Age Archaeology of Xinjiang in Chinese Academia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 52–67. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-52-67

Синьцзян-Уйгурский автономный район Народной Республики Китай расположен в сердце Евразийского континента, на северо-западной границе Китая. С древних времен этот регион служил важным транспортным узлом, соединяющим внутренние районы Китая с Центральной и Северной Азией. Протяженность территории Синьцзяна составляет 2 000 км с востока на запад и 1 650 км с севера на юг, площадь – приблизительно 1,66 млн кв. км. Синьцзян характеризуется обширными территориями, разнообразными рельефами и климатическими условиями. Археологические культуры бронзового века в этом регионе представляют собой сложную мозаику, содержащую множество типов культурных артефактов, широко распространенных по всему региону. Основные районы археологических исследований бронзового века в Синьцзяне можно условно разделить на три крупные зоны: Северный Синьцзян – Джунгарская котловина, Южный Синьцзян – Таримская котловина и регион Тянь-Шаня.

Цель данной работы – представить основные этапы и направления исследований бронзового века Синьцзяна в академической среде Китая.

Археологические исследования бронзового века Синьцзяна всегда были важной областью научного интереса как китайских, так и зарубежных археологов. На раннем этапе (до 30-х гг. XX в.) археологические раскопки и научные исследования в Синьцзяне в основном проводились западными учеными, что позволило получить первичные данные о географической среде Синьцзяна и археологических находках различных исторических периодов. С момента основания КНР (1949 г.) и до конца 80-х гг. XX в. китайские археологи провели масштабные исследования и раскопки в Синьцзяне, которые позволили воссоздать основные черты археологических культур бронзового века. С начала 90-х гг. XX в. в данном регионе продолжают крупномасштабные раскопки, опубликовано значительное количество подробных отчетов, статей и монографий. Также идет процесс укрепления сотрудничества с зарубежными учеными. В последние годы все чаще используются междисциплинарные методы для исследования памятников и материалов бронзового века Синьцзяна.

В истории изучения темы выделяются следующие этапы.

Первый этап: с 1850-х до 1930-х гг. Можно сказать, что до 30-х гг. XX в. западные ученые полностью доминировали в исследовании и изучении археологии региона Синьцзян. Практически без исключений, иностранные государства, движимые военными и политическими целями, начали направлять экспедиции и исследовательские группы в этот стратегически важный регион. Эти команды получили для своих стран богатую информацию о географии,

этнических группах, культуре, торговле и политике Синьцзяна. На фоне волны западных исследовательских групп, прибывающих в Китай, также на историческую сцену вышла Совместная китайско-швейцарская научная экспедиция на северо-западе, что стало началом активных изысканий китайских ученых в Синьцзяне. Они начали проводить географические, исторические, культурные и археологические исследования в этом уникальном районе.

Среди западных представителей и экспедиционных команд особое место занимает шведский исследователь-путешественник, географ, топограф Свен Хедин (Sven Anders Hedin). Свен Хедин учился у знаменитого географа Фердинанда фон Рихтгофена (Ferdinand von Richthofen)¹. Результаты трех экспедиций Свена Хедина оказались весьма значительными: он не только открыл несколько важных археологических памятников на Великом Шелковом пути, но и подробно зафиксировал результаты своих исследований, оставив сотни научных статей, десятки отчетов об экспедициях и путевых заметок [Ван Синьчунь, 2012, с. 19–20].

В 1926 г. при поддержке Lufthansa Свен Хедин решил отправиться в Китай для проведения своей четвертой экспедиции, однако этот шаг вызвал недовольство среди китайских ученых. После долгих и сложных переговоров было основано Китайско-шведское научное исследовательское общество, которое заключило соглашение с С. Хедином о создании Совместной китайско-швейцарской научной экспедиции на северо-западе [Там же, с. 36–51]. Основание и успешная деятельность Китайско-шведской научной экспедиции имеют огромное значение для развития археологии и охраны культурного наследия Китая. Это событие стало началом стандартизации археологических исследований, профессионализации археологических институтов и установления законодательства по охране памятников, а также знаменовало собой начало активного участия китайских ученых в археологических исследованиях в Синьцзяне. Экспедиция была многопрофильной, и археология – лишь одна из ее частей.

С 1927 по 1933 г. Фольке Бергман, археолог экспедиции, свои исследования в Синьцзяне сосредоточил на объектах доисторической эпохи, особенно на материалах и памятниках бронзового века. В 1933–1934 гг. он в качестве геодезиста присоединился к команде по изучению Суйсиньской дороги, продолжив исследования вдоль Великого Шелкового пути. Именно в этот период он открыл и раскопал захоронение бронзового века на могильнике Сяохэ [Чжао Сюэцзяо, 2024, с. 16]. Открытие могильника Сяохэ стало официальным началом археологических исследований бронзового века в Синьцзяне.

Хуан Вэньби, китайский археолог в составе Совместной китайско-швейцарской научной экспедиции на северо-западе, дважды проводил исследования в северо-западном регионе. В Китае его основные исследования сосредоточились на древних городах и археологических памятниках между Урумчи и Аксом, таких как Куча, пещеры Кызыра, древний город в районе Ютянь, древний город Цзяохэ, а также на развалинах фортификационных сооружений в районе Лоулана, расположенного у оз. Лобнор [Хуан Вэньби, 1990]. Его исследования из-за особенностей профессиональной подготовки и академического обучения чаще носили характер инвентаризации и дополнения летописей. Однако, без сомнений, Хуан Вэньби как китайский археолог, участвующий в Совместной китайско-швейцарской научной экспедиции на северо-западе и позднейшей геодезической экспедиции на дороге Суйсин, стал символом укрепляющегося национального самосознания Китая в археологической и академической среде.

*Второй этап (1949 – конец 1980-х гг.)*². Этот этап характеризуется масштабными археологическими разведками и раскопками, проведенными китайскими археологами в Синьцзяне, что привело к накоплению большого количества материалов о памятниках и артефактах бронзового века. В этот период был выделен бронзовый век в археологической периодизации

¹ Фердинанд фон Рихтгофен (1833–1905), немецкий геолог, географ и путешественник, впервые ввел термин «Шелковый путь».

² С 1930-х по 1948 г. материковый Китай был погружен в войну, и почти все археологические работы были приостановлены.

Синьцзяна, а также начаты исследования по определению хронологии памятников внутри бронзового века.

Второй этап можно разделить на два периода.

Первый период – с момента основания Китайской Народной Республики (1949 г.) до конца 1970-х гг. Это время, когда китайские археологи начали крупномасштабную разведку в Синьцзяне. Также проводили небольшие раскопки, в ходе которых были обнаружены археологические памятники и артефакты бронзового века, что позволило составить первичное представление об археологических культурах эпохи.

После основания КНР археологическая работа в Синьцзяне постепенно начала развиваться. В сентябре 1957 г. господин Хуан Вэньби из Археологического института Китайской академии социальных наук возглавил команду для археологических исследований в Синьцзяне. Работы продолжались год, в том числе дважды были проведены разведочные исследования и небольшие раскопки в районах Хами, Яньци, Или и Куча. Были обследованы такие памятники, как древний город Янчи в уезде Ю, ранние поселения в уезде Куча, а также памятники в поселении Ши-Жэнь-Цзы в районе Барикун, которые, судя по артефактам, также относятся к бронзовому веку Синьцзяна. Одним из важнейших результатов было проведение первых раскопок на могильнике Ямбулак в городе Хами, где получены весьма значимые находки [Хуан Вэньби, 1983, с. 1–9, 33–34, 93–119].

В 1963 г. Ван Бинхуа (王炳华), Ван Минчжэ (王明哲) и Ий Манбай (易漫白) провели исследования погребений с каменными ящиками и изваяниями под каменной насыпью во округе Алтай, в уездах Бурджин, Хабахэ, Цзимэнь, Фуюнь и Цинхэ, а также раскопали 32 таких погребения в коммуне Кермучи [Ий Манбай, 1981]. Могильник «Кермучи» впоследствии был назван «Чемурчек», и это был первый найденный в Синьцзяне памятник раннего бронзового века.

В 1953 г. в Синьцзяне был основан Музей Синьцзян-Уйгурского автономного района, и создание профессиональных археологических и музейных институтов стало сигналом для начала массовых и системных археологических исследований и раскопок. Археологическая команда музея провела раскопки на памятниках бронзового века в уездах Шуфу и Цитай [Археологическая команда..., 1977; Чэнь Гэ, 1981].

Второй период данного этапа охватывает *конец 1970-х – конец 1980-х гг.*

В 1978 г. был основан Синьцзянский Институт культурного наследия и археологии, что позволило более профессионально и систематически готовить специалистов-археологов и проводить археологические работы. Среди раскопанных памятников бронзового века этого периода – поселение Сидаогоу (уезд Мулэй) [Ян Июн, 1982], могильник Гумугоу [Ван Бинхуа, 2014], поселение Синьтала в уезде Хэшо [Люй Енго, 1988], могильник Наньвань (уезд Баликун) [Чан Сиен, 1985], поселение Ланьчжоу Ваньци (уезд Баликун) [Ван Бинхуа и др., 1985], могильник Ямбулаку [Отдел культурных реликвий..., 1989] и могильник «Тянь-Шань бейлу» [Синьцзянский Институт..., 2024]. Также были исследованы такие памятники, как археологическое место в Юйю (военный конный лагерь) [Чан Сиен, 1986], поселение Цюйхуэй в уезде Хэшо [Чжан Пин, Ван Бо, 1986], поселение Сякалангур в деревне Эргун (город Тачэн) [Юй Чжиюн, 1998], могильник Сяобан в Ташкургане [Ву Юн, Чжан Тенань, 2004], могильник в Дасигоу (Хочэн) [Чжан Юйчжун, 1991] и каменные могилы в Сазичзуне (уезд Тори) [Чжоу Цзиньлин, Ли Вэньин, 1996].

Период с конца 1970-х до конца 1980-х гг. характеризуется тем, что китайские археологи начали выделять материалы и памятники бронзового века в Синьцзяне из общей картины неолита региона. Хотя археологические культуры еще не были официально названы, но постепенно началось осознание особенностей археологических памятников бронзового века в разных частях Синьцзяна. Например, Ван Бинхуа, анализируя материалы нескольких памятников региона, предположил, что Синьцзян вступил в бронзовый век еще во II тыс. до н. э. Он выявил, что найденные бронзовые предметы по форме и орнаменту больше похожи на изделия Центральной Азии и Южной Сибири [Ван Бинхуа, 1985, с. 50–58]. Чэнь

Гэ (陈戈) продолжил анализ и выделил несколько типов памятников эпохи бронзы. Предполагая, что их возраст составляет от 3500 до 2500 лет до н. э., он еще не мог точно назвать археологические культуры [Чэнь Гэ, 1985, с. 27–36].

Главным результатом этого периода стало масштабное археологическое обследование и частичные раскопки, проведенные китайскими учеными в Синьцзяне, которые накопили большое количество материальных данных и значительно способствовали развитию понимания памятников бронзового века и связанных с ними археологических культур Синьцзяна.

Третий этап (с конца 1980-х гг. по настоящее время). С конца 1980-х гг. в Синьцзяне были продолжены длительные и масштабные археологические раскопки, а также начаты новые исследования для дополнения данных по ранее изучаемым регионам, что позволило полностью раскрыть археологический облик бронзового века в Синьцзяне. В результате сравнения археологических культур бронзового века в Синьцзяне с культурами соседних регионов постепенно были уточнены характер, происхождение и пути распространения носителей традиций археологических культур бронзового века в разных регионах Синьцзяна. С активным участием китайских археологов в международных форумах и исследованиях началось сотрудничество с зарубежными учеными, а также применение методов естественных наук для анализа материалов археологических культур и изучение населения бронзового века Синьцзяна. Исследовались такие технологии, как металлургия, текстильное производство, проведен анализ древней среды (климата), получены данные палеогенетических исследований и радиоуглеродного датирования. Результаты комплексного анализа позволили говорить о происхождении и миграции населения, климатических изменениях, распространении технологий и культурных обменах в эпоху бронзы в Синьцзяне.

Этот этап можно условно разделить на два периода. *Первый период* – с конца 1980-х до начала 2000-х гг. В этот период были открыты важные археологические памятники средней и поздней бронзы, например: могильник и поселение на территории Школы здравоохранения в Тачэне [Ли Сяо, 1991а; 1991б], могильник Чайвуопу в Урумчи [Син Кайдин и др., 1998], могильник цементного завода в Шихези [Син Кайдин, Лю Нин, 1994], могильник и поселение Атунджору в уезде Вэньцюань [Конь Дэсинь и др., 2013; Ли Цзиньго, Люй Енго, 2003], поселение Цион-Кеке в уезде Нилек [Абдуреиму Кадеэр и др., 2002], могильник Сяохэ [Идилис Абду-Ресул и др., 2004; 2007].

В результате проведенных ранее масштабных археологических обследований и раскопок было накоплено значительное количество археологических материалов. Одновременно с углубленным восприятием подхода «культурно-исторической археологии» археологический облик бронзового века в Синьцзяне, особенно в средний и поздний периоды, стал достаточно четким. Несмотря на то что материалы по раннему бронзовому веку все еще оставались относительно скудными, большинство ученых согласилось с тем, что формирование археологической культуры бронзового века в Синьцзяне было подвержено влиянию населения как Южной Сибири, так и Центральной Азии. К таким культурам относятся: афанасьевская, андроновская, карасукская и культура Чуст. В то же время значительное влияние оказало население эпохи бронзы районов Ганьсу и Цинхай. Иными словами, археологическая культура бронзового века в Синьцзяне возникла под воздействием носителей пришлых культур, но при этом интегрировала местные особенности, что в итоге привело к формированию уникальных археологических культур и типов в различных регионах Синьцзяна [Шуй Тао, 2001, с. 6–46; Линь Мэйцунь, 2003, с. 21–23; Хань Цзянь, 2007, с. 98–121; Го Ву, 2012, с. 249–328; Шао Хуэйцзо, 2007а, с. 280–284].

Второй период третьего этапа начинается примерно с 2010 г. и продолжается до настоящего времени. В этот период китайские ученые продолжают проводить крупномасштабные исследования и раскопки в Синьцзяне, уделяя особое внимание исследованию и раскопкам памятников раннего бронзового века. Были изучены такие памятники, как курган № 18 могильника Борати III Зона II группы погребений Еламан в уезде Бурцин [Юй Цзяньцзюнь

и др., 2017], курган № 1-4 могильника Тоганбай II в уезде Хабахэ [Юй Цзяньцзюнь, Ху Синцзюнь, 2014], курган № 21-22 могильника Аитохан в уезде Хабахэ [Ху Синцзюнь и др., 2017], курганы с каменными ящиками (№ 20, 23, 26), гора Сауэр в уезде Джимнай, курган № 15-16 могильника Соншугуо в уезде Джимнай [Юй Цзяньцзюнь и др., 2018] и др.

Однако на данный момент подавляющее большинство археологических объектов бронзового века в Синьцзяне в литературе представлено лишь в виде кратких сообщений или небольших отчетов, опубликованных в ведущих журналах по археологии и истории. Изданы лишь три специализированные монографии: «Могильник Гумугуо» [Ван Бинхуа, 2014], «Комплекс объектов Цилиньтай в Синьцзяне» [Синьцзянский Институт..., 2020] и «Могильник Тянь-Шань Бэй Лу, город Хами, Синьцзян» [Синьцзянский Институт..., 2024].

Идет процесс систематического и глубокого анализа таких культур бронзового века Синьцзяна: *андроновская* [Шао Хуэйцю, Чжан Вэньшань, 2019; Жуань Цюронг, 2013], *карасукская* [Ван Юйфу, 2022; Шао Хуэйцю, 2007б], *культура Сяохэ* [Zhang Yifei et al., 2017], *культура Тянь-Шань Бэй Лу* [Тун Цзяньи и др., 2024; Ма Цзянь, Тун Цзяньи, 2022] и др. Чтобы решить некоторые вопросы раннего бронзового века, китайские археологи также сосредоточили свое внимание на *афанасьевской культуре* Синьцзяна [Ван Иньчэнь, Ма Цзянь, 2023; Ли Шуйченг, 2018; Нагатеэр Баиэр, 2023] и *культуре чемурчекская* [Конь Дэсинь, Цзя Вэймин, 2014; Линь Юнь, 2008]. Помимо методов археологии для исследования археологических культур бронзового века в разных регионах китайские ученые активно используют междисциплинарные методы для анализа состава населения, природной среды, изменений климата и построения хозяйственных моделей бронзового века в Синьцзяне.

В зависимости от времени, степени исследования, подходов и методов в истории изучения археологии бронзового века Синьцзяна китайскими учеными, предложено выделение трех основных этапов.

Первый этап (до 1930-х гг.): начальный период археологических исследований бронзового века в Синьцзяне связан с деятельностью иностранных специалистов. Ученые разных государств предпринимали экспедиции и исследования, собирая обширные базовые данные о географии и рельефе Синьцзяна. С начала работы Совместной китайско-швейцарской научной экспедиции на северо-западе китайские ученые начали активно участвовать в археологических исследованиях данного региона, и именно в этот период был обнаружен первый памятник бронзового века.

Второй этап (после основания нового Китая с 1949 г. по конец 1980-х гг.) можно обозначить как период активного накопления материалов по бронзовому веку Синьцзяна. Китайские археологи проводили масштабные полевые исследования и раскопки, открывая археологические объекты бронзового века. Подход «культурно-исторической археологии» в этот период закрепился в среде ученых Китая, они также активно использовали «типологические» методы для анализа археологических культур, их истоков и взаимосвязей. Таким образом, регион Синьцзян стал центральным объектом изучения, трансформировавшись в нечто большее, чем просто часть евразийской степи или окраина Китая.

Третий этап (с конца 1980-х гг. до настоящего времени) – совершенно новый этап в археологии бронзового века Синьцзяна. Китайские археологи, продолжая осуществлять масштабные раскопки, заполняя пробелы в исследованиях раннего бронзового века и в недостаточно изученных районах, делают упор на решение теоретических вопросов: происхождение культур, миграции населения и технологий, хронологии, типы хозяйствования.

Наряду с традиционным «типологическим» анализом внедряются многопрофильные методы для освещения комплексных вопросов бронзового века Синьцзяна. Важность независимости археологических культур региона подчеркивается наравне с вниманием к их взаимосвязям с соседними территориями.

Постепенное углубление археологических исследований бронзового века в Синьцзяне невозможно было бы без постоянного труда китайских археологов. Наряду с сотрудниками Института культурных реликвий и археологии Синьцзяна в регионе также долгосрочно

работают команды из Института археологии Китайской академии общественных наук, Археологического центра Государственного управления культурного наследия, Пекинского университета, Северо-западного университета, Китайского народного университета и др.

На данный момент ситуация в исследованиях такова: несмотря на огромные масштабные раскопки и исследования на протяжении долгого времени, многие области, особенно обширные безлюдные зоны на юге Синьцзяна, остаются недостаточно исследованными.

Кроме того, археологические материалы бронзового века Синьцзяна не были подвергнуты всестороннему сравнению и анализу. Несмотря на близкое сотрудничество и обмен между археологами разных стран, языковые барьеры мешают китайским исследователям подробно и систематически изучать археологические материалы бронзового века из Средней Азии и Южной Сибири. В свою очередь, зарубежные ученые также испытывают трудности в систематическом осмыслении материалов археологических культур бронзового века Синьцзяна.

Следует отметить, что в китайской археологии в целом более привычно использование подхода «культурно-исторической археологии», что делает исследования мало результативными. Возможно, при изучении различных археологических культур бронзового века Синьцзяна и связанных с ними этносов стоит, основываясь на большом количестве накопленного материала бронзового века региона, более широко использовать и современные подходы.

Список литературы

- Zhang Yifei, Mo Duowen, Hu Ke, Bao Wenbo, Li Wenying, Idilisi Abuduresule, Storozum Michael J., Kidder Tristram R.** Holocene environmental changes around Xiaohe Cemetery and its effects on human occupation, Xinjiang, China // *Journal of Geographical Sciences*. 2017. Vol. 27, no. 06. P. 752–768.
- Абдуреиму Кадеэр, Яликун, Мамутиаджи, Батур.** Ни лэй кэ сянь цюн кэ и хао му ди фа цзюэ бао гао [阿不都热依木·卡德尔, 亚力昆, 马木提阿吉, 巴图尔. 尼勒克县穷科克一号墓地发掘报告 // *新疆文物*]. Отчет о раскопках на могильнике Цюнкок № 1 в уезде Нилек // *Синь цзян вэнь у*. 2002 (Урумчи). № 03–04. С. 13–57. (на кит. яз.)
- Археологическая команда музея Синьцзян-Уйгурского автономного района. Синь цзян шу фу сянь а ке та ла дэн синь ши ци ши дай и чжи де дяо ча [新疆维吾尔自治区博物馆考古队. 新疆疏附县阿克塔拉等新石器时代遗址的调查 // *考古*]. Исследование неолитических стоянок, включая Актару, в уезде Шуфу, Синьцзян // *Као гу* (Пекин). 1977. № 02. С. 107–110. (на кит. яз.)
- Ван Бинхуа.** Синь цзян ди цюй цин тон ши дай као гу вэнь хуа ши си [王炳华. 新疆地区青铜时代考古文化试析 // *新疆社会科学*]. Предварительный анализ археологической культуры бронзового века в Синьцзяне // *Синь цзян ши хуэй кэ сюэ* (Урумчи). 1985. № 04. С. 50–61. (на кит. яз.)
- Ван Бинхуа.** Гу му гоу [王炳华. 古墓沟]. Могильник Гумугоу. Урумчи: Синьцзян жэнь мин чу бан ше, 2014. 258 с. (на кит. яз.)
- Ван Бинхуа, Идилиси Абдоуресулей, Син Кайдин.** Ба ли кун сянь лань чжоу ван цзы сань цянъ нянь цянъ ши гоу цзянь чжу и чжи [王炳华, 伊弟利斯阿不都热苏勒, 邢开鼎. 巴里坤县兰州湾子三千年前石构建筑遗址 // *中国考古学年鉴*]. Каменный архитектурный объект возрастом три тысячи лет в Ланьчжоуваньцзы, уезд Баркунь // *Чжун го као гу сюэ нянь цянъ* [Китайский археологический ежегодник]. Пекин: Вэнь у чу бан шэ, 1985. С. 256. (на кит. яз.)
- Ван Иньчэнь, Ма Цзянь.** А фань на се вэнь хуа янь цзю [王尹辰, 马健. 阿凡納謝沃文化研究 // *欧亚学刊* (新12辑)]. Исследование афанасьевской культуры // *Оу я сюэ кань* (синь 12 цзи) [Евразийский журнал (новая 12-я серия)]. Пекин: Шань ву инь шу гуань, 2023. С. 21–55. (на кит. яз.)

- Ван Синьчунь.** Чжун го си бэй кэ сюэ као ча туань Као гу (г. Пекин) Сюэ ши янь цзю [王新春. 中国西北科学考查团考古学史研究]. Исследования по археологической истории Научной экспедиционной комиссии Северо-Западного Китая: Дис. ... канд. ист. наук. ун-та Ланьчжоу. Ланьчжоу, 2012. 335 с. (на кит. яз.) URL: <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFDLAST2021&filename=1012371476.nh>
- Ван Юйфу.** Ка ла су кэ вэнь хуа чу бу янь цзю [王禹夫. 卡拉苏克文化初步研究]. Предварительное исследование карасукской культуры: Дис. ... магистра истории Хэйлунцзянского ун-та. Харбин, 2022. 70 с. (на кит. яз.) URL: <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD202202&filename=1022042321.nh&uniplatform=OVERSEA&v=qlRwVESvoPEaE1usrY7Pf3Ui6ZutgI70cIJONLiYCGc-KiGki92ax5qDftiMgM1F>
- Бу Юн, Чжан Тенань.** Та ши ку эр ган сянь ся бан ди му ди као гу фа цзюэ бао гао [吴勇, 张铁男. 塔什库尔干县下坂地墓地考古发掘报告 // 新疆文物]. Отчет об археологических раскопках в могильнике Ся ан, уезд Ташкуртан // Синь цзян вэнь ву (Пекин). 2004. № 03. С. 1–59. (на кит. яз.)
- Го Ву.** Синь цзян ши цян ван ци ше хуэй де као гу сюэ янь цзю [郭物. 新疆史前晚期社会的考古学研究]. Археологическое исследование поздних доисторических обществ в Синьцзяне. Шанхай: Шанхай гу цзи чу бан ше, 2012. 290 с. (на кит. яз.)
- Жуань Цюронг.** Синь цзян фа сиань де ань де ло нуо во вэнь хуа и цунь янь цзю [阮秋荣. 新疆发现的安德里诺沃文化遗存研究 // 西部考古]. Исследование памятников андроновской культуры, найденных в Синьцзяне // Си бу као гу (Сиань). 2013. № 00. С. 125–154. (на кит. яз.)
- Идилис Абду-Ресул, Ли Вэньин, Ху Синьцзюнь.** Синьцзян луобупо сяо хэ му ди 2003 нянь фа цзюэ цзянь бао [伊弟利斯 阿不都热苏勒, 李文瑛, 胡兴军. 新疆罗布泊小河墓地2003年发掘简报 // 文物]. Отчет о раскопках могильника Сяохэ, Лоп Нор, Синьцзян, 2003 // Вэнь ву (Пекин). 2007. № 10. С. 4–42+2+1.
- Идилис Абду-Ресул, Лю Гоэрэй, Ли Вэньин.** 2002 нянь сяо хэ, му ди као гу дяо, ча ю фа цзюэ бао гао [伊弟利斯 阿不都热苏勒, 刘国瑞, 李文瑛. 2002年小河墓地考古调查与发掘报告 // 边疆考古研究]. Отчет об археологическом обследовании и раскопках могильника Сяохэ в 2002 году // Бянь цзян као гу янь цзю (Цзилинь). 2004. № 00. С. 338–398+401–411. (на кит. яз.)
- Ий Манбай.** Синь цзян кэ эр му ци гу му цюнь фа цзюэ цзянь бао [易漫白. 新疆克尔木齐古墓群发掘简报 // 文物]. Отчет о раскопках древнего гробничного комплекса в Кермузи, Синьцзян // Вэнь ву (Пекин). 1981. № 1. С. 23–32. (на кит. яз.)
- Конь Дэсинь, Цзя Вэймин.** Ци му эр ци ке му ди цзи цзао ци йи кун де чу бу фен си [丛德新, 贾伟明. 切木尔切克墓地及其早期遗存的初步分析 // 庆祝张忠培先生八十岁论文集]. Предварительный анализ могильника Чемульчек и его ранних останков // Цин чжу чжан чжун пэй сянь шэн ба ши суй лунь вэнь цзи [Собрание сочинений в честь 80-летия господина Чжан Чжунпэй]. Пекин: Кэ сюэ чу бан ше, 2014. С. 290–308. (на кит. яз.)
- Конь Дэсинь, Цзя Сяобин, Го Ву, Шан Гоцзюнь, Гэ Ли.** Синь цзян вэнь цюань сянь а дун цяо лу и чжи ю му ди [丛德新, 贾笑冰, 郭物, 尚国军, 葛丽. 新疆温泉县阿敦乔鲁遗址与墓地 // 考古]. Объект и могильник Адунчжоу, уезд Вэньцюань, Синьцзян // Као гу (Пекин). 2013. № 7. С. 25–32. (на кит. яз.)
- Ли Сяо.** Синь цзян та чэн ши као гу дэ синь фа сянь [李肖. 新疆塔城市考古的新发现 // 西域研究]. Новые открытия в археологии города Тачэн, Синьцзян // Си ю янь цзю (Урумчи). 1991а. С. 104. (на кит. яз.)
- Ли Сяо.** Та чэн ши вэй шэн сюэ сяо гу му цюнь цзи и чжи [李肖. 塔城市卫生学校古墓群及遗址 // 中国考古学年鉴]. Древние могильные группы и памятники школы здо-

- ровья г. Тачэн // Чжун го као гу сюэ нянь цзянь [Китайский археологический ежегодник]. Пекин: Чжун го вэнь у чу бан ше, 1991б. С. 328–329. (на кит. яз.)
- Ли Цзиньго, Люй Енго.** Вэнь цюань сянь и дун цюо лу хэ кун де Као гу (г. Пекин) дяо хэ янь цю [李金国, 吕恩国. 温泉县阿敦乔鲁遗存的考古调查和研究 // 新疆文物]. Археологическое исследование и изучение останков Адунджолу в уезде Вэньцюань // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 2003. № 01. С. 20–27. (на кит. яз.)
- Ли Шуйченг.** Конг синь цзян а и туо хань и хао му ди де фа сянь тань а фань на сие во вэнь хуа [李水城. 从新疆阿依托汗一号墓地的发现谈阿凡纳谢沃文化 // 新疆文物]. К вопросу об афанасьевской культуре на основе открытия могильника Айтохан I в Синьцзяне // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 2018. № 1–2. С. 105–121. (на кит. яз.)
- Линь Мэйцунь.** Ту хуо луо рен дэ ци юань юй цян кси [林梅村. 吐火罗人的起源与迁徙 // 西域研究]. Происхождение и миграции народа тохары // Си ю янь цю (Урумчи). 2003. № 3. С. 9–23. (на кит. яз.)
- Линь Юнь.** Гуань юй синь цзян бэй бу цзе му эр цзе ке йи цун де цзи гэ вэнь ти – конг бу эр цзинь сянь чу ту де тао ци шуо ци [林云. 关于新疆北部切木尔切克遗存的几个问题——从布尔津县出土的陶器说起 // 庆祝何炳棣先生九十华诞论文集]. Несколько вопросов об остатках чемурчекской культуры в северном Синьцзяне – по керамике, раскопанной в уезде Бурцин // Цин жу он бинг ди сянь шэн цюо шя дань лун вэнь цзи [Сборник эссе, посвященный празднованию 90-летия господина Хэ Бинди]. Сиань: Сань цинь чу бань ши, 2008. С. 717–733. (на кит. яз.)
- Люй Енго.** Синь цзян хэ шуо, синь цзян хэ шуо синь та ла и чжи фа цюэ цзянь бао [吕恩国. 新疆和硕新塔拉遗址发掘简报 // 考古]. Отчет о раскопках стоянки Синьтала в уезде Хэшуо, Синьцзян // Као гу (Пекин). 1988. № 05. С. 399–476. (на кит. яз.)
- Ма Цзянь, Тун Цзяньи.** Тянь-шань бэй лу му ди де фа чжань юй гань цин ди цюй вэнь хуа цюо лю [马健, 佟建一. 天山北路墓地的发展与甘青地区文化交流 // 考古学研究]. Развитие могильника «Тянь-Шань Бэй Лу» и культурные обмены в регионах Ганьсу и Цинхай // Као гусюэ янь цю (Пекин). 2022. № 01. С. 215–233. (на кит. яз.)
- Нагатеэр Баиэр.** Синь цзян бэй бу тун ши бин юн чжи цин тун ши дай цзао ци као гу сюэ вэнь хуа де цюо лю юй жун хэ [那嘎特尔巴依尔. 新疆北部铜石并用至青铜时代早期考古学文化的交流与融合 // 中华民族共同体研究]. Обмен и интеграция археологических культур от меднокаменного до раннего бронзового века в северном Синьцзяне // Чжун хуа мин цзу гун тун ти янь цю (Пекин). 2023. № 6. С. 90–104, 170–171. (на кит. яз.)
- Отдел культурных реликвий, Департамент культуры, Синьцзян-Уйгурский автономный район; Специализированный курс для преподавателей культур и музеев, исторический факультет, Синьцзянский университет. Синь цзян ха ми янь бу ла кэ му ди [新疆维吾尔自治区文化厅文物处, 新疆大学历史系文博干部专修班. 新疆哈密焉不拉克墓地 // 考古学报]. Могильник Ямбулак, Хами, Синьцзян // Као гу сюэ бао (Пекин). 1989. № 03. С. 325–362. (на кит. яз.)
- Син Кайдин, Лю Нин.** Ши хэ цзы гу му [邢开鼎, 刘宁. 石河子古墓 // 新疆文物]. Могила в городе Шихези // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 1994. № 04. С. 12–19. (на кит. яз.)
- Син Кайдин, Чжао Коньцзян, Ву Юн.** Ву лу му ци чай во бао гу му цзан фа цюэ бао гао [邢开鼎, 赵丛苍, 吴勇. 乌鲁木齐柴窝堡古墓葬发掘报告 // 新疆文物]. Отчет о раскопках древних погребений Чайвобао, город Урумчи // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 1998. № 01. С. 11–31. (на кит. яз.)
- Синьцзянский Институт культурного наследия и археологии. Синь цзян цзи линь тай [新疆文物考古研究所. 新疆吉林台]. Комплекс объектов Цзилиньтай в Синьцзяне. Пекин: Вэнь у чу бань шэ, 2020. Вып. 1. 531 с. (на кит. яз.)

- Синьцзянский Институт культурного наследия и археологии; Институт культурного наследия Северо-Западного университета; Бюро культуры, спорта, радио, телевидения и туризма Хами; Музей Хами; Институт истории Нанкинского университета. Синь цзян ха ми тянь шань бэй лу му ди [新疆维吾尔自治区文物考古研究所, 西北大学文化遗产学院, 哈密市文化体育广播电视和旅游局, 哈密市博物馆, 南京大学历史学院. 新疆哈密天山北路墓地]. Могильник Тянь-Шань Бэй Лу, г. Хами, Синьцзян. Пекин: Кэ сюэ чу бань шэ, 2024. 1130 с. (на кит. яз.)
- Тун Цзяньи, Ма Цзянь, Чан Сиен.** Синь цзян Тянь-шань бэй лу му ди фа чжань цзе дуань янь цзю [佟建一, 马健, 常喜恩. 新疆天山北路墓地发展阶段研究 // 考古与文物]. Исследование этапов развития могильника Тянь-Шань Бэй Лу в Синьцзяне // Као гу юй вэнь ву (Пекин). 2024. № 8. С. 59–70. (на кит. яз.)
- Хань Цзянье.** Синь цзян дэ цин тун ши дай хэ цзао ци тай ци ши дай вэнь хуа [韩建业. 新疆的青铜时代和早期铁器时代文化]. Культуры бронзового и раннего железного веков в Синьцзяне. Пекин: Вэнь у чу бан ше, 2007. 128 с. (на кит. яз.)
- Хуан Вэньби.** Синь цзян као гу фа цзюе бао гао [黄文弼. 新疆考古发掘报告]. Отчет об археологических раскопках в Синьцзяне / Ин-т археологии, Китайская академия общественных наук. Пекин: Вэнь у чу бан ше. 1983. 224 с. (на кит. яз.)
- Хуан Вэньби.** Хуан вэньби мэн синь као ча ри цзи: 1927–1930 [黄文弼. 蒙新考察日记: 1927–1930]. Дневник экспедиции Хуан Вэньби в Синьцзян, Монголия: 1927–1930 гг. Пекин: Вэнь у чу бан ше, 1990. 577 с. (на кит. яз.)
- Ху Синцзюнь, Чжан Цзе, Хоу Чжицзюнь.** Ай туо хань йи хао му цюнь као гу фа цзюэ бао гао [胡兴军, 张杰, 侯知军. 阿依托汗一号墓群考古发掘报告 // 新疆文物]. Отчет об археологических раскопках в могильнике Айтохана I // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 2017. № 2. С. 19–39. (на кит. яз.)
- Чан Сиен.** Ба ли кун нань ван му ди 66 хао му цин ли цзянь бао [常喜恩. 巴里坤南湾墓地66号墓清理简报 // 新疆文物]. Краткий обзор работ по очистке могилы № 66 на могильнике Наньван, Баркун // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 1985. № 01. С. 4–16. (на кит. яз.)
- Чан Сиен.** И ву цзюнь ма чанг синь ши ци ши дай и чжи дяо ча [常喜恩. 伊吾军马场新石器时代遗址调查 // 新疆文物]. Исследование неолитической стоянки на военном ипподроме в уезде Иву // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 1986. № 01. С. 14–15. (на кит. яз.)
- Чжан Пин, Ван Бо.** Хэ шуо сянъ ме ла цюй хуэй юань ши вэнь хуа и чжи дяо ча [张平, 王博. 和硕县新塔拉、曲惠原始文化遗址调查 // 新疆文物]. Исследование объектов первобытной культуры в Цюйхуэй и Синтала, уезд Хешуо // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 1986. № 01. С. 1–13. (на кит. яз.)
- Чжан Юйчжун.** И ли хэ лю юй дэ вэнь у као гу синь фа сянъ [张玉忠. 伊犁河流域的文物考古新发现 // 文博]. Новые открытия в области культурного наследия и археологии в бассейне р. Или // Вэнь бо (Пекин). 1991. С. 44–49. (на кит. яз.)
- Чжао Сюэцзяо.** Бэй гэ ман ю чжун го си бэй као гу янь цзю [赵雪姣. 贝格曼与中国西北考古研究]. Бергман и археологические исследования в Северо-Западном Китае: Дис. ... магистра истории Северо-западного пед. ун-та. Сиань, 2024. 66 с. (на кит. яз.) URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD202401&filename=1023742514.nh&uniplatform=OVERSEA&v=W1s7G8ctV79AeEGCrcYZpkbbF-BTZasHTipSMOAmWi5ZzZC5_DaP6LvcSGSpt31X
- Чжоу Цзиньлин, Ли Вэньин.** Туо ли сянъ са цзы цун гу му занг [周金玲, 李文瑛. 托里县萨孜村古墓葬 // 新疆文物]. Древние захоронения в деревне Сази, уезд Тори // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 1996. № 02. С. 14–22. (на кит. яз.)

- Чэнь Гэ.** Синь цзян ци тай сянь бан цзе гоу синь ши ци ши дай и чжи [陈戈. 新疆奇台县半截沟新石器时代遗址 // 考古]. Неолитическая стоянка Баньцзегоу, уезд Цитай, Синьцзян // Као гу (Пекин). 1981. № 06. С. 552–553. (на кит. яз.)
- Чэнь Гэ.** Гуань юй синь цзян юань гу вэнь хуа де цзи гэ вэнь ти [陈戈. 关于新疆远古文化的几个问题 // 新疆文物]. Несколько вопросов о древней культуре Синьцзяна // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 1985. № 1. С. 27–38. (на кит. яз.)
- Шао Хуэйцю.** Синь цзян ши цян ши ци вэнь хуа гэ чжу дэ янь цзинь цзи ци юй чжоу линь ди цюй вэнь хуа дэ гуань си [邵会秋. 新疆史前时期文化格局的演进及其与周邻地区文化的关系]. Эволюция культурных моделей в доисторическом Синьцзяне и их связь с культурами соседних периферийных регионов: Дис. ... канд. ист. наук. Цзилиньского ун-та. Чанчунь, 2007а. 306 с. (на кит. яз.) URL: <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFD9908&filename=2007106205.nh&uniplatform=OVERSEA&v=2uHMIIE89QEeUxJAcCRZSq4OsLGhIGQvO4SZzVThpqyT8803vnoZluCTUm2qrglif>
- Шао Хуэйцю.** Ка ла су кэ вэнь хуа чу лун [邵会秋. 卡拉苏克文化初论 // 新疆文物]. Краткий обзор карасукской культуры // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 2007б. № 03. С. 63–71. (на кит. яз.)
- Шао Хуэйцю, Чжан Вэньшань.** Синь цзян ань де ло нуо во вэнь хуа янь цзю цзун шу [邵会秋, 张文珊. 新疆安德罗诺沃文化研究综述 // 西域研究]. Обзор исследований андроновской культуры в Синьцзяне // Си юй янь цзю (Урумчи). 2019. № 02. С. 113–121. (на кит. яз.)
- Шуй Тао.** Синь цзян цин тон ши дай чжу вэнь хуа де би цзяо янь цзю – фу лун цзао ци чжун си вэнь хуа цзяо лю де ли ши цзинь чэн [水涛. 新疆青铜时代诸文化的比较研究—附论早期中西文化交流的历史进程 // 中国西北地区青铜时代考古论集]. Сравнительное исследование культур бронзового века Синьцзяна – с очерком об историческом процессе раннего китайского и западного культурного обмена // Чжун го си бэй ди цюй цин тонг ши дай као гу лунь цзи [Сборник археологических трудов по бронзовому веку Северо-Западного Китая]. Пекин: Кэ сюэ чу бан ше, 2001. С. 6–46. (на кит. яз.)
- Юй Цзяньцзюнь, Алиф Няз, Нин Синь.** Хэ бу кэ сай эр сянь 219 гуо дао песня шу гоу му ди као гу фа цзюэ бао гао [于建军, 阿里甫江尼亚孜, 宁辛. 和布克赛尔县 219 国道松树沟墓地考古发掘报告 // 新疆文物]. Отчет об археологических раскопках на кладбище Пайн Гулли, Национальное шоссе 219, округ Хобексир // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 2018. № 1–2. С. 55–81. (на кит. яз.)
- Юй Цзяньцзюнь, Ху Ванлинь, Лина.** Бу эр цзинь сянь да ла ман му цюнь као гу фа цзюэ цзянь бао [于建军, 胡望林, 丽娜. 布尔津县也拉曼墓群考古发掘简报 // 新疆文物]. Отчет об археологических раскопках погребальных курганов Еламан, уезд Бурцин // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 2017. № 4. С. 4–29. (на кит. яз.)
- Юй Цзяньцзюнь, Ху Синцзюнь.** Синь цзян хабахэ туо гань бай 2 хао му ди фа цзюэ цзянь бао [于建军, 胡兴军. 新疆哈巴河托干拜2号墓地发掘简报 // 文物]. Краткий отчет о раскопках могильника Тоганбай 2 в Хабахе, Синьцзян // Вэнь ву (Пекин). 2014. № 12. С. 18–28. (на кит. яз.)
- Юй Чжиюн.** Тачэн ши эгун сян ся ка лан гуэр цунь гу и чжи дяо ча [于志勇. 塔城市二宫乡下喀浪古尔村古遗址调查 // 新疆文物]. Исследование древней стоянки деревни Сякалан Гуэр, поселок Эгун, город Тачэн // Синь цзян вэнь ву (Урумчи). 1998. № 02. С. 35–38. (на кит. яз.)
- Ян Июн.** Синь цзян му лэй сянь си дао гоу и чжи [羊毅勇. 新疆木垒县四道沟遗址 // 考古]. Памятник Сидаогоу, уезд Мулэй, Синьцзян // Као гу (Пекин). 1982. № 02. С. 113–120. (на кит. яз.)

References

- Abudureyimu Kadeer, Yalikun, Mamutiaji, Batuer.** Ni le ke xian qiong ke yi hao mu di fa jue bao gao [阿不都热依木·卡德尔, 亚力昆, 马木提阿吉, 巴图尔。尼勒克县穷科克一号墓地发掘报告 // 新疆文物]. Report on the excavation of the No. 1 cemetery in Qiongkeke, Nileke County. *Xin jiang wenwu* (Urumqi), 2002, no. 03–04, pp. 13–57. (in Chin.)
- Chang Xien.** Ba li kun nan wan mu di 66hao mu qing li jian bao [常喜恩。巴里坤南湾墓地66号墓清理简报 // 新疆文物]. Brief on the clean-up of Tomb 66 in the Nanwan Cemetery, Barkun. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 1985, no. 01, pp. 4–16. (in Chin.)
- Chang Xien.** Yi wu jun ma chang xin shi qi shi dai yi zhi diao cha [常喜恩。伊吾军马场新石器时代遗址调查 // 新疆文物]. Investigation of the Neolithic site of Yiwu Military Race-course. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 1986, no. 01, pp. 14–15. (in Chin.)
- Chen Ge.** Xin jiang qi tai xian ban jie gou xin shi qi shi dai yi zhi [陈戈。新疆奇台县半截沟新石器时代遗址 // 考古]. Neolithic site of Banjiegou, Qitai County, Xinjiang. *Kao gu* (Beijing), 1981, no. 06, pp. 552–553. (in Chin.)
- Chen Ge.** Guan yu xin jiang yuan gu wen hua de ji ge wen ti [陈戈。关于新疆远古文化的几个问题 // 新疆文物]. A few questions about the ancient culture of Xinjiang. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 1985, no. 1, pp. 27–38. (in Chin.)
- Cong Dexin, Jia Weiming.** Qie mu er qie ke mu di ji qi zao qi yi cun de chu bu fen xi [丛德新, 贾伟明。切木尔切克墓地及其早期遗存的初步分析 // 庆祝张忠培先生八十岁论文集]. Preliminary analysis of the cemetery at Chemulchek and its early remains. In: Qing zhu zhang zhong pei xian sheng ba shi sui lun wen ji [Collection of Essays in Celebration of Mr Zhang Zhongpei's 80th Anniversary]. Beijing, Ke xue chu ban she, 2014, pp. 290–308. (in Chin.)
- Cong Dexin, Jia Xiaobing, Guo Wu, Shang Guojun, Ge Li.** Xin jiang wen quan xian a dun qiao lu yi zhi yu mu di [丛德新, 贾笑冰, 郭物, 尚国军, 葛丽。新疆温泉县阿敦乔鲁遗址与墓地 // 考古]. Site and cemetery Adunqiaolu, Wenquan County, Xinjiang. *Kao gu* (Beijing), 2013, no. 7, pp. 25–32. (in Chin.)
- Guo Wu.** Xin jiang shi qian wan qi she hui de kao gu xue yan jiu [郭物。新疆史前晚期社会的考古学研究]. Archaeological Study of Late Prehistoric Societies in Xinjiang. Shanghai, Shang hai gu ji chu ban she, 2012, 290 p. (in Chin.)
- Han Jianye.** Xin jiang de qing tong shi dai he zao qi tie qi shi dai wen hua [韩建业。新疆的青铜时代和早期铁器时代文化]. Bronze Age and Early Iron Age Cultures of Xinjiang. Beijing, Wen wu chu ban she, 2007, 128 p. (in Chin.)
- Huang Wenbi.** Xin jiang kao gu fa jue bao gao [黄文弼。新疆考古发掘报告]. Report on Archaeological Excavations in Xinjiang. Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences. Beijing, Wen wu chu ban she, 1983, 224 p. (in Chin.)
- Huang Wenbi.** Meng xin kao cha ri ji: 1927–1930 [黄文弼。蒙新考察日记: 1927–1930]. Diary of the Mengxin Expedition: 1927–1930. Beijing, Wen wu chu ban she, 1990, 577 p. (in Chin.)
- Hu Xingjun, Zhang Jie, Hou Zhijun.** A yi tuo han yi hao mu qun kao gu fa jue bao gao [胡兴军, 张杰, 侯知军。阿依托汗一号墓群考古发掘报告 // 新疆文物]. Report on the Archaeological Excavation of Ayituohan Tomb Complex No. 1. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 2017, no. 2, pp. 19–39. (in Chin.)
- Li Jinguo, Lü Enguo.** Wen quan xian a dun qiao lu yi cun de kao gu diao cha he yan jiu [李金国, 吕恩国。温泉县阿敦乔鲁遗存的考古调查和研究 // 新疆文物]. Archaeological investigation and study of the remains of Adunqiaolu in Wenquan County. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 2003, no. 01, pp. 20–27. (in Chin.)

- Li Shuicheng.** Cong xin jiang a yi tuo han yi hao mu di de fa xian tan a fan na xie wo wen hua [李水城。从新疆阿依托汗一号墓地的发现谈阿凡纳谢沃文化 // 新疆文物]. The Avana-shevo Culture from the Discovery of Cemetery No. 1 in Ayituohan, Xinjiang. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 2018, no. 1–2, pp. 105–121. (in Chin.)
- Li Xiao.** Xin jiang ta cheng shi kao gu de xin fa xian // Xi yu yan jiu [李肖。新疆塔城市考古的新发现 // 西域研究]. New Discoveries in the Archaeology of Tacheng City, Xinjiang. *Xi yu yan jiu* (Urumqi), 1991a, pp. 104. (in Chin.)
- Li Xiao.** Ta cheng shi wei sheng xue xiao gu mu qun ji yi zhi [李肖。塔城市卫生学校古墓群及遗址 // 中国考古学年鉴]. Ancient Tomb Groups and Ruins of Tacheng City Health School. In: *Zhong guo kao gu xue nian jian* [Annals of Chinese Archaeology]. Beijing, Zhong guo wen wu chu ban she, 1991b, pp. 328–329. (in Chin.)
- Lin Meicun.** Tu huo luo ren de qi yuan yu qian xi [林梅村。吐火罗人的起源与迁徙 // 西域研究]. Origin and Migration of the Tocharians. *Xi yu yan jiu* (Urumqi), 2003, no. 3, pp. 9–23. (in Chin.)
- Lin Yun.** Guan yu xin jiang bei bu qie mu er qie ke yi cun de ji ge wen ti – cong bu er jin xian chu tu de tao qi shuo qi [林云。关于新疆北部切木尔切克遗存的几个问题—从布尔津县出土的陶器说起 // 庆祝何炳棣先生九十华诞论文集]. A few questions about the remains of Chemulchek in northern Xinjiang – from the pottery excavated in Buerjin County. In: *Qing zhu he bing di xian sheng jiu shi hua dan lun wen ji* [Collection of Essays to Celebrate the 90th Birthday of Mr He Bingdi]. Xi'an, San qin chu ban she, 2008, pp. 717–733. (in Chin.)
- Lü Enguo.** Xin jiang he shuo xin ta la yi zhi fa jue jian bao [吕恩国。新疆和硕新塔拉遗址发掘简报 // 考古]. Briefing on the Excavation of the Xintala Site in Heshuo, Xinjiang. *Kao gu* (Beijing), 1988, no. 05, pp. 399–476. (in Chin.)
- Ma Jian, Tong Jianyi.** Tian shan bei lu mu di de fa zhan yu gan qing di qu wen hua jiao liu [马健, 佟建一。天山北路墓地的发展与甘青地区文化交流 // 考古学研究]. The Development of the Tianshan Beilu Cemetery and Cultural Exchange between the Gansu and Qinghai Regions. *Kao gu xue yan jiu* (Beijing), 2022, no. 01, pp. 215–233. (in Chin.)
- Nagateer Bayier.** Xin jiang bei bu tong shi bing yong zhi qing tong shi dai zao qi kao gu xue wen hua de jiao liu yu rong he [那嘎特尔巴依尔。新疆北部铜石并用至青铜时代早期考古学文化的交流与融合 // 中华民族共同体研究]. Exchange and Integration of Archaeological Cultures from Copperstone to Early Bronze Age in Northern Xinjiang. *Zhong hua min zu gong tong ti yan jiu* (Beijing), 2023, no. 6, pp. 90–104, 170–171. (in Chin.)
- Relics Division, Department of Culture, Xinjiang Uygur Autonomous Region; Specialised Course for Literature and Museum Cadres, Department of History, Xinjiang University [新疆维吾尔自治区文化厅文物处, 新疆大学历史系文博干部专修班。新疆哈密焉不拉克墓地 // 考古学报]. Yanbulak Cemetery, Hami, Xinjiang. *Kao gu xue bao* (Beijing), 1989, no. 03, pp. 325–362. (in Chin.)
- Ruan Qiurong.** Xin jiang fa xian de an de luo nuo wo wen hua yi cun yan jiu [阮秋荣。新疆发现的安德罗诺沃文化遗存研究 // 西部考古]. A Study of the Remains of the Andronovo Culture Found in Xinjiang. *Xi bu kao gu* (Xi'an), 2013, no. 00, pp. 125–154. (in Chin.)
- Shao Huiqiu.** Xin jiang shi qian shi qi wen hua ge ju de yan jin ji qi yu zhou lin di qu wen hua de guan xi [邵会秋。新疆史前时期文化格局的演进及其与周邻地区文化的关系]. The Evolution of Cultural Patterns in Prehistoric Xinjiang and Their Relationship with the Cultures of Neighbouring Peripheral Regions: Thesis Cand. (History). Jilin University. Changchun, 2007a. 306 p. (in Chin.) URL: <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFD9908&filename=2007106205.nh&uniplatform=OVERSEA&v=2uHMIE89QEeUxJACRZSq4OsLGhIGQvO4SZzVThpqyT8803vnoZluCTUm2qrqlif>
- Shao Huiqiu.** Ka la su ke wen hua chu lun [邵会秋。卡拉苏克文化初论 // 新疆文物]. A Primer on Karasuk Culture. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 2007b, no. 03, pp. 63–71. (in Chin.)

- Shao Huiqiu, Zhang Wenshan.** Xin jiang an de luo nuo wo wen hua yan jiu zong shu [邵会秋, 张文珊. 新疆安德罗诺沃文化研究综述 // 西域研究]. A Review of Research on Andronovo Culture in Xinjiang. *Xi yu yan jiu* (Urumqi), 2019, no. 02, pp. 113–121. (in Chin.)
- Shui Tao.** Xin jiang qing tong shi dai zhu wen hua de bi jiao yan jiu – fu lun zao qi zhong xi wen hua jiao liu de li shi jin cheng [水涛. 新疆青铜时代诸文化的比较研究—附论早期中西文化交流的历史进程 // 中国西北地区青铜时代考古论集]. A Comparative Study of Bronze Age Cultures in Xinjiang – An Introduction to the Historical Process of Early Chinese-Western Cultural Exchange. In: *Zhong guo xi bei di qu qing tong shi dai kao gu lun ji* [Collection of essays of Bronze Age Archaeology in Northwest China]. Beijing, Ke xue chu ban she, 2001, pp. 6–46. (in Chin.)
- Tong Jianyi, Ma Jian, Chang Xien.** Xin jiang tian shan bei lu mu di fa zhan jie duan yan jiu [佟建一, 马健, 常喜恩. 新疆天山北路墓地发展阶段研究 // 考古与文物]. A study of the stages of development of the cemetery Tianshan Beilu in Xinjiang. *Kao gu yu wen wu* (Beijing), 2024, no. 8, pp. 59–70. (in Chin.)
- Wang Binghua.** Xin jiang di qu qing tong shi dai kao gu wen hua shi xi [王炳华. 新疆地区青铜时代考古文化试析 // 新疆社会科学]. A Trial Analysis of Bronze Age Archaeological Culture in Xinjiang Region. *Xin jiang she hui ke xue* (Urumqi), 1985, no. 04, pp. 50–61. (in Chin.)
- Wang Binghua.** Gu mu gou [王炳华. 古墓沟]. Cemeteries Gumugou. Urumqi, Xin jiang ren min chu ban she, 2014, 258 p. (in Chin.)
- Wang Binghua, Yidilisi Abuduresule, Xing Kaiding.** Ba li kun xian lan zhou wan zi san qian nian qian shi gou jian zhu yi zhi [王炳华, 伊弟利斯阿不都热苏勒, 邢开鼎. 巴里坤县兰州湾子三千年前石构建筑遗址 // 中国考古学年鉴]. Three-thousand-year-old stone architectural site at Lanzhouwanzi, Barkun County. In: *Zhong guo kao gu xue nian jian* [Annals of Chinese Archaeology]. Beijing, Wen wu chu ban she, 1985, p. 256. (in Chin.)
- Wang Xinchun.** Zhong guo xi bei ke xue kao cha tuan kao gu xue shi yan jiu [王新春. 中国西北科学考察团考古学史研究]. A study of the archaeological history of the Northwest China Scientific Expedition Mission: Thesis Cand. History. University Lanzhou. Lanzhou, 2012. 335 p. (in Chin.) URL: <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFDLAST2021&filename=1012371476.nh>
- Wang Yinchun, Ma Jian.** A fan na xie wo wen hua yan jiu [王尹辰, 马健. 阿凡纳谢沃文化研究 // 欧亚学刊 (新12辑)]. Research on the Afanasievo culture. In: *Ou ya xue kan (xin 12ji)* [Eurasian Journal (new 12 series)]. Beijing, Shang wu chu ban she, 2023, pp. 21–55. (in Chin.)
- Wang Yufu.** Ka la su ke wen hua chu bu yan jiu [王禹夫. 卡拉苏克文化初步研究]. Preliminary study of Karasuk culture: Thesis master's degree in history. University Heilongjiang. Haerbin, 2022. 70 p. (in Chin.) URL: <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD202202&filename=1022042321.nh&uniplatform=OVERSEA&v=qlRwVESvoPEaE1usrY7Pf3Ui6ZutgI70cIJONLiYCGc-KiGki92ax5qDftiMgM1F>
- Wu Yong, Zhang Tienan.** Ta shen ku er gan xian xia ban di mu di kao gu fa jue bao gao // xin jiang wen wu [吴勇, 张铁男. 塔什库尔干县下坂地墓地考古发掘报告 // 新疆文物]. Report on the Archaeological Excavations at the Xiaban Cemetery, Tashkurgan County // *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 2004, no. 03, pp. 1–59. (in Chin.)
- Xing Kaiding, Liu Ning.** Shi he zi gu mu [邢开鼎, 刘宁. 石河子古墓 // 新疆文物]. TombS in Shihezi, Xinjiang. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 1994, no. 04, pp. 12–19. (in Chin.)
- Xing Kaiding, Zhao Congcang, Wu Yong.** Wu lu mu qi chai wo bao gu mu zang fa jue bao gao [邢开鼎, 赵丛苍, 吴勇. 乌鲁木齐柴窝堡古墓葬发掘报告 // 新疆文物]. Report on the Excavation of Ancient Burials at Chaiwopu, Urumqi. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 1998, no. 01, pp. 11–31. (in Chin.)

- Xinjiang Institute of Cultural Heritage and Archaeology. Xin jiang ji lin tai [新疆文物考古研究所. 新疆吉林台]. Site Jilintai in Xinjiang. Beijing, Wen wu chu ban she, 2020, iss. 1, 531 p. (in Chin.)
- Xinjiang Institute of Cultural Heritage and Archaeology; Institute of Cultural Heritage, Northwestern University; Hami Culture, Sports, Radio, Television and Tourism Bureau; Hami Museum; Institute of History, Nanjing University. Xin jiang ha mi tian shan bei lu mu di [新疆维吾尔自治区文物考古研究所, 西北大学文化遗产学院, 哈密市文化体育广播电视和旅游局, 哈密市博物馆, 南京大学历史学院. 新疆哈密天山北路墓地]. Cemetery Tianshan Beilu, Hami, Xinjiang. Beijing, Ke xue chu ban she, 2024, 1130 p. (in Chin.)
- Xinjiang Uygur Autonomous Region Museum Archaeological Team. Xin jiang shu fu xian a ke ta la deng xin shi qi shi dai yi zhi de diao cha [新疆维吾尔自治区博物馆考古队. 新疆疏附县阿克塔拉等新石器时代遗址的调查 // 考古]. A survey of Neolithic sites including Aktara in Shushu County, Xinjiang. *Kao gu* (Beijing), 1977, no. 02, pp. 107–110. (in Chin.)
- Yang Yiyong.** Xin jiang mu lei xian si dao gou yi zhi [羊毅勇. 新疆木垒县四道沟遗址 // 考古]. Sidaogou Site, Mulei County, Xinjiang. *Kao gu* (Beijing), 1982, no. 02, pp. 113–120. (in Chin.)
- Yidilisi Abuduresule, Li Wenying, Hu Xingjun.** Xin jiang luo bu po xiao he mu di 2003nian fa jue jian bao [伊弟利斯 阿不都热苏勒, 李文瑛, 胡兴军. 新疆罗布泊小河墓地2003年发掘简报 // 文物]. Briefing on the 2003 Excavations at the Xiaohe Cemetery, Lop Nur, Xinjiang 2007 // *Wen wu* (Beijing), no. 10, pp. 4–42+2+1. (in Chin.)
- Yidilisi Abuduresule, Liu Guorui, Li Wenying.** 2002 nian xiao he mu di kao gu diao cha yu fa jue bao gao [伊弟利斯 阿不都热苏勒, 刘国瑞, 李文瑛. 2002年小河墓地考古调查与发掘报告 // 边疆考古研究] Report on the 2002 archaeological survey and excavation of the Xiaohe Cemetery // *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 2004, no. 00, pp. 338–398+401–411. (in Chin.)
- Yi Manbai.** Xin jiang ke er mu qi gu mu qun fa jue jian bao [易漫白. 新疆克尔木齐古墓群发掘简报 // 文物]. Brief on the Excavation of the Kermuqi Ancient Tomb Group in Xinjiang. *Wen wu* (Beijing), 1981, no. 1, pp. 23–32. (in Chin.)
- Yu Jianjun, Alifujiang Niyazi, Ning Xin.** He bu ke sai er xian 219 guo dao song shu gou mu di kao gu fa jue bao gao [于建军, 阿里甫江尼亚孜, 宁辛. 和布克赛尔县 219 国道松树沟墓地考古发掘报告 // 新疆文物]. Report on the Archaeological Excavation of Songshugou Cemetery on National Highway 219 in Hebuksaier County. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 2018, no. 1–2, pp. 55–81. (in Chin.)
- Yu Jianjun, Hu Wanglin, Li Na.** Bu er jin xian ye la man mu qun kao gu fa jue jian bao [于建军, 胡望林, 丽娜. 布尔津县也拉曼墓群考古发掘简报 // 新疆文物]. Briefing on the archaeological excavations of the Yilaman Tomb Group in Burzin County. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 2017, no. 4, pp. 4–29. (in Chin.)
- Yu Jianjun, Hu Xingjun.** Xin jiang ha ba he tuo gan bai 2hao mu di fa jue jian bao [于建军, 胡兴军. 新疆哈巴河托干拜2号墓地发掘简报 // 文物]. Briefing on the excavation of Tuo-ganbai Cemetery No. 2 in Habahe, Xinjiang. *Wen wu* (Beijing), 2014, no. 12, pp. 18–28. (in Chin.)
- Yu Zhiyong.** Ta cheng shi er gong xiang xia ka lang gu er cun gu yi zhi diao cha [于志勇. 塔城市二宫乡下喀浪古尔村古遗址调查 // 新疆文物]. Survey of the ancient site of Xiakalangguer village, Ergong County, Tacheng City, China. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 1998, no. 02, pp. 35–38. (in Chin.)
- Zhao Xuejiao.** Bei ge man yu zhong guo xi bei kao gu yan jiu [赵雪姣. 贝格曼与中国西北考古研究]. Germain and Archaeological Research in Northwest China: Thesis master's degree in history. Northwest Normal University. Xi'an, 2024. 66 p. (in Chin.) URL: <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD202401&filename=10237>

42514.nh&uniplatform=OVERSEA&v=W1s7G8ctV79AeEGCrcYZpkbbF-BTZasHTipSMO
AmWi5ZzZC5_DaP6LvcSGSpt31X

Zhang Ping, Wang Bo. He shuo xian xin ta la, qu hui yuan shi wen hua yi zhi diao cha [张平, 王博。和硕县新塔拉、曲惠原始文化遗址调查 // 新疆文物]. Survey of Primitive Cultural Sites in Xintala and Quhui, Heshuo County. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 1986, no. 01, pp. 1–13. (in Chin.)

Zhang Yifei, Mo Duowen, Hu Ke, Bao Wenbo, Li Wenying, Idilisi Abuduresule, Storzum M. J., Kidder T. R. Holocene environmental changes around Xiaohe Cemetery and its effects on human occupation, Xinjiang, China. *Journal of Geographical Sciences*, 2017, vol. 27, no. 06, pp. 752–768.

Zhang Yuzhong. Yi li he liu yu de wen wu kao gu xin fa xian [张玉忠。伊犁河流域的文物考古新发现 // 文博]. New discoveries of cultural heritage and archaeology in the Ili River Basin. *Wen bo* (Beijing), 1991, pp. 44–49. (in Chin.)

Zhou Jinling, Li Wenying. Tuo li xian sa zi cun gu mu zang [周金玲, 李文瑛。托里县萨孜村古墓葬 // 新疆文物]. Ancient burials in the village of Sazi, Tori County. *Xin jiang wen wu* (Urumqi), 1996, no. 02, pp. 14–22. (in Chin.)

Информация об авторе

Ли Еюй

Information about the Author

Li Yeyu

Статья поступила в редакцию 10.01.2025;

одобрена после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 05.02.2025

The article was submitted on 10.01.2025;

approved after reviewing on 03.02.2025 accepted for publication on 05.02.2025

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-68-77

Художественная резьба по дереву у носителей традиций пазырыкской культуры на Российском, Казахском и Монгольском Алтае: общее и особенное

Владимир Павлович Мыльников

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

mylnikov@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-9607>

Аннотация

Проведен технико-технологический и сравнительно-культурный анализ отдельных исследованных археологических памятников скифского времени России, Казахстана и Монголии. Выявлено, что курганы пазырыкской культуры на могильниках Верх-Кальджин на Российском Алтае, Берель на Казахском Алтае и Олон-Куриин гол на Монгольском Алтае имеют много общего. Сходство обнаружено во многих деталях погребального обряда: одинаковые каменные насыпи, ориентация и глубина прямоугольных могильных ям, во многом похожие погребальные сооружения из дерева, положение усопшего – на деревянном ложе, головой на восток. Идентичность сопроводительного инвентаря выражена в комплектах одежды и войлочных головных уборах с наборами резных деревянных украшений, аналогичных видах вооружения, наборе посуды из дерева. Особая близость проявлена в мотивах различных украшений коня и человека, выполненных из дерева, особенно в художественной резьбе. Абсолютное подобие прослежено при комплексном технико-технологическом и культурологическом анализе украшений конской узда сопроводительных коней, нагрудных блях, жезлов власти верховных вождей. В их видовом многообразии преобладают образы грифов.

Ключевые слова

Российский Алтай, Казахский Алтай, Монгольский Алтай, скифское время, пазырыкская культура, обряд погребения, технико-технологический анализ, резьба по дереву, образ грифа

Благодарности

Исследование выполнено по проекту «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого», FWZG-2025-0001

Для цитирования

Мыльников В. П. Художественная резьба по дереву у носителей пазырыкской культуры на Российском, Казахском и Монгольском Алтае: общее и особенное // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 68–77. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-68-77

© Мыльников В. П., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 68–77

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 68–77

Artistic Wood Carving among the Bearers of the Pazyryk Culture in the Russian, Kazakh and Mongolian Altai: Common and Special

Vladimir P. Mylnikov

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

mylnikov@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-9607>

Abstract

Purpose. Technical, technological and comparative cultural analyses of individual studied archaeological sites of the Scythian period of Russia, Kazakhstan and Mongolia have been carried out. The aim is to show the importance of artistic wood carving in the cultural space of nomadic peoples of Eurasia in the Early Iron Age.

Results. It has been revealed that the mounds of the Pazyryk culture at the burial grounds of Verkh-Kaljin in the Russian Altai, Berel in the Kazakh Altai and Olon-Kurin Gol in the Mongolian Altai have much in common. It was found in many details of the funeral rite: identical stone mounds; orientation and depth of rectangular grave pits; in many ways similar burial structures made of wood. The similarity is recorded in the position of the deceased on a wooden bed, with his head facing east. The identity of the accompanying inventory is expressed in sets of clothing and felt headdresses with sets of carved wooden ornaments, related types of weapons and many other wooden tableware sets. A special affinity is shown in the motifs of various horse and human ornaments made of wood, especially in artistic carvings. The absolute similarity was traced through a comprehensive technical, technological and cultural analysis of the ornaments of the horse's bridle of accompanying horses, the horse's breastplates, and the wands of power of the supreme leaders. Their species diversity is dominated by various forms of vultures.

Conclusions. The main technological feature of artistic carving in the Pazyryk culture was that masters used a universal tool – a knife with a small, thin and very sharp blade. Other tools were of auxiliary importance. There was a steady tradition in the choice of material for making a particular type of item. Practically all wooden ornaments from burial complexes of the Pazyryk culture are made of Siberian cedar wood.

Keywords

Russian Altai, Kazakh Altai, Mongolian Altai, Scythian time, Pazyryk culture, burial rite, technical and technological analysis, wood carving, the image of the vulture

Acknowledgements

The research was carried out under the project “Siberia and contiguous lands: historical and cultural past study and reconstruction”, FWZG-2025-0001

For citation

Mylnikov V. P. Artistic Wood Carving among the Bearers of the Pazyryk Culture in the Russian, Kazakh and Mongolian Altai: Common and Special. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 68–77. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-68-77

Введение

Археологические исследования курганных внутримогильных погребений скифского времени на Российском, Монгольском и Казахском Алтае ведутся много лет. Начиная с момента первых раскопок Катандинского кургана в Горном Алтае в 1865 г., проведенных академиком В. В. Радловым, и до 90-х гг. второго тысячелетия было исследовано более тысячи курганных погребений скифского времени. Выявлены памятники, отнесенные исследователями по сумме идентификационных признаков к пазырыкской культуре. Определен социальный статус погребенных в каждом кургане по сложности надмогильного и внутримогильного сооружения, количеству убитых и снаряженных коней, набору и составу сопроводительного инвентаря, качеству изготовленных предметов в каждом погребении.

За последние три десятилетия в указанных регионах выявлены несколько памятников, имеющих подавляющее сходство во всех деталях погребального обряда, что сближает эти регионы и свидетельствует об их некогда существовавшем культурно-историческом единст-

ве. Наиболее отчетливо это прослежено и зафиксировано при раскопках приграничных курганных могильников Верх-Кальджин в России, Берель в Казахстане, Олон-Курин гол в Монголии [Молодин, Мыльников, 1999; Самашев, Мыльников, 2004; Мыльников, 2012; 2014]. Цель – показать значение художественной резьбы по дереву в этнокультурном пространстве кочевых народов Евразии в раннем железном веке.

Результаты исследования

Культурная близость обнаруживается во многих деталях обряда захоронения: одинаковые каменные насыпи; ориентация и глубина прямоугольных могильных ям; во многом сходные погребальные сооружения из дерева. Сходство зафиксировано в положении усопшего на деревянном ложе, головой на восток. Идентичность сопроводительного инвентаря выражается в комплектах одежды и войлочных головных уборах с наборами резных деревянных украшений, родственных видах вооружения наборе посуды из дерева и многом другом [Там же].

На наш взгляд, особым признаком, объединяющим в историко-культурном плане разнотудаленные регионы пазырыкской культуры Монголии и Казахстана от ее единого классического центра в Российском Горном Алтае, являются особые типы и наборы украшений человека и коня, изготовленные из дерева художественной резьбой.

Выполненный нами технико-технологический и культурно-исторический анализ артефактов показал объединяющий их в единое целое многогранный образ фантастического существа грифона. Он воплощает в себе образ самого крупного крылатого хищника Алтая – грифа [Шемуратов, 1992, с. 6].

Художественная резьба по дереву является одним из древнейших и наиболее распространенных видов декоративного искусства, способом художественной обработки дерева [Лямин, 1970, с. 37; Емельянов, 2009, с. 3]. Результаты многолетних изысканий убеждают нас в том, что именно художественная резьба у носителей культур раннего железного века была специализированным видом обработки дерева. Она сочетала в себе все достижения плотницкого и столярного искусства и в то же время была несколько обособлена от него. Плотники и столяры могли стать искусными резчиками по дереву, имея практику работы с материалом малых размеров. Резчик мог и не обладать специфическими навыками столяра или плотника, но при этом владел основами их мастерства, необходимыми ему для выбора материала, изготовления заготовок, подготовки их к резьбе. Как показали исследования, техника и технология художественной резьбы требуют многолетней наработки навыков специализированного отбора материала, наиболее подходящего для конкретного вида работ, способов и приемов его обработки [Мыльников, 2011]. Помимо чисто технологических аспектов, профессиональный резчик должен был знать культурные традиции данной группы населения, легенды и предания, мифы и сказания, связанные с историей каждого рода и племени, их тотемных покровителей и многое другое. Практика и секреты технологии художественной резьбы складывались в профессиональные традиции ремесла резчиков. Они, в свою очередь, диктовали условия создания своих школ мастерства. Так формировался институт мастеров (ученик – подмастерье – мастер). Характерная черта художественной резьбы у резчиков степной и лесостепной полосы Северной и Центральной Азии в раннем железном веке состояла в том, что выявление объема, простого и сложного орнамента и рельефов на кедровых брусках и дощечках производилось в основном одним специальным универсальным инструментом – остролезвийным ножом с применением простейших дополнительных операций (ошкуривание, заглаживание).

Резные предметы изготовлены квалифицированными мастерами, использовавшими все составляющие технологии деревообработки. Эти изделия являются образцами древней художественной резьбы по дереву (рис. 1–3). На Российском Алтае в технике сверхсложной художественной резьбы выполнено скульптурное многопрофильное навершие мужского головного убора [Кубарев, 1987] или посоха вождя [Руденко, 1953, табл. LXXXIII] из элитно-

го погребения на могильнике Пазырык, в кургане 2 – воплощение крылатого грифона (рис. 1, 1). Все обязательные погребальные наборы деревянных украшений кочевников и их спутников коней в пазырыкских курганах Монгольского, Российского и Казахского Алтая, выполненных художественной резьбой, объединяет этот многогранный, разнообразный образ – уникальная скульптурная деревянная икона.

Глубже понять семантику образа грифа помогает комплексный семантико-технологический анализ трехмерной налобной или нагрудной бляхи коня из кургана 11 могильника Берель на Казахском Алтае, которая представляет собой подковообразный, полиморфный, синкретический образ двухголового грифа, держащего между грозными клювами изящную голову оленя, включенного в круговую композицию [Самашев, Мыльников, 2004, с. 30–31, рис. 20, 21] (рис. 2, 1, 2). Эта бляха относится к разряду сверхсложных в классификации деревянных предметов с художественной резьбой. В изделии сочетаются выразительное рельефное изображение двухголового грифа с пышной гривой в спиралевидных завитках и как бы вырастающая из центра круга между голов грифа скульптурная голова марала, у которой реалистично переданы рога и уши. Загнутые клювы грифов сходятся у губ марала. Украшение выполнено из массивной кедровой заготовки. Обработывая ее, мастер четко представлял себе изображение в нескольких проекциях: округлое уплощенное основание в форме сдвоенной головы грифа (горизонтальные оси изделия) со скульптурной головой марала в центре (вертикальная ось). Вначале с помощью ножа и стамески с узким лезвием были намечены основные формы будущей бляхи и проработана голова оленя. Затем мелкими строгающими движениями лезвия ножа произведена чистовая обработка поверхности вокруг оленьей головы, на которую мастер острием шила нанес детальный рисунок горизонтального рельефа – головы грифов. Их он прорабатывал тонким лезвием остро отточенного ножа: сначала очертания голов и клювов фантастической птицы, затем остальные детали. Шею-туловище, соединяющую головы грифа, он окружил 18 выпуклыми валиками-жемчужинами, за которыми в низком рельефе вырезал 10 завитков сдвоенной пышной гривы: пять слева отклонены влево и закручиваются по часовой стрелке; пять справа отклонены вправо и закручиваются против часовой стрелки. Между ними мастер расположил объединяющий элемент – удлиненный остроконечный овал (каплю), острием проникающий вглубь сущности синкретического образа [Самашев и др., 2001, с. 35, рис 26; Самашев, Мыльников, 2004, с. 31, рис. 21].

Рис. 1. Российский Алтай.

Курганы пазырыкской культуры.

Деревянные украшения с художественной резьбой: 1 – Могильник Пазырык, курган 2; 2 – Могильник Туэкта, курган 1; 3-5 – Могильник Ак-Алаха, курганы 3, 5

Fig. 1. Russian Altai. Mounds of the Pazyryk culture.

Wooden ornaments with artistic carvings:

1 – Pazyryk burial ground, mound 2; 2 – Tuekta burial ground, mound 1; 3–5 – Ak-Alakh burial ground, mounds 3, 5

Рис. 2. Казахский Алтай. Могильник Берель, курган 11 пазырыкской культуры. Деревянные украшения с художественной резьбой:

1 – налобное украшение головы центрального коня; 2, 3 – нагрудные украшения коня; 4 – подвесные украшения ременной узды; 5 – псалий для железных удил

Fig. 2. Kazakh Altai. Berel burial ground, Pazyryk culture mound 11. Wooden ornaments with artistic carvings:

1 – frontal decoration of the central horse's head; 2, 3 – chest decorations of the horse; 4 – hanging ornaments of the belt; 5 – a psalium for iron rods

положные сущности – Добро и Зло, населяющие землю и небо, ассоциировались с находящимися в единстве и вечной борьбе грифами. Не исключено, что грозные «стерегущие золото» грифы [Полосьмак, 1994] в их представлениях являлись и могучими защитниками родового тотема.

Одним из важнейших в мифологии носителей скифской культуры было представление о движении Солнца по небу. У индоиранских народов перемещение светила по небосклону сравнивалось с полетом орла, а само солнце отождествлялось с птицей [Кузьмина, 1976, с. 54–55; Кубарев, Черемисин, 1984, с. 91–92; Суразаков, 1986, с. 13–14]. Исследуя известное изображение двух грифов, вьющихся один над другим вокруг полусферы, на налобной бляхе коня из кургана 1 могильника Тузекта [Руденко, 1960, табл. CI, 1] (рис. 1, 2), А. С. Суразаков пришел к выводу, что мифологические птицы пазырыкцев – рогатые грифы, отождествляемые с солнцем, – должны были держать в когтях солнечный диск и перемещать его по небо-

В научной литературе голова копытного, зажатая между шеями двух кошачьих хищников или между шеями и клювами двух грифов (двухголового грифа) – мифических небесных птиц, традиционно интерпретируется как элемент семиотической сцены терзания хищниками копытных [Руденко, 1960, с. 303, рис. 154в, табл. СХХI]. Но если внимательно рассмотреть нагрудную (налобную) бляху из кургана 11 могильника Берель, становится очевидным, что двухголовый гриф своей сдвоенной шеей и концами клювов, как бы оберегая, окружает, берет в защитное кольцо голову оленя (прародителя, тотема рода), а не терзает ее. Такие сцены, где нет явных признаков терзания, встречаются среди предметов из погребений в курганах Горного и Центрального Алтая. Наиболее яркий пример – апплицированное войлочное украшение передней луки седла из кургана 2 могильника Башадар с изображениями двух грифов, расположенных друг над другом, окрашенных в разные цвета [Там же]. Они не терзают и не поглощают друг друга, а как бы проникают один в другого и, сворачиваясь в кольцо (круг) и сливаясь, образуют целое – двуединую сущность, как известные с глубокой древности изображения Ян и Инь, воплощающие в себе двуединую ипостась активного бытия – смену дня и ночи, единство и борьбу противоположностей. В этом изображении скрыт глубочайший и еще до конца не познанный смысл древней мудрости. Вероятно, и в сознании носителей пазырыкской культуры противо-

своду [Суразаков, 1986, с. 10]. Однако если рассмотреть сцену на налобной бляхе коня из кургана 1 могильника Тузкта с позиции вечного противоборства между силами Добра и Зла, можно предположить следующее. Грозные грифы – представители верхнего мира, наделенные божественной силой, воплощение солярного культа, небесные стражи – цепко держат в когтистых лапах и клювах полусферу-солнце, укрыв его могучими телами и крыльями. Находясь в постоянном движении вокруг священного центра, днем и ночью они борются с силами Зла, тем самым оберегая владельца сакрального предмета от всяческих напастей. Мастер проработал и передал детали, объединяющие главных священных персонажей – грифа и оленя – в единый синкретический образ.

Пышные гривы (хохолки) грифов изображены в форме настоящих рогов благородного оленя с характерными завитками [Руденко, 1960, с. 285, 287, рис. 146н]. С конца II тыс. до н. э. олени с такими рогами во множестве изображались на каменных стелах летящими к солнцу – солярному кругу, высеченному в самой верхней точке плоскости стелы. Они тоже считались представителями верхнего мира и ассоциировались с культом солнца. В таком случае можно предположить, что и на других бляхах с изображениями грифов причудливые спиралевидные завитки хохлаков – это символы рогов оленя-солнца. А фигуры коней и оленей с веерообразными рогатыми гривами с завитками, оканчивающимися головками грифов, – особые обереги, обладающие сверхмощной силой синкретических существ [Богданов, 2006, с. 46], дающих защиту и покровительство небожителей земному обладателю этих изображений. Если придерживаться этой гипотезы, то в оригинальном по замыслу скульптурном образе трехголового грифа, который в одном из клювов держит голову оленя (навершие посоха или «царского» головного убора) из кургана 2 могильника Пазырык (изготовленное из трех отдельных частей, скрепленных между собой при помощи пазов и шипов) можно увидеть воплощение триединой сущности бытия, божественного могущества, символа покровительства и защиты высших сил (см. рис. 1, 1).

Похожий триадный сюжет есть и среди находок из кургана 11 могильника Берель. Это подвесная барельефная бляха с тремя симметрично расположенными головами грифов, окончания тел которых закручиваются в спирали, вписанные в круг, – изображение трехлучевой композиции

Рис. 3. Монгольский Алтай.
Могильник Олон-Куриин гол 10, курган 1
пазырыкской культуры:
1–9 – набор деревянных украшений
с художественной резьбой для узды коня

Fig. 3. Mongolian Altai.
Burial ground Olon-Kurin gol 10,
Pazyryk culture mound 1:
1–9 – a set of wooden ornaments
with artistic carvings for the horse's bridle

из голов орлиных грифонов [Самашев и др., 2000, с. 40; Самашев и др., 2001, с. 35, рис 27; Самашев, Мыльников, 2004, с. 149, рис. 236] (рис. 2, 3). Возможно, и подвесные барельефные уздечные бляхи с головами оленей в клювах грифов из кургана 11 могильника Берель, и, в особенности, трехмерное изображение головы оленя между клювами двухголового грифа – это не традиционная сцена «всепоглощения» или «терзания хищниками травоядных» [Суразаков, 1986, с. 16–17], а своеобразные священные обереги. Тотем рода – олень находится под надежной защитой грозных представителей верхнего мира – грифов. Не исключено, что именно таким образом в сознании населения пазырыкской культуры проявлялась синкретичность фигур копытных и птиц в их фантастической сущности, выраженной в нерасчлененности чувственных образов каждого объекта, в единстве внутренних связей существа и его компонентов.

В Монгольском Алтае на сегодняшний день раскопано не так много курганов пазырыкской культуры. Среди них особую близость по погребальному обряду демонстрируют курган 2 могильника Олон-Курингол-6 и курган 1 могильника Олон-Курин гол-10. Ярко выражена она и в украшениях узды сопровождающего погребального коня в виде деревянных подвесных блях, выполненных художественной резьбой. Здесь особую близость снова проявляет образ грифа. Наглядно выражена она и в многочисленных бляхах со сдвоенными изображениями голов гривастых грифов, обращенных в разные стороны, демонстрирующих крутоизогнутые длинные и страшные клювы (см. рис. 3).

Заключение

Археологические деревянные предметы с художественной резьбой – не только ценный источник информации по технологии обработки дерева, но и показатель культурной принадлежности. Художественная резьба по дереву в скифское время на территории Горного и Центрального Алтая – яркий пример высокого уровня развития материальной и духовной культуры пазырыкского общества. Предметы этой эпохи, выполненные в художественном стиле и оформленные в соответствии с канонами носителей традиций конкретной культуры, наделены такими индивидуальными чертами, по которым можно определить пазырыкское изделие. Это свидетельство того, что в образе, декоре, приемах изготовления каждого предмета живут многовековой опыт резьбы по дереву и традиции древнего населения. Главная технологическая особенность художественной резьбы у носителей пазырыкской культуры заключалась в том, что мастера-резчики изготавливали рельефный орнамент простых и сложных фигур или скульптурные изображения в основном при помощи одного универсального инструмента – ножа с небольшим, тонким и очень острым лезвием. Конечно, кроме ножа резчики использовали еще целый ряд инструментов, таких как стамески, сверла (провертки), шилья, ложила и т. д. Однако эти инструменты имели второстепенное, вспомогательное значение, так как использовались при подготовке основы к художественной резьбе, при разметке формы изделия и орнамента, дополнительной обработке резного рельефа, прорезании отверстий. Следует подчеркнуть, что существовала довольно устойчивая традиция в выборе материала для изготовления конкретного вида изделий. Практически все украшения человека и коня из погребальных комплексов пазырыкской культуры выполнены из древесины сибирского кедра. Ни в одной другой культуре скифо-сибирского мира нет такого количества и разнообразия деревянных предметов с художественной резьбой, поражающих современных исследователей богатством и символичностью образов, разнообразием видов резьбы, сложностью, тонкостью и изысканным изяществом ее исполнения.

Выявленные в археологических памятниках пазырыкской культуры на Российском Алтае и сопредельных с ним территориях данные по сходности технологии художественной резьбы по дереву и семантики фигур и изображений предметов определили объединяющий их культурологический образ – грифа.

Список литературы

- Богданов Е. С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
- Емельянов А. И.** Резьба по дереву для начинающих. Художественная резьба по дереву. Секреты мастерства. Ростов н/Д: Владис; М.: РИПОЛ классик, 2009. 320 с.
- Кубарев В. Д.** О назначении зооморфных наверший из курганов Пазырыка и Уландрыка // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 169–173.
- Кубарев В. Д., Черемисин Д. В.** Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984. С. 86–100.
- Кузьмина Е. Е.** Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 52–65.
- Лямин И. В.** Вторая жизнь дерева. Дерево в искусстве. М.: Лесная промышленность, 1970. 135 с.
- Молодин В. И., Мыльников В. П.** Верх-Кальджин-2 и проблемы деревообработки у носителей пазырыкской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1999 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. С. 446–453.
- Мыльников В. П.** Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 188 с.
- Мыльников В. П.** Обработка дерева в скифское время на Монгольском Алтае // Молодин В. И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. и др. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: Триумф принт, 2012. С. 433–513.
- Мыльников В. П.** Изучение археологических деревянных предметов (погребальные памятники Алтая и сопредельных территорий). М.: ИА РАН, 2014. 160 с. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 8)
- Полосьмак Н. В.** Стережущие золото грифы. Новосибирск: Наука, 1994. 127 с.
- Руденко С. И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Руденко С. И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 359 с.
- Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С.** Berel – Берел. Альбом. Алматы: Берел, 2000. 56 с.
- Самашев З. С., Мыльников В. П.** Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). Алматы: Берел, 2004. 312 с.
- Самашев З. С., Фаизов К. Ш., Базарбаева Г. А.** Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. Алматы: Берел, 2001. 108 с.
- Суразаков А. С.** К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 3–34.
- Шемуратов Ф. А.** Выпиливание лобзиком. М.: Легпромбыт, 1992. 203 с.

References

- Bogdanov E. S.** Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noi Azii (skifo-sibirskaya khudozhestvennaya traditsiya) [The image of a predator in the plastic art of the nomadic peoples of Central Asia (Scytho-Siberian artistic tradition)]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2006, 240 p. (in Russ.)
- Emelyanov A. I.** Wood carving for beginners. Artistic wood carving. Secrets of mastery. Rostov on Don, Vladis; Moscow, RIPOL Classic, 2009, 320 p. (in Russ.)

- Emelyanov A. I.** Rez'ba po derevu dlya nachinayushchikh. Khudozhestvennaya rez'ba po derevu. Sekrety masterstva [Wood carving for beginners. Artistic wood carving. Secrets of mastery]. Rostov on Don, Vladis; Moscow, RIPOI Classic, 2009, 320 p. (in Russ.)
- Kubarev V. D.** O naznachenii zoomorfnykh navershii iz kurganov Pazyryka i Ulandryka [On the appointment of zoomorphic pommels from the mounds of Pazyryk and Ulandryk]. In: Skifo-sibirskii mir. Iskustvo i ideologiya [Scytho-Siberian World. Art and ideology]. Novosibirsk, Nauka, 1987, pp. 169–173. (in Russ.)
- Kubarev V. D., Cheremisin D. V.** Obraz ptitsy v iskusstve rannikh kochevnikov Altaya [The image of a bird in the art of the early nomads of Altai]. In: Arkheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka [Archeology of Southern Siberia and the Far East]. Novosibirsk, Nauka, 1984, pp. 86–100. (in Russ.)
- Kuzmina E. E.** Skifskoe iskustvo kak otrazhenie mirovozzreniya odnoi iz grupp indo-irantsev [Scythian art as a reflection of the worldview of one of the Indo-Iranian groups]. In: Skifo-sibirskii zverinyi stil' v iskusstve narodov Evrazii [Scytho-Siberian animal style in the art of the peoples of Eurasia]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 52–65. (in Russ.)
- Lyamin I. V.** Vtoraya zhizn' dereva. Derevo v iskusstve [The second life of a tree. Wood in art]. Moscow, Forest Industry, 1970, 135 p. (in Russ.)
- Molodin V. I., Mylnikov V. P.** Verkh-Kal'dzhin-2 i problemy derevoobrabotki u nositelei pazyrykskoi kul'tury [Verkh-Kaliin-2 and the problems of woodworking among the bearers of the Pazyryk culture]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy VII Godovoi itogovoi sessii IAE SB RAS. Dekabr' 1999 g. [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: Proceedings of the VII Annual Final Session of the IAE SB RAS. December 1999]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1999, pp. 446–453. (in Russ.)
- Mylnikov V. P.** Obrabotka dereva v skifskoe vremya na Mongol'skom Altae [Processing of wood in the Scythian period in the Mongolian Altai]. In: Molodin V. I., Parzinger G., Tseveen-dorzh D. et al. Zamerzshie pogrebal'nye komplekсы pazyrykskoi kul'tury na yuzhnykh sklonakh Sailyugema (Mongol'skii Altai) [Frozen burial complexes of the Pazyryk culture on the southern slopes of Sailugem (Mongolian Altai)]. Moscow, Triumph Print, 2012, pp. 433–513. (in Russ.)
- Mylnikov V. P.** Izuchenie arkheologicheskikh derevyannykh predmetov (pogrebal'nye pamyatniki Altaya i sopredel'nykh territorii) [The study of archaeological wooden objects (funerary monuments of Altai and adjacent territories)]. Moscow, IA RAS, 2014, 160 p. (in Russ.) (Methodology of field archaeological research. Issue 8)
- Mylnikov V. P.** Rez'ba po derevu v skifskoe vremya (Severnaya Aziya) [Wood carving in the Scythian period (North Asia)]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2011, 188 p. (in Russ.)
- Polosmak N. V.** Steregushchie zoloto grify [Vultures guarding gold]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 127 p. (in Russ.)
- Rudenko S. I.** Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya [Culture of the population of Central Altai in the Scythian period]. Moscow, AS USSR Publ., 1960, 359 p. (in Russ.)
- Rudenko S. I.** Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya [Culture of the population of Gorny Altai in the Scythian period]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1953, 402 p. (in Russ.)
- Samashev Z. S., Faizov K. Sh., Bazarbayeva G. A.** Arkheologicheskie pamyatniki i paleopochvy Kazakhskogo Altaya [Archaeological sites and paleosoils of the Kazakh Altai]. Almaty, Berel Publ., 2001, 108 p. (in Russ.)
- Samashev Z. S., Mylnikov V. P.** Derevoobrabotka u drevnikh skotovodov Kazakhskogo Altaya (materialy kompleksnogo analiza derevyannykh predmetov iz kurgana 11 mogil'nika Berel) [Woodworking among ancient cattle breeders of the Kazakh Altai (materials of a comprehensive analysis of wooden objects from mound 11 of the Berel burial ground)]. Almaty, Berel Publ., 2004, 312 p. (in Russ.)

- Samashev Z., Bazarbayeva G., Zhumabekova G., Sungatai S.** Berel. Al'bom [Berel. Album]. Almaty, Berel Publ., 2000, 56 p. (in Russ.)
- Shemuratov F. A.** Vypilivanie lobzikom [Sawing with a jigsaw]. Moscow, Legprombyt Publ., 1992, 203 p. (in Russ.)
- Surazakov A. S.** K voprosu o semantike nekotorykh obrazov pazyrykskogo iskusstva [On the semantics of some images of Pazyryk art]. In: Materialy po arkheologii Gornogo Altaya [Materials on the archaeology of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk, 1986, pp. 3–34. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Павлович Мыльников, доктор исторических наук

Information about the Author

Vladimir P. Mylnikov, Doctor of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 17.01.2025;
одобрена после рецензирования 13.02.2025; принята к публикации 14.02.2025
The article was submitted on 17.01.2025;
approved after reviewing on 13.02.2025; accepted for publication on 14.02.2025*

Научная статья

УДК 930.5 (470.57), 902.21/904.59

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-78-93

Динамика ландшафтно-климатических условий Южного Предуралья в золотоордынское время по материалам поселений чияликской культуры

Равиль Гадельевич Курманов¹

Евгений Владимирович Русланов²

¹ Институт геологии

Уфимского федерального исследовательского центра

Российской академии наук

Уфа, Россия

² Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы

Уфимского федерального исследовательского центра

Российской академии наук

Уфа, Россия

¹ ravil_kurmanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2350-3845>

² butleger@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0387-3360>

Аннотация

Представлены итоги палинологического изучения отложений с двух позднесредневековых селищ чияликской культуры Ябалаклы 1 и 3, расположенных в лесостепной зоне на левобережье р. Дёма. Публикуемые результаты спорово-пыльцевого анализа для периода позднего Средневековья получены впервые. Всего изучено 32 пробы. В результате исследования выделено 26 репрезентативных спорово-пыльцевых спектров, отражающих изменение растительности непрерывной колонкой, охватывающей как поздний голоцен, так и более раннее время. Полученные данные спорово-пыльцевого состава отложений культурного слоя позволили охарактеризовать палеоландшафты и климат Южного Предуралья в XIII–XIV вв. (период функционирования этих археологических памятников).

Ключевые слова

Южное Предуралье, эпоха Золотой Орды, Средневековье, памятники чияликской культуры, палеоландшафты, палинологический анализ, спорово-пыльцевой состав

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н. э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование» и государственной бюджетной темы № FMRS-2025–0013 (лабораторные исследования)

Для цитирования

Курманов Р. Г., Русланов Е. В. Динамика ландшафтно-климатических условий Южного Предуралья в золотоордынское время по материалам поселений чияликской культуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 78–93. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-78-93

© Курманов Р. Г., Русланов Е. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 78–93

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 78–93

Dynamics of Landscape and Climatic Conditions of the Southern Cis-Urals in the Golden Horde Period Based on the Materials of Settlements of the Chiyalik Culture

Ravil G. Kurmanov¹, Evgeny V. Ruslanov²

¹ Institute of Geology of the Ufa Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation

² Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation

¹ ravil_kurmanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2350-3845>

² butleger@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0387-3360>

Abstract

Purpose. The article presents the results of a palynological study of sediments from two late medieval settlements of the Chiyalik culture, Yabalakly 1 and 3. These settlements are located in the forest-steppe region on the left bank of the Dema River.

Results. The published spore-pollen analysis for the late Middle Ages was carried out for the first time. A total of 32 samples were studied. As a result of the study, 26 representative spore-pollen spectra were obtained, reflecting the change in vegetation in a continuous column covering the entire Holocene. The obtained data on the spore-pollen composition of the cultural layer deposits made it possible to characterize the paleolandscapes and climate of the Southern Urals in the 13th – 14th centuries, when these archaeological sites were inhabited.

Conclusion. The studied palynospectra allow us to conclude that the existence of Chiyalik antiquities in the studied territory is associated with the most favorable warm and humid period, which in the Southern Cis-Urals was replaced by a more arid and cooler period. Similar trends have been observed in both the steppe and forest-steppe zones of the Volga-Ural region. However, the appearance of Golden Horde monuments coincides with a period of cooler and drier climate.

Keywords

Southern Urals, the Golden Horde era, the Middle Ages, Chiyalik culture sites, paleolandscapes, palynological analysis, spore-pollen composition

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian National Science Foundation grant no. 23-78-10057 “Dynamics of cultural development and development of the Southern Urals from antiquity to becoming part of Russia (4th century BC – 16th century): interdisciplinary archaeological research”

For citation

Kurmanov R. G., Ruslanov E. V. Dynamics of Landscape and Climatic Conditions of the Southern Cis-Urals in the Golden Horde Period Based on the Materials of Settlements of the Chiyalik Culture. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 78–93. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-78-93

Введение

Развитие междисциплинарных подходов и привлечение специалистов смежных дисциплин при анализе археологических материалов привело к широкому применению методов палинологии для получения важной информации, позволяющей с доверительной точностью реконструировать исчезнувшие палеоландшафты, в окружении которых развивались человеческие социумы на протяжении тысячелетий. Для территории Башкирии выделены репрезентативные спорово-пыльцевые колонки из состава отложений культурных слоев памятников эпохи РЖВ – раннего Средневековья, детально характеризующие этапы смены растительности и климата в суббореале и субатлантике (средний и поздний голоцен) [Савельев и др., 2018; Курманов и др., 2019; 2024; Проценко, Курманов, 2019; Обыденнова и др., 2022; Колонских и др., 2022]. Тем не менее, для позднего голоцена, охватывающего период позднего Средневековья, данных по Южному Предуралью, позволяющих выстроить целостную кар-

тину климатических изменений и сезонной динамики ландшафтов, крайне недостаточно. В этой связи актуальным видится ввод в научный оборот новых материалов, полученных в ходе раскопок селищ чияликской культуры Ябалаклы 1 и 3 (рис. 1).

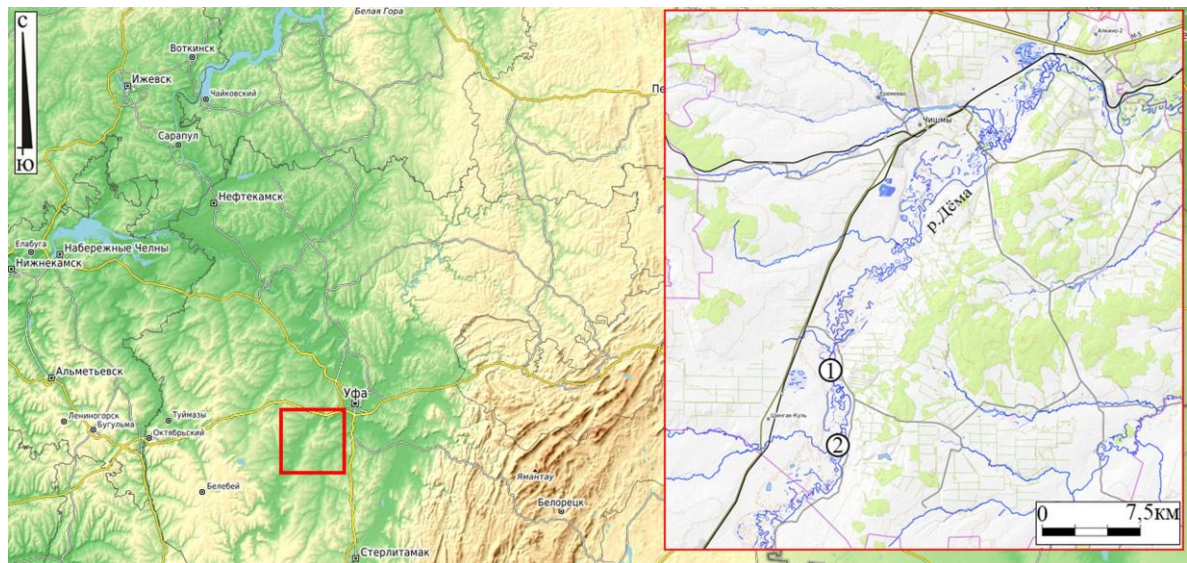

Рис. 1. Южное Предуралье, месторасположение памятников:

1 – селище Ябалаклы 1; 2 – селище Ябалаклы 2

Fig. 1. Southern Urals, location of archaeological sites:

1 – Yabalakly 1 settlement; 2 – Yabalakly-2 settlement

Чияликская археологическая культура была выделена Е. П. Казаковым. Она получила свое название по селищу у д. Чиялик в Актанышском районе Республики Татарстан, раскопки которого проводились в 1969 г. [Казаков, 1978, с. 31–33]. В дальнейшем основные компоненты культуры и памятники на территории Южного Предуралья были рассмотрены Г. Н. Гарустовичем [2015]. По современному административно-территориальному делению памятники культуры находятся на территории Республики Башкортостан, восточной части Республики Татарстан, юго-восточной части Удмуртии, юга Пермского края (Кунгурская лесостепь), а также на севере Челябинской, юге Свердловской и западной части Курганской областей. В Южном Предуралье селища и могильники выявлены в восточных районах Татарстана и западных районах Башкирии по берегам крупных рек Камско-Бельского бассейна.

Золотоордынский этап в развитии культуры в целом датируется XIII–XIV вв. Имеющиеся абсолютные даты синхронных памятников, полученные по костям человека из погребений Горновского и Нижнехозятовского могильников, расположенных в 8–17 км к северо-северо-востоку, позволяют уточнить время функционирования чияликской культуры между 1178 и 1406 гг. [Szeifert et al., 2022, p. 42–43, tabl. 1].

Материалы и методы

До последнего времени целенаправленных разведок по поискам памятников чияликской культуры археологами не предпринималось. Вероятно, это объясняется редкостью поселений, перекрытием аллювиальными осадками маломощных культурных слоев селищ, а также их повсеместным разрушением береговой эрозией и т. д. Ситуация стала постепенно меняться только в последние годы, когда экспедиции ИИЯЛ УФИЦ РАН начали активно обследовать территории в горнолесной зоне Южного Урала в Башкирском Зауралье и Южном Предуралье [Савельев, 2024].

Золотоордынской комплексной археологической экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН под руководством одного из авторов проводятся систематические исследования долины р. Дёма, целенаправленные разведки привели к открытию восьми новых чияликских памятников (селища Ябалаклы 1, 2 и 3, Новые Ябалаклы 1 и 2, Нижнехозятово 3 4, и 5) [Русланов, 2019; 2021; 2022; Русланов и др., 2020; Вальков и др., 2020].

Палинологически отложения соответствующего периода в Южном Предуралье ранее изучались лишь на территории селища Подымалово 1, но эти материалы пока не опубликованы. Таким образом, представленные в статье палеорекострукции впервые характеризуют ландшафты и климат лесостепной зоны Южного Предуралья в золотоордынское время. С помощью спорово-пыльцевого метода были изучены голоценовые отложения селищ Ябалаклы 1 и 3, расположенных в среднем течении р. Дёма, которое в географическом отношении представляет собой хорошо выровненную долину. Русло реки в этой части довольно сильно извивается по равнине и оставляет после себя множество отчлененных меандр, старых русел и проток. Берега реки относительно невысокие, их высота редко превышает 3–4 м, но обрывистые берега идут как по левой, так и по правой стороне речного русла. Всего на палинологический анализ в 2023 г. было отобрано 32 образца: 23 пробы с селища Ябалаклы 1 и 9 – с селища Ябалаклы 3. Отбор проб осуществлялся снизу вверх. При исследовании рыхлых пород использовался метод мацерации [Гричук, Заклинская, 1948].

Ябалаклы 1, селище. Памятник выявлен Е. В. Руслановым в 2021 г. Он находится в 1,17 км к северу от северной окраины с. Ябалаклы Чишминского района Республики Башкортостан на левом обрывистом берегу р. Дёма. Памятник расположен на подтреугольном мысу, образованном современным руслом реки и старичным озером Дога-куле, площадка памятника ровная, высотой 2–3 м над урезом воды, покрыта луговой растительностью. К северу площадка селища резко понижается на 1,5–2 м, это связано с тем, что в ходе меандрирования, русло Дёмы поменяло свое положение, сместившись к востоку и оставив после себя старичное озеро Дога-куле. В ходе раскопок 2023–2024 гг. комплексной Золотоордынской археологической экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН изучено 150 кв. м восточной части селища, также исследована северная часть памятника, выходящая на мыс старичного озера, вскрыто три хозяйственные ямы, остатки постройки, изучено детское погребение, получена представительная коллекция, состоящая из гончарной, лепной и кашинной посуды, металлических изделий, остеологического материала. Полученный археологический материал (фрагменты корчаг, кашинная посуда, стремя, части чугунных котлов, бусы) позволил датировать памятник в пределах XIV в., точнее, судя по кашинной посуде, концом первой – второй половиной XIV в., и отнести его к чияликской археологической культуре [Русланов, 2022; 2023; Русланов и др., 2024].

Западная стенка. Описание стратиграфии кв. Б8 и места отбора проб на палинологический анализ (рис. 2).

Слой 1. Дерн – (мощность 5–7 см) – СП 23.

Слой 2. Гумусированная супесь коричневого цвета с редкими включениями маленьких фрагментов обожженной глины (мощность 10–15 см) – СП 20–22.

Слой 3. Мелкодисперсная гумусированная супесь серого цвета с включением кусков обожженной глины, культурный слой (мощность 10–20 см) – СП 16–19.

Слой 4. Плотная крупнодисперсная гумусированная почва, черного цвета по нижнему краю, на переходе к следующему слою светлеет. От середины до нижнего края слоя фиксируется белесая прослойка с волнообразными всполохами вертикальной направленности (высолы) (мощность 25 см) – СП 11–15.

Слой 5. Плотная мелкокомковатая почва темно-серого, серого цвета (мощность 20 см) – СП 7–10.

Слой 6. Переходный слой между плотной почвой и материком (мощность 10 см) – СП 5 и 6.

Слой 7. Материк – мелкодисперсная супесь, светло-коричневого цвета – СП 1–4.

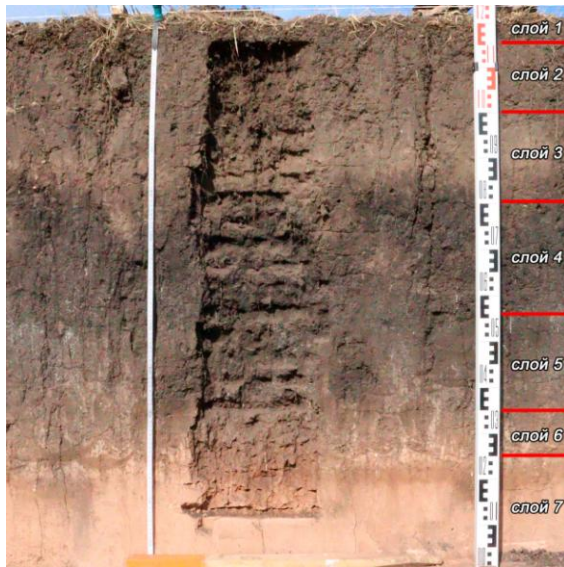

Рис. 2. Западная стенка квадрата Б8, Ябалаклы 1 селище. Места отбора проб на спорово-пыльцевой анализ

Fig. 2. Western wall of square B8, Yabalakly 1 settlement. Sampling sites for pollen analysis

Результаты спорово-пыльцевого анализа отложений селища Ябалаклы 1. В итоге было получено 17 репрезентативных спорово-пыльцевых спектров, в четырех образцах выявлено малое количество палиноморф (СП 3, 4, 17 и 23), в двух оставшихся пробах (СП 1 и 2) споры и пыльца не обнаружены. Палиноспектры (СП 5–15, слои 4–6) могут быть скоррелированы со средним голоценом. В этот период были широко распространены открытые пространства, занятые злаково-полынно-разнотравными ассоциациями. На водоразделах встречались широколиственные вязово-липово-лещиновые леса и мелколиственные березовые и ивовые леса с ольхой. Светлохвойные сосновые леса, вероятно, были распространены на сопредельных территориях в горной части Южного Урала.

Спорово-пыльцевые спектры (СП 16–22, слои 2 и 3) характеризуют период бытования чияликской культуры. Золотоордынский этап описывает небольшая их часть – СП 20–22

(слой 2). По палиноспектрам (СП 16–19) можно реконструировать все ключевые этапы смены травянистых растительных сообществ на нарушенных местообитаниях. На начальном этапе (СП 16) идет резкое увеличение доли однолетних рудеральных растений (маревые), которые в дальнейшем (СП 18) заменяются двулетними и многолетними рудеральными (бодяк, чертополох, лопух) и пасквальными (вьюнок полевой) видами, после чего (СП 19) происходит восстановление прежней лугово-степной растительности с примесью пасквальных элементов (горец птичий). Вероятно, резкое возрастание роли мезофитных луговых видов, а также увеличение площадей заболоченных участков, занятых сфагнумом, и появление водных растений (рогоз) (СП 18–19) являются следствием антропогенного воздействия на территорию, связанного с сооружением запруды. В окрестностях изучаемого памятника шло постепенное увеличение площадей сосновых лесов с примесью пихты. По-прежнему встречались березовые и ивовые леса с ольхой. В составе широколиственных лесов с вязом и лещиной появилась примесь липы. Климат стал умеренно влажным и умеренно теплым.

Спорово-пыльцевые спектры (СП 20–21) свидетельствуют о широком распространении открытых пространств, занятых злаково-разнотравными ассоциациями с полынями и эфедрой. Антропогенное влияние вновь усиливается – интенсивное нарушение (маревые, п/сем. цикориевые, конопля и крапива) и вытаптывание (горец птичий и вьюнок полевой). Площади сосновых лесов с примесью темнохвойных элементов (пихта и ель) продолжают увеличиваться. Встречаются березовые леса с ольхой и ивой, а также широколиственные леса с липой, вязом и лещиной. Отмечены заболоченные участки со сфагнумом и зелеными мхами. Климат был умеренно влажным и стал немного более прохладным, чем в предыдущий промежуток времени.

Палиноспектр (СП 22) указывает на распространение открытых ландшафтов со злаками, полынями и луговым разнотравьем. Уровень антропогенной нагрузки не меняется, состав синантропной флоры остается прежним. Растут сосновые, вязовые и березовые леса. Исчезают пойменные леса с ивой и ольхой, однако еще встречаются влажные и заболоченные участки с ежеголовником, зелеными мхами и сфагнумом. Река вновь меняет свое русло. Климат становится более прохладным и более аридным.

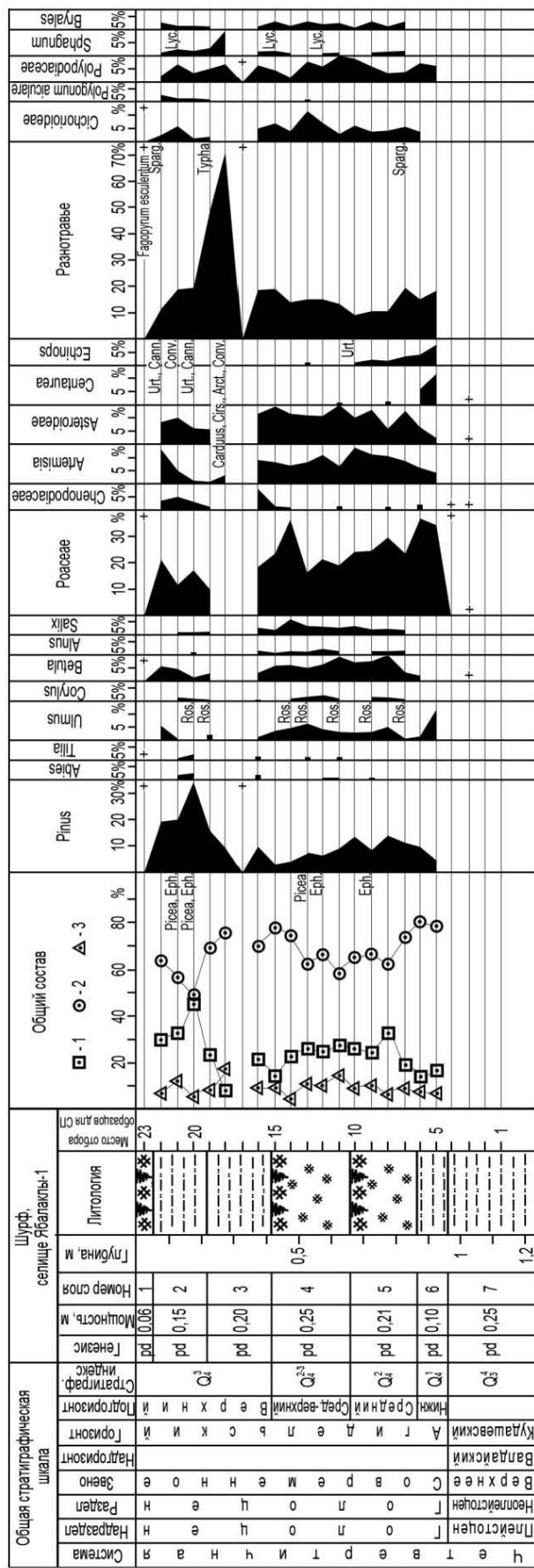

Рис. 3. Разрез голоценовых отложений западной стенки раскопа 2023 г. Ябалакы 1 селище и спорово-пыльцевая диаграмма

Fig. 3. Section of Holocene deposits of the western wall of the excavation site 2023 Yabalakly 1 settlement and spore-pollen diagram

Современный спорово-пыльцевой спектр, полученный из поверхностной пробы (СП 23), вероятно, характеризует распространение лесостепных ландшафтов. Леса образуют береза, сосна и липа. Открытые пространства занимают злаки, виды разнотравья и синантропной флоры, сельскохозяйственные культуры (гречиха посевная). Климат – умеренно теплый и умеренно влажный (рис. 3).

Ябалаклы 3, селище. Памятник открыт А. А. Хурмаевым в 2023 г. Площадка памятника занимает участок высокой поймы р. Большой Удряк, на левом ее берегу. С юга и востока площадка памятника ограничена поймой и руслом реки, а с севера – сухим логом бывшей старицы (1,5 м глубиной). С запада площадка памятника ограничена естественным понижением. Находится в 2,6 км к юго-востоку от д. Ябалаклы, в 2,1 км к юго-востоку от д. Новые Ябалаклы, в 2 км к северо-западу от д. Чуक्रаклы. На площадке зафиксировано 6 западин. Западина № 1 имеет подпрямоугольную форму и размеры $5 \times 8 \times 0,2$ м. Западина № 2 овальной формы, размерами $6 \times 0,5 \times 0,2$ м. Западины № 3–5 округлой формы, размерами $4 \times 0,1$ м. Западина № 6 овальной формы, размерами $5 \times 0,5 \times 0,2$ м.

Всего в ходе шурфовки было получено 25 предметов, из которых 9 фрагментов железных котлов (3 венчика и 7 стенки), металлические изделия (навесной замок, светец одношипный, топор, накладка, пряжка, скоба, медная заклепка, лезвия скобеля, палаша, ножа, топора и пр.), 2 фрагмента лепной керамики и кости животных. Фрагменты лепных сосудов однородны, имеют темно-коричневый цвет и примесь песка в темно-сером тесте. Толщина их варьируется от 0,7 до 1 см. Толщина фрагментов железных котлов составляет от 0,5 до 1 см. Некоторые из них имеют шов и заклепки ремонтного характера. По двум крупным фрагментам железных котлов была произведена реконструкция. Диаметр получившихся котлов составил 40 и 45 см. Вещевой комплекс, представленный на памятнике, может быть отнесен к чияликской культуре периода позднего Средневековья.

Описание стратиграфии шурфа № 2 и места отбора образцов на спорово-пыльцевой анализ (рис. 4):

- 1) дёрн (мощность 5 см) – СП 9;
- 2) темно-серая комковатая гумусированная супесь (мощность 30 см) – СП 4–8;
- 3) материк – светло-коричневый мелкий песок (глубже 35 см) – СП 1–3.

Заглубление в материк составило 25 см, в связи с чем дополнительный контрольный прокоп материка не производился.

Результаты спорово-пыльцевого анализа отложений селища Ябалаклы 3. Во всех 9 исследованных образцах было выделено репрезентативное количество палиноморф. В период, когда отлагались осадки из нижней части шурфа (СП 1 и 2, слой 3), сначала существовали лесостепи, а позже были распространены открытые пространства, занятые злаками, полынями, маревыми и разнотравьем. Площади сосновых лесов сокращались, увеличивалась роль березы и широколиственных пород. В средней части разреза, в слое 2 (СП 3–8), обнаружены находки чияликской культуры (рис. 5). Спорово-пыльцевые спектры (СП 3–4) свидетельствуют о распространении лесостепных ландшафтов. Лесные массивы формировались липой и березой. На открытых пространствах росли злаково-разнотравные растительные ассоциации с полынями, эфедрой и рудеральными растениями (маревые, п/сем. цикориевые). На заболоченных участках встречались зеленые мхи и сфагнум. Климатическая обстановка в это время была теплой и влажной.

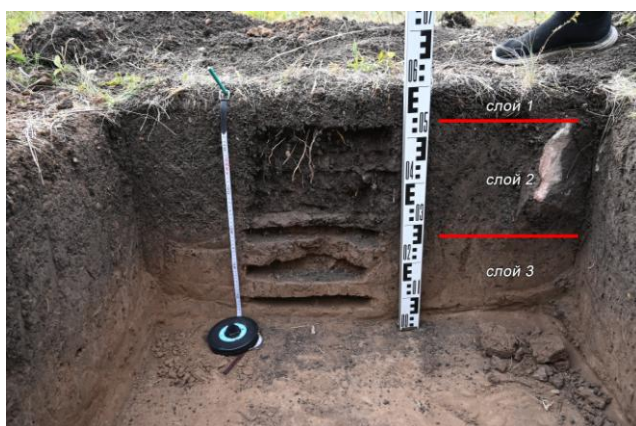

Рис. 4. Шурф № 2, Ябалаклы 3 селище. Места отбора проб на спорово-пыльцевой анализ

Fig. 4. Archaeological pit № 2, Yabalakly 3 settlement. Sampling locations for spore-pollen analysis

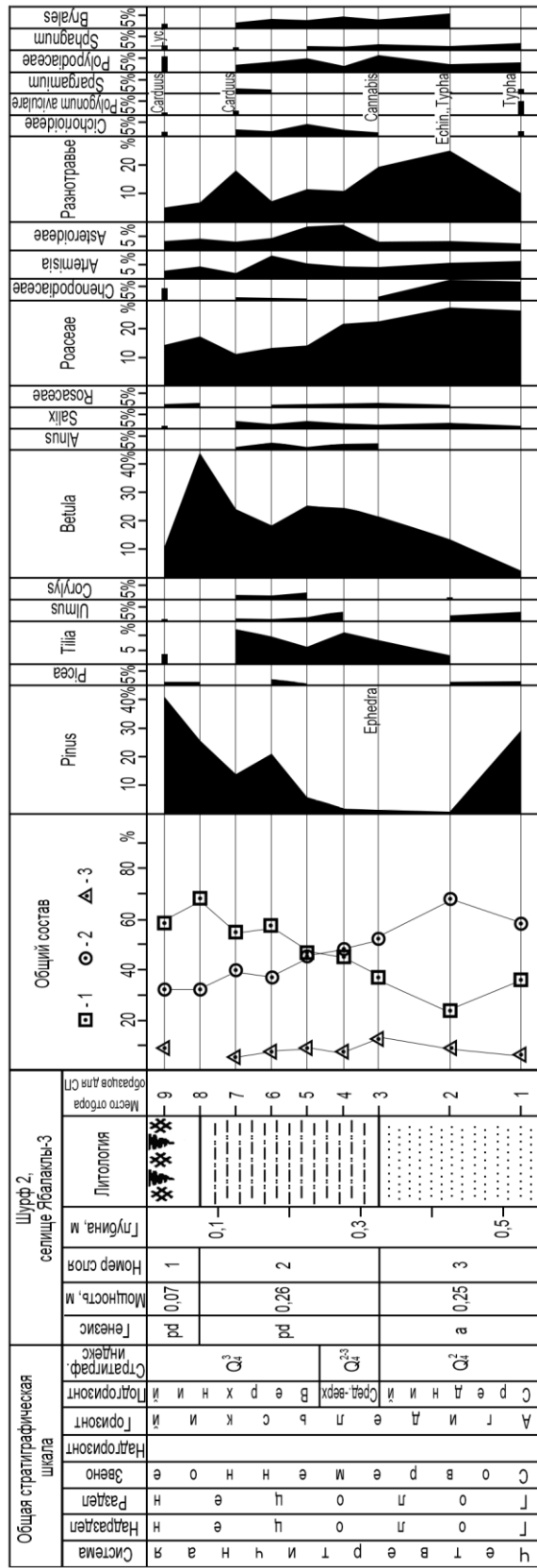

Рис. 5. Разрез голоценовых отложений шурфа 2 Ябалакы 3 селище и спорово-пыльцевая диаграмма

Fig. 5. Section of Holocene deposits of pit 2 Yabalakly 3 settlement and spore-pollen diagram

Позже (СП 5) на изучаемой территории также существовали лесостепи. В это время начинают увеличиваться площади сосновых лесов, а на открытых пространствах снижается роль злаков и возрастает вклад разнотравья. Климат становится более прохладным.

В верхней части шурфа (СП 6–8, слой 2) найдены артефакты золотоордынской эпохи. Спорово-пыльцевые спектры (СП 6 и 7) также характеризуют лесостепные ландшафты. В это время шло увеличение площадей сосновых и липовых лесов. Широкое распространение имели березняки и пойменные леса с ивой и ольхой. Открытые пространства были заняты злаками, полынями и видами лугового и степного разнотравья. Отмечены влажные и заболоченные участки (ежеголовник, зеленые мхи, сфагнум). Выявлено наличие антропогенной нагрузки: на нарушенных местах росли разнообразные рудеральные (маревые, п/сем. цикориевые, чертополох) и пасквальные (горец птичий) растения. Климат оставался умеренно влажным и стал еще немного прохладнее, чем в предыдущий период.

В дальнейшем (СП 8) продолжается увеличение площадей лесных массивов – березовых и сосновых лесов. При этом полностью исчезают широколиственные элементы. На открытых ландшафтах растут злаки, полыни и небогатое разнотравье. Климат становится прохладным и аридным.

Современный палиноспектр (СП 9) отражает распространение лесостепных ландшафтов. На исследуемом участке росли березовые и широколиственные леса с липой и вязом, а также пойменные леса с ивой. Площади сосновых лесов с примесью ели продолжали увеличиваться. На синантропизированных открытых территориях были распространены злаково-разнотравные ассоциации с полынями и различными рудеральными (маревые, п/сем. цикориевые, чертополох) и пасквальными (горец птичий) растениями. Имелись заболоченные участки со сфагнумом и зелеными мхами.

Нами было проведено сравнение полученных для Южного Предуралья палеореконструкций с данными о динамике ландшафтов и климата в золотоордынское время в регионах Поволжья: Республика Татарстан (Болгарское городище) [Алешинская, Спиридонова, 2010], Саратовская область (Хмелевское I и Багаевское селища) [Недашковский, 2011; Алешинская и др., 2018; Недашковский и др., 2023] и Северного Кавказа: Ставропольский край (Маджарское городище) [Бабенко и др., 2018] (табл. 1, 2).

В золотоордынский период в Южном Предуралье отмечена определенная мозаичность ландшафтов – сначала была широко распространена луговая и лесостепная растительность, позже стали преобладать степи и лесостепи. В пределах Среднего Поволжья (Болгарское городище) в это же время доминировали открытые пространства, занятые степной и луговой растительностью. В Нижнем Поволжье (Хмелевское I и Багаевское селища) и в Предкавказье (Маджарское городище) были распространены сухие маревые степи. Существовала определенная зональность ландшафтов, при этом граница степной зоны, вероятно, находилась немного севернее, чем в современности. В этот период шла смена теплой и влажной климатической обстановки, соответствующей средневековому оптимуму (X–XIII вв.), на более прохладный и аридный климат малого ледникового периода (XIV–XIX вв.).

Выводы

Таким образом, для Южного Предуралья впервые была приведена характеристика ландшафтных и климатических условий на позднесредневековых археологических объектах в золотоордынское время.

Незадолго до появления позднесредневекового населения на берегах р. Дёма на месте будущих селищ были распространены степи и луговые степи (СП 14–15, Ябалаклы I селище; СП 2, Ябалаклы 3 селище). Климат был умеренно теплым и умеренно влажным, отмечено начало аридизации.

Таблица 1

Ландшафтно-климатическая характеристика археологических памятников золотоордынского периода
в лесостепной зоне

Table 1

Landscape and climatic characteristics of archaeological sites of the Golden Horde period
in the forest-steppe zone

Местонахождение	Климат		
	умеренно теплый и умеренно влажный	умеренно теплый и влажный	прохладный и аридный
Ябалаклы I селище Раскоп 2023 г. СП 14–22	СП 14–15* – степи и луга. Преобладает пыльца злаков (28–37 %) и лугового разнотравья (14–18 %). Небольшие лесные массивы образованы преимущественно мелколиственными породами (береза и ива)	СП 16–19* – мезофильные луга. Доля пыльцы лугового разнотравья достигает 70 %, среди пыльцы деревьев отмечено увеличение доли пыльцевых зерен сосны (8–16 %), широколиственные породы представлены липой, вязом, лещиной	СП 20–21 – степи и лесостепи. Среди трав преобладают злаки, среди деревьев – сосна (20–34 %), среди широколиственных отмечены липа, вяз, лещина. Позже СП 22 – степи. Злаки, полины, среди древесно-кустарниковой пыльцы доминирует сосна (18 %), широколиственные породы представлены вязом
Ябалаклы 3 селище Шурф № 2 СП 2–8	СП 2* – степи и луга. Доля пыльцы злаков составляет 27 %, разнотравья – 25 %. Лесные массивы образованы березой, отмечена значительная примесь широколиственных пород (липа, вяз, лещина)	СП 3–5* – лесостепи. Березовые леса, широколиственные породы представлены липой, вязом, лещиной, растет вклад сосны (6 %), на открытых пространствах – мезофильные луга и степи	СП 6–7 – лесостепи. Березовые и сосновые леса, незначительно увеличивается доля липовых насаждений (10–12 %), мезофильные луга и степи со злаками и полынями. Позже СП 8 – березовые и сосновые леса, широколиственные деревья отсутствуют
Болгарское городище Раскоп CLXXIX Колонки 1 и 2 Палинозоны (ПЗ) 4–9	ПЗ 4 – степи. Преобладает пыльца маревых, весомый вклад вносят разнотравье, злаки / сосна с участием березы и широколиственных пород	ПЗ 5 – степи и луга. Злаки, разнотравье, маревые / сосна с участием березы и широколиственных пород. Позже ПЗ 6 – степи и луга. Отмечено увеличение доли березы. Позже ПЗ 7 – степи и луга. Отмечено увеличение доли широколиственных пород (липа и дуб)	ПЗ 8 – степи и луга. Разнотравье, злаки с участием маревых и полыней / сосна с участием березы. Позже ПЗ 9 – преобладание открытых синантропизированных пространств. Разнотравье, маревые, злаки с участием полыней / береза, сосна, широколиственные породы

Примечание: в табл. 1 и 2 знаком «звездочка» отмечен домонгольский период.

Таблица 2

Ландшафтно-климатическая характеристика археологических памятников золотоордынского периода в степной зоне

Table 2

Landscape and climatic characteristics of archaeological sites of the Golden Horde period in the steppe zone

Местонахождение	Климат		
	умеренно теплый и аридный	умеренно теплый и умеренно засушливый	прохладный и аридный
Багаевское селище Раскоп I Спорово-пыльцевые комплексы (ПК) III–IV	В ПК III–IV преобладает пыльца трав и кустарничков (65–75 %), доля древесно-кустарниковой пыльцы не превышает 33 %. Преобладали открытые пространства – степи		
	ПК II* – злаки, полыни, разнотравье с участием маревых; ольха, береза с участием сосны и широколиственных пород	ПК III–IV – полыни, маревые, злаки с участием разнотравья; ольха, береза с участием сосны и широколиственных пород	ПК VI – маревые с участием злаков, разнотравья и полыней; преобладает сосна, встречается ольха с участием березы и широколиственных пород
Хмелевское I селище Раскоп III ПК I–III	ПК I* – степи с высокой долей маревых, пыльца древесных пород представлена сосной и широколиственными	ПК II – степи с маревыми, при этом возрастает роль лугового разнотравья, уровень облесенности территории невысокий, среди деревьев распространены ольхи	ПК III – степи с маревыми и злаками, лесные ландшафты практически отсутствовали
Маджарское городище Колонка 2 ПЗ А: подзоны A1 и A2	ПЗ В* – степи с маревыми	ПЗ A2 – степи, возрастает роль злаков	ПЗ A1 – степи с маревыми

С появлением населения чияликской культуры в золотоордынский период (СП 16–19, Ябалаклы 1 селище; СП 3–5, Ябалаклы 3 селище) степные ландшафты сменились на луга и лесостепи. В лесах стали преобладать береза и липа. На открытых пространствах доминировала мезофильная луговая растительность. Климатическая обстановка сменилась на более теплую и влажную с тенденцией к похолоданию в самом конце.

Позднее, в позднезолотоордынское (конец XIV – начало XV в.) и, вероятно, в постордынское время (СП 20–22, Ябалаклы 1 селище; СП 6–8, Ябалаклы 3 селище), зафиксировано распространение лесных и лесостепных ландшафтов, а позже – степей. В составе травостоя начинают преобладать злаки, растет вклад полыни. Доминирующей породой среди деревьев становится сосна, исчезают широколиственные породы. Климатические условия в это время становятся более прохладными и аридными.

Исследованные палиноспектры дают возможность говорить о том, что существование чияликской культуры на исследуемой территории связано с наиболее благоприятным теплым и гумидным периодом, который затем в пределах Южного Предуралья сменяется на более аридный и прохладный. Схожие тенденции были обнаружены как в степной, так и в лесостепной зоне Волго-Уральского региона.

Полученные выводы подтверждают археологические и палеозоологические данные, реконструирующие у носителей чияликской культуры минимум два цикла освоения хозяйственных угодий пастбищного ареала в границах Камско-Бельского междуречья. Весенне-осенний цикл связан с перекочевками вдоль рек Белая, Дёма, Ик, Уршак и др. Эти миграции со стадами были необходимы для сохранения кормовой базы для скота в холодное время года вблизи постоянных поселений. С наступлением поздней осени население возвращалось на территорию постоянных поселений, расположенных на небольших притоках второго и третьего порядка, где проживало преимущественно в холодное время года.

Список литературы

- Алешинская А. С., Спиридонова Е. А. Заключение по результатам спорово-пыльцевого анализа на золотоордынских поселениях Саратовской области // Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит., 2010. С. 318–322.
- Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Спиридонова Е. А. Природная среда окрестностей Болгарского городища (по материалам палинологических исследований культурного слоя раскопа CLXXIX) // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 74–80.
- Бабенко А. Н., Алешинская А. С., Кочанова М. Д. Особенности применения спорово-пыльцевого анализа при изучении археологических объектов разного типа на примере золотоордынских городов // Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 10–13.
- Вальков Д. В., Русланов Е. В., Сёмин Д. В., Фахретдинов А. И. Стоянка и грунтовый могильник Калиновка-4 – многослойный памятник в лесостепном Приуралье // Уфимский археологический вестник. 2020. № 20. С. 120–133.
- Гарустович Г. Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. № 15. С. 181–198.
- Гричук В. П., Заклинская Е. Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1948. 224 с.
- Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 131 с.
- Колонских А. Г., Русланова Р. Р., Курманов Р. Г. Реконструкция ландшафтов и палеоклиматических обстановок на раннесредневековых некрополях Южного Предуралья: Буста-наевском курганном и Бирском грунтовом могильниках (по палинологическим данным) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 40. С. 26–36. DOI 10.26516/2227-2380.2022.40.26

- Курманов Р. Г., Овсянников В. В., Савельев Н. С., Галеев Р. И.** Реконструкция растительности и климата Южного Предуралья в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) // Геологический вестник. 2019. № 1. С. 35–44. DOI 10.31084/2619-0087/2019-1-2
- Курманов Р. Г., Проценко А. С., Русланова Р. Р., Овсянников В. В., Данукалова Г. А., Лаптева Е. Г., Воробьева С. Л.** Динамика растительности и климата в позднем голоцене на территории города Уфа // Геология, полезные ископаемые и проблемы геоэкологии Башкортостана, Урала и сопредельных территорий. 2024. № 15. С. 129–133.
- Недашковский Л. Ф.** Исследование Хмелевского I селища // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 2011. Т. 153, кн. 3. С. 47–48.
- Недашковский Л. Ф., Кочанова М. Д., Алешинская А. С., Спиридонова Е. А.** Археоботанические материалы с золотоордынских селищ Саратовского Поволжья // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 4. С. 94–106. DOI 10.15688/jvolsu4.2023.4.7
- Обыденнова Г. Т., Проценко А. С., Курманов Р. Г.** Археолого-палинологические исследования культурного слоя Охлебининского I городища // Вестник Брян. гос. ун-та. 2022. № 2 (52) С. 113–124.
- Проценко А. С., Курманов Р. Г.** Археолого-палинологические исследования культурного слоя городища Кара-Абыз // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019. Т. 33, № 4 (96). С. 62–71.
- Русланов Е. В.** Разведка в Чишминском районе Башкирии // Археологические открытия. 2019. Т. 2017. С. 362–364.
- Русланов Е. В.** Стратиграфия и культурная идентификация городища Чукраклы и селища Кармасан в лесостепном Предуралье // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 1 (21). С. 101–109. DOI 10.25730/VSU.2070.21.012
- Русланов Е. В.** Горновский археологический комплекс золотоордынского времени в Предуралье: к 60-летию научного изучения // Археология евразийских степей. 2022. № 6. С. 253–267. DOI 10.24852/2587-6112.2022.6.253.267
- Русланов Е. В.** Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 118–130. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-118-130
- Русланов Е. В., Русланова Р. Р., Ляскович В. И.** Исследования памятников эпохи бронзы и средневековья в центральной Башкирии // Археологические открытия. 2020. Т. 2018. С. 393–395.
- Русланов Е. В., Ахметова Е. А., Кисагулов А. В.** Использование фаланг лошади населением чияликской культуры по материалам селища Ябалаклы-1 (Южный Урал) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 129–142. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-129-142
- Савельев Н. С.** Гамаюнские памятники горных степей Южного Зауралья (стоянки Теляшево-4 и Елимбетово-7) // Изв. УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1, № 3. С. 311–322. DOI 10.31833/sifk/2024.1.3.035
- Савельев Н. С., Курманов Р. Г., Сулейманов Р. Р.** Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева: Материалы Всерос. науч. конф. с международным участием. 2018. С. 242–244.
- Szeifert B., Türk A., Gerber D., Csáky V., Langó P., Sztashenkov D. A., Botalov S. G., Sztigiykov A. G., Zelenkov A. Sz., Mende B. G., Szécsényi-Nagy A.** A korai magyar történelem régészeti és archeogenetikai kutatásának legfrissebb eredményei Nyugat-Szibériától a Középső-Volga vidékéig // Archaeologiai Értesítő. 2022. Vol. 147, iss. 1. P. 33–74. DOI 10.1556/0208.2022.00031

References

- Aleshinskaya A. S., Kochanova M. D., Spiridonova E. A.** Natural environment of the vicinity of the Bolgar settlement (based on palynological studies of the cultural layer of excavation CLXXIX). *Archeology of the Eurasian steppes*, 2018, no. 5, pp. 74–80. (in Russ.)
- Aleshinskaya A. S., Spiridonova E. A.** Zaklyuchenie po rezul'tatam sporovo-pyl'tsevogo analiza na zolotoordynskikh poseleniyakh Saratovskoi oblasti [Conclusion on the results of spore-pollen analysis at the Golden Horde settlements of the Saratov region]. In: *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzhya i ikh okruga* [Golden Horde cities of the Lower Volga region and their districts]. Moscow, Eastern Literature, 2010, pp. 318–322. (in Russ.)
- Babenko A. N., Aleshinskaya A. S., Kochanova M. D.** Features of the application of spore-pollen analysis in the study of archaeological sites of different types on the example of Golden Horde cities. *Archeology of the Eurasian steppes*, 2018, no. 4, pp. 10–13. (in Russ.)
- Garustovich G. N.** Chiyalik archaeological culture of the Middle Ages in the Southern Urals. *Ufa Archaeological Herald*, 2015, no. 15, pp. 181–198. (in Russ.)
- Grichuk V. P., Zaklinskaya E. D.** Analiz iskopaemykh pyl'tsy i spor i ego primeneniye v paleogeografii [Analysis of excavated rock and its application in paleogeography]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 1948, 224 p. (in Russ.)
- Kazakov E. P.** Pamyatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii [Monuments of the Bulgarian time in the eastern regions of Tatarstan]. Moscow, Nauka, 1978, 132 p. (in Russ.)
- Kolonskikh A. G., Ruslanova R. R., Kurmanov R. G.** Reconstruction of Landscapes and Paleoclimatic Conditions at the Early Middle Ages Cemeteries of the Southern Cis-Urals: Bustanai Burial Mounds and Birk Burial Ground (Based on Palynological Data). *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, 2022, vol. 40, pp. 26–36. (in Russ.) DOI 10.26516/2227-2380.2022.40.26
- Kurmanov R. G., Ovsyannikov V. V., Saveliev N. S., Galeev R. I.** Reconstruction of vegetation and climate of the Southern Fore-Urals in the Subboreal and subatlantic (based on materials from Kara-Abyz culture sites). *Geological Bulletin*, 2019, no. 1, pp. 35–44. (in Russ.) DOI 10.31084/2619-0087/2019-1-2
- Kurmanov R. G., Protsenko A. S., Ruslanova R. R., Ovsyannikov V. V., Danukalova G. A., Lapteva E. G., Vorobyeva S. L.** Dynamics of vegetation and climate in the late Holocene in the territory of the city of Ufa. *Geology, useful minerals and problems of geoecology of Bashkortostan, the Urals and adjacent territories*, 2024, no. 15, pp. 129–133. (in Russ.)
- Nedashkovsky L. F.** Research of Khmelevsky I settlement. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta*, 2011, vol. 153, book 3, pp. 47–48. (in Russ.)
- Nedashkovsky L. F., Kochanova M. D., Aleshinskaya A. S., Spiridonova E. A.** Archaeobotanical Materials from the Golden Horde Settlements of the Saratov Volga Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2023, vol. 28, no. 4, pp. 94–106. (in Russ.) DOI 10.15688/jvolsu4.2023.4.7
- Obydenova G. T., Protsenko A. S., Kurmanov R. G.** Archaeological and palynological studies of the cultural layer of the Okhlebininsky I settlement. *Bulletin of the Bryansk State University*, 2022, no. 2 (52), pp. 113–124. (in Russ.)
- Protsenko A. S., Kurmanov R. G.** Archaeological and palynological studies of the cultural layer of the Kara-Abyz settlement. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*, 2019, vol. 33, no. 4 (96), pp. 62–71. (in Russ.)
- Ruslanov E. V.** Exploration in the Chishminsky district of Bashkiria. *Arkheologicheskie otkrytiya*, 2019, vol. 2017, pp. 362–364. (in Russ.)

- Ruslanov E. V.** Gornovsky archaeological complex of the Golden Horde period in the Urals: to the 60th anniversary of scientific study. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian steppes], 2022, no. 6, pp. 253–267. (in Russ.) DOI 10.24852/2587-6112.2022.6.253.267
- Ruslanov E. V.** Stratigraphy and cultural identification of the Chukrakly settlement and Karmasan settlement in the forest-steppe Urals. *Bulletin of Humanitarian Education*, 2021, no. 1 (21), pp. 101–109. (in Russ.) DOI 10.25730/VSU.2070.21.012
- Ruslanov E. V.** Yabalakly-1: new materials on the Chiyalik culture of the Southern Urals. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 118–130. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-118-130
- Ruslanov E. V., Akhmetova E. A., Kisagulov A. V.** The Use of the Horse Phalanx by the Chiyalik Culture Population Based on the Materials of the Settlement of Yabalakly-1 (South Urals). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 129–142. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-129-142
- Ruslanov E. V., Ruslanova R. R., Lyasovich V. I.** Research of monuments of the Bronze Age and the Middle Ages in central Bashkiria. *Arkheologicheskie otkrytiya*, 2020, vol. 2018, pp. 393–395. (in Russ.)
- Savelev N. S.** “Sites of the Gamayun culture of the mountain steppes of the Southern TransUrals (sites Telyashevo-4 and Elimbetovo-7)”. *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology*, 2024, vol. 1, no. 3, pp. 311–322. (in Russ.) DOI 10.31833/sifk/2024.1.3.035
- Savelev S. N., Kurmanov R. G., Sulejmanov R. R.** Pervye rezul'taty kompleksnykh issledovaniy Shipovskogo gorodishcha v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya [First results of a complex research of the Shipovo settlement located in the forest-steppe region of the Southern Cis-Urals]. In: XXI Uralskoe arkheologicheskoe soveshchanie, posvyashchennoe 85-letiyu so dnya rozhdeniya G. I. Matvevoi i 70-letiyu so dnya rozhdeniya I. B. Vasileva [XXI Ural archaeological meeting, devoted to the 85th anniversary of G. I. Matveeva and the 70th anniversary of I. B. Vasilev]. Materials of the international conference with foreign participants. Samara, 2018, pp. 242–244. (in Russ.)
- Szeifert B., Türk A., Gerber D., Csáky V., Langó P., Sztashenkov D. A., Botalov S. G., Szitgyikov A. G., Zelenkov A. Sz., Mende B. G., Szécsényi-Nagy A.** A korai magyar történelem régészeti és archeogenetikai kutatásának legfrissebb eredményei Nyugat-Szibériától a Középső-Volga vidékéig. *Archaeologiai Értesítő*, 2022, vol. 147, iss. 1, pp. 33–74. DOI 10.1556/0208.2022.00031
- Valkov D. V., Ruslanov E. V., Semin D. V., Fakhretudinov A. I.** The parking lot and the ground burial ground Kalinovka-4 – a multilayered monument in the forest-steppe Urals. *Ufa Archaeological Herald*, 2020, no. 20, pp. 120–133. (in Russ.) DOI: 10.31833/uav/2020.20.009.

Информация об авторах

Равиль Гадельевич Курманов, кандидат биологических наук

Scopus Author ID 56845525000
WoS Researcher ID A-7576-2014
RSCI Author ID 610672
SPIN 7655-8973

Евгений Владимирович Русланов, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57211030333
WoS Researcher ID HGT-7013-2022
RSCI Author ID 788431
SPIN 2633-0719

Information about the Authors

Ravil G. Kurmanov, Candidate of Sciences (Biology)

Scopus Author ID 56845525000

WoS Researcher ID A-7576-2014

RSCI Author ID 610672

SPIN 7655-8973

Evgeny V. Ruslanov, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57211030333

WoS Researcher ID HGT-7013-2022

RSCI Author ID 788431

SPIN 2633-0719

Статья поступила в редакцию 12.01.2025;

одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 06.03.2025

The article was submitted on 12.01.2025;

approved after reviewing on 28.02.2025; accepted for publication on 06.03.2025

Научная статья

УДК 902/908

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-94-112

Радиоуглеродная хронология средневековых памятников лесостепи и подтайги Тоболо-Иртышья

Александр Сергеевич Зеленков¹

Евгений Алексеевич Третьяков²

¹ Научный институт изучения улуса Джучи
Астана, Казахстан

² Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

¹qvimen@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6257-119X>

²gor-tom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6913-394X>

Аннотация

Представлены результаты анализа серий радиоуглеродных дат (143 ед.) с археологических объектов лесостепного и подтаежного Тоболо-Иртышья, характеризующих особенности обитания, функционирования, строительства в разные этапы конца железного века и Средневековья. Основным методом суммирования калиброванных дат в работе выступила модель KDE (Kernel Density Estimate / Ядерная оценка плотности). Используемый в работе непараметрический статистический анализ продемонстрировал эффективность при работе с большими данными. В итоге были построены шесть графиков распределения калиброванных дат, соответствующих устоявшимся в научной литературе периодам: позднесарматское время, эпоха Великого переселения народов, раннее и развитое Средневековье. При интерпретации полученных диапазонов привлекался контекст, отражающий динамичную смену культурных типов, памятников и сооружений на протяжении 1500 лет.

Ключевые слова

статистика, хронология, Западная Сибирь, бакальская культура, потчевашская культура, юдинская культура, макушинская культура, карымский тип памятников, саровские древности

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00215, <https://rscf.ru/project/24-28-00215/>

Для цитирования

Зеленков А. С., Третьяков Е. А. Радиоуглеродная хронология средневековых памятников лесостепи и подтайги Тоболо-Иртышья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 94–112. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-94-112

© Зеленков А. С., Третьяков Е. А., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 94–112

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 94–112

Radiocarbon Chronology of Medieval Archaeological Sites from the Forest-Steppe and Subtaiga Tobol-Irtysh Region

Aleksander S. Zelenkov¹, Evgenii A. Tretyakov²

¹ Research Institute for Jochi Ulus Studies
Astana, Republic of Kazakhstan

² University of Tyumen
Tyumen, Russian Federation

¹qvimen@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6257-119X>

²gor-tom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6913-394X>

Abstract

Purpose. The article presents the results of an analysis of the radiocarbon date series (143 units) from archaeological sites of the forest-steppe and subtaiga Tobol-Irtysh region, characterizing the features of habitation, functioning, construction during different stages of the Late Iron Age and the Middle Ages (from the 1st to the 15th century AD).

Results. The main method of summing up calibrated dates in the work was the Kernel Density Estimate (KDE) model. The nonparametric statistical analysis used in the work has demonstrated its effectiveness dealing with big data. As a result, six graphs of the distribution of calibrated dates were constructed, corresponding to the periods established in the scientific literature: the Late Samatian period, the Great Migration Period, the Early and Developed Middle Ages. The chronological stages and sequence of changes in archaeological objects described in the work are closely connected with modern ideas about the dynamics of the material culture of Western Siberia.

Conclusion. When interpreting the obtained ranges, the context was used, reflecting the dynamic change of cultural types, monuments and structures over a period of 1500 years. Thus, the KDE method is an effective statistical tool when working with large data of radiocarbon dates, allowing verification of conclusions based on classical archaeological methods such as typology.

Keywords

statistics, chronology, Western Siberia, Bakalskaya culture, Potchevashskaya culture, Yudinskaya culture, Makushinskaya culture, Karymskii and Sarovskii types of sites

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 24-28-00215, <https://rscf.ru/project/24-28-00215/>

For citation

Zelenkov A. S., Tretyakov E. A. Radiocarbon Chronology of Medieval Archaeological Sites from the Forest-Steppe and Subtaiga Tobol-Irtysh Region. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 94–112. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-94-112

Введение

Даты C^{14} в качестве данных часто используются для анализа долгосрочных процессов, демографических изменений в прошлом [Shennan et al., 2013; Fyfe et al., 2019] или для интерпретации времени сооружения поселений и погребальных объектов, при датировании археологических артефактов [Caracuta et al., 2012; Capuzzo et al., 2020]. Наиболее часто используемый метод – это распределение суммарных вероятностей (англ. Summed Calibrated Probability Distribution – SCPD), которое основано на сумме калиброванных дат C^{14} [Capuzzo et al., 2018]. Пики на модели «Sum» интерпретируются как эпизоды максимального развития изучаемого явления, а спады – моменты кризиса или сокращения. Применение данного метода ограничено размерами выборки и процесса калибровки [Williams, 2012].

Очень острые и точечные пики, наблюдаемые в большинстве суммарных моделей, являются прямым следствием процесса калибровки. Они сопровождаются искажениями определенных участков калибровочной кривой, форма которых обусловлена снижением концентрации C^{14} в атмосфере [Ibid.]. Чтобы избежать шумов при суммировании, в этом исследовании используются KDE-графики (англ. Kernel Density Estimate – KDE / рус. ядерная оценка плотности – ЯОП) [Bronk Ramsey, 2017]. KDE-график удаляет высокочастотный шум, сохраняя только сигнал с более низкой частотой и устраняя дисперсию данных [Ibid.]. Результатом

является более гладкая кривая без резких пиков и краев, типичных для «Sum» функций, которые все еще видны на фоне KDE-графиков.

Использование данного метода обусловлено накоплением за последние десятилетия нескольких десятков дат C^{14} из поселенческих слоев и сооружений, святилищ и погребений с памятников конца железного века и Средневековья лесостепи и подтайги Тоболо-Иртышья. В связи с обновлением представлений о длительности существования ряда археологических культур региона (бакальская, потчевашская, юдинская, макушинская) ожидается, что радиоуглеродная хронологическая модель может являться мощным вспомогательным инструментом к верификации устоявшихся в литературе взглядов о смене материальной культуры населения региона.

Методы и источники

Для определения хронологических позиций отдельных периодов обитания, сооружения и формирования памятников Тоболо-Иртышья конца железного века и Средневековья были использованы 143 опубликованные даты C^{14} [Третьяков, 2022], включая новые данные с городищ Усть-Терсюкское-1, Андроновское I, Боровиковское I, Липчинское I, Пламя Сибири-6 и др.

Даты были подвергнуты анализу на предмет устойчивых связей в рамках отдельных периодов непараметрическим статистическим инструментом «KDE_Model» (ЯОП), встроенных в программе Ox.cal 4.4.4. [Bronk Ramsey, 2017]. Форма графиков ядерной плотности калиброванных дат и соответствующая шкала значений плотности их распределения напрямую зависят от количества выборки за определенный промежуток времени. Общая вероятность каждого графика KDE нормализована к количеству включенных событий и основана на вероятности за год. С учетом влияния тафономических искажений («резервуарный» эффект, эффект «старого дерева») на временные ряды ожидается, что для самых поздних периодов будет гораздо больше датированных выборок по сравнению с самыми ранними фазами. По этой причине различия в количестве датированных контекстов для периодов, характеризующихся небольшим количеством выборок, едва заметны при включении в один и тот же график KDE (рис. 1) с периодами с большим количеством датированных контекстов. Чтобы это преодолеть, было построено шесть KDE-графиков для каждого периода, определенного в соответствии с общепринятыми хронологическими рамками: памятники «позднесарматского» времени (рис. 2), «эпохи Великого переселения народов» (рис. 3), «конца эпохи Великого переселения народов» (рис. 4), «раннего» (рис. 5) и «развитого Средневековья» (рис. 6), «золотоордынского времени» (рис. 7).

Для историко-культурной характеристики периодов учитывался контекст, из которого были получены образцы для датирования, в частности, это керамика (орнаментальные особенности, отражающие культурный тип), а также поддающиеся датировке методом аналогий вещи.

Результаты исследования

В период «позднесарматского времени» попали три даты: по одной с городищ Ласточкино гнездо (СОАН-4301) и Большое Бакальское городище (СОАН-7063), полученные с площадок поселений из слоев с бакальской и карымской, саргатской и позднекулайской (саровской) керамикой соответственно, а также из могилы 1 кургана 41 (СОАН-8605) Ипкульского могильника.

Полученный на графике (см. рис. 2) интервал ~90–290 гг. н. э. соответствует позднему этапу функционирования лесостепных городищ саргатской культуры и ее могильников (Абатский-1 и Абатский-3, Тютринский, Сидоровский) [Матвеева, 2017, с. 15; Матвеева и др.,

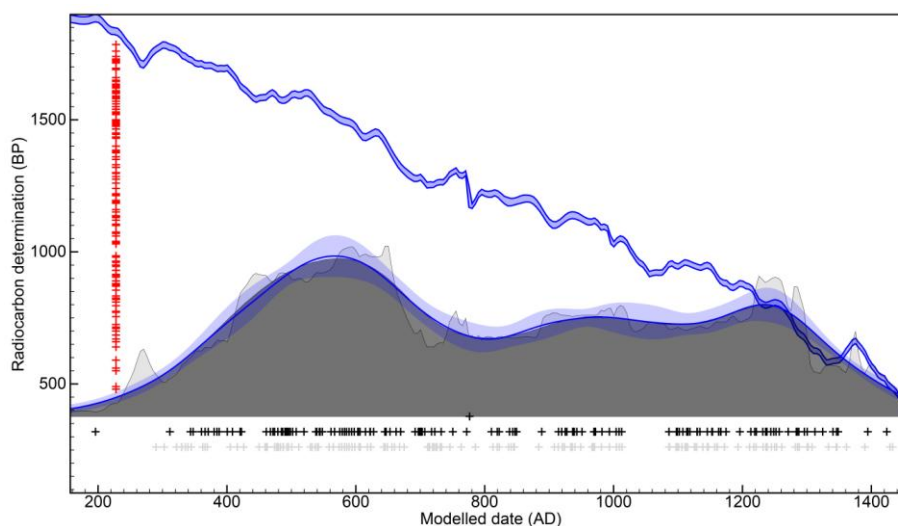

Рис. 1. KDE-график распределения калиброванных дат C^{14} с лесостепных и подтаежных памятников Тоболо-Иртышья конца железного века и Средневековья

Fig. 1. KDE graph of the distribution of calibrated C^{14} dates from forest-steppe and subtaiga sites of the Tobol-Irtysh region of the late Iron Age and the Middle Ages

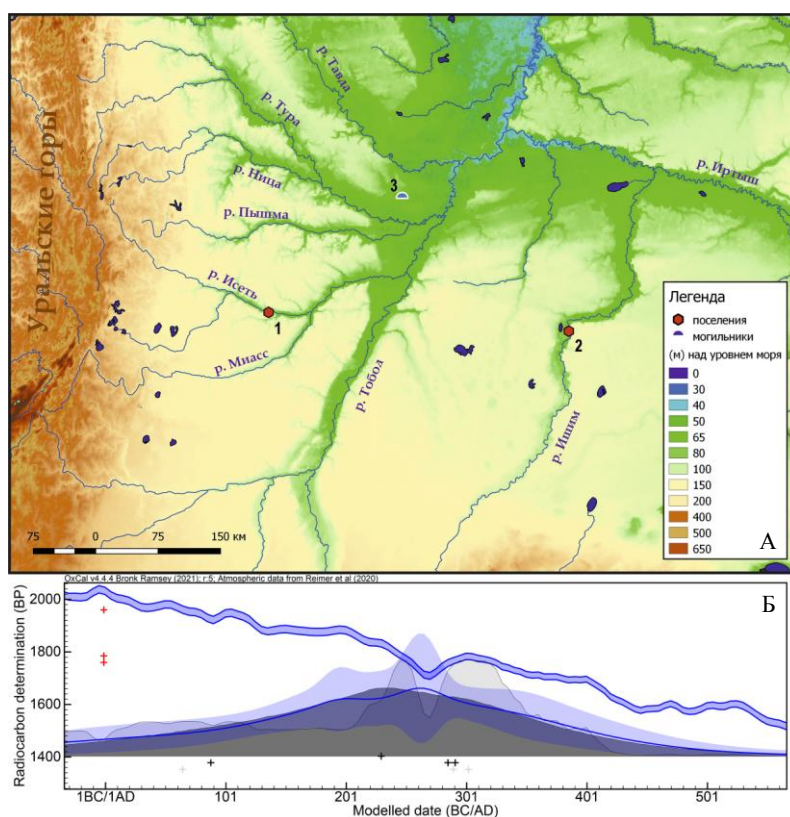

Рис. 2. Памятники позднесарматского времени

А – расположение памятников с C^{14} датами: 1 – городище Большое Бакальское; 2 – городище Ласточкино Гнездо; 3 – могильник Ипкульский; Б – KDE-график диапазона дат

Fig. 2. Monuments of the late Sarmatian period

А – location of sites with C^{14} dates: 1 – Bol'shoe Bakal'skoe settlement; 2 – Lastochkino Gnezdo settlement; 3 – Ipkul'skii burial ground; Б – KDE plot of dates

2005, с. 91; Корякова и др., 2009, с. 169; Шарапова, 2020, с. 228]. В культурных слоях поселений этого времени наряду с саргатским типом посуды встречается керамика саровского облика [Матвеева и др., 2005, с. 67, табл. 3; с. 69, табл. 4; Пантелеева, 2006, с. 12; Матвеева и др., 2008, с. 127, рис. 86; с. 184, рис. 126], но в небольшой концентрации – ок. 5–7 % от общей керамической коллекции.

В подтаежных поселениях существенно больше керамики с фигурно-штамповой и гребенчатой орнаментацией. В частности, данные наблюдения подтверждаются распределением керамики с поселения Ипкуль XV [Корякова и др., 1988]. По опубликованным данным на «таежную» группу Б приходится 38,1 % выборки (из 97 сосудов), в которую также вошли синкретичные образцы саргатско-кашинско-саровской керамики [Там же, с. 125]. Из этого же района происходят и могильник Ипкульский, и проба от перекрытия могилы 1 кургана 41. Комплекс содержал предметы, относящиеся к кругу позднесарматских древностей (бронзовые удила с лопастевидными псалиями), а также саровский горшок с крестовой и гребенчатой орнаментацией.

Кроме того, в подтаежном Притоболье известны «чистые» саровские комплексы: неукрепленные поселения Айгинское VIII и Роза Ветров VII [Ткачев и др., 2020], что косвенно подтверждает гипотезу активного заселения участков подтаежного Притоболья отдельными кулайскими группами. Подобная ситуация прослеживается в памятниках подтаежного Прииртышья, например Сперановское и Большой Лог [Данченко, Гришаева, 1996, с. 56–57].

Период «эпохи Великого переселения народов» характеризуют 46 дат с диапазоном ~ 370–650 гг. н. э. (рис. 3) из культурных слоев укрепленных поселений Коловское (15 ед. – СОАН-4810, 4811, 6012, 6013, 6014, 6016, 6019, 6494, 6495, 6496, 6498, 6499, 6500, 6501, 6502), Красноярское (1 ед. – СОАН-7702), Усть-Утяк-1 (8 ед. – СОАН-6965, 7055, 7058, Le-8293, 8295, 8296, 8297, 8298), Большое Бакальское (6 ед. – СОАН-7059, 7060, 7061, 7064, Le-8290, 8288, 8289), Усть-Терсюкское (4 ед. – GV-05267, Le-8217, 8219, 8220), Борки-1 (2 ед. – СОАН-9239, 9243), городище Папское (1 ед. – СОАН-9724) неукрепленного поселения Исетское-2 (2 ед. – Le-11236, 11242), погребальных объектов с могильников Воденниково-1 (3 ед. – СОАН-9962, GV-3160, 3161) и Ипкульский (1 ед. – СОАН-8606). Все даты были отобраны из культурных слоев и объектов, содержащих разные сочетания саровского, бакальского, карымского, кушнареновского и потчевашского керамического материалов.

Представляется, один из ранних и продолжительных периодов обитания (вторая половина III – VI в. н. э.) в лесостепи Притоболья маркируют даты, полученные от угля из заполнения вала городищ Усть-Утяк-1 (Le-8295, 8293), Папского (СОАН-9724), древесины от укрепления Коловского городища (СОАН-6013, 6016, 6494), угля с площадки и заполнения печи Большого Бакальского городища (СОАН-7060, 7064), древесины от укрепления вала Усть-Терсюкского городища (Le-8217), сопровождавшиеся фрагментами бакальской, карымской и кушнареновской керамики с преобладанием первой. В этом же диапазоне дат образец СОАН-8606 из погребения 3 кургана 4 Ипкульского могильника с пряжками типа Малашев-П2б, накладками типа Малашев-Н5 (середина / вторая половина III – начало IV в. н. э.) и сосудом бакальского типа.

Наиболее интенсивный период эксплуатации перечисленных выше городищ падает на период второй трети V – первой половины VII в. н. э., с чем связана перестройка оборонительных сооружений на Усть-Утяк-1 (СОАН-8296, 8297, 8298), Коловском (СОАН-4811, 4810), появляются новые типы домов в срубной технике, как на Исетском-2 (Le-11239, 11237, 11242) поселении. При этом сочетание типов керамики не меняется. Синкретизм в керамических традициях проявляется и в погребениях Воденниково-1.

Несколько иная картина сочетания культурных отложений фиксируется по материалам Ишимо-Иртышья. Здесь поселения бакальской культуры, судя по калиброванным датам СОАН-4259, полученным по углю из тела вала городища Ласточкино Гнездо, появляются раньше, чем в Притоболье, – во второй половине II в. н. э. [Зах, 2009, с. 76]. Тем не менее,

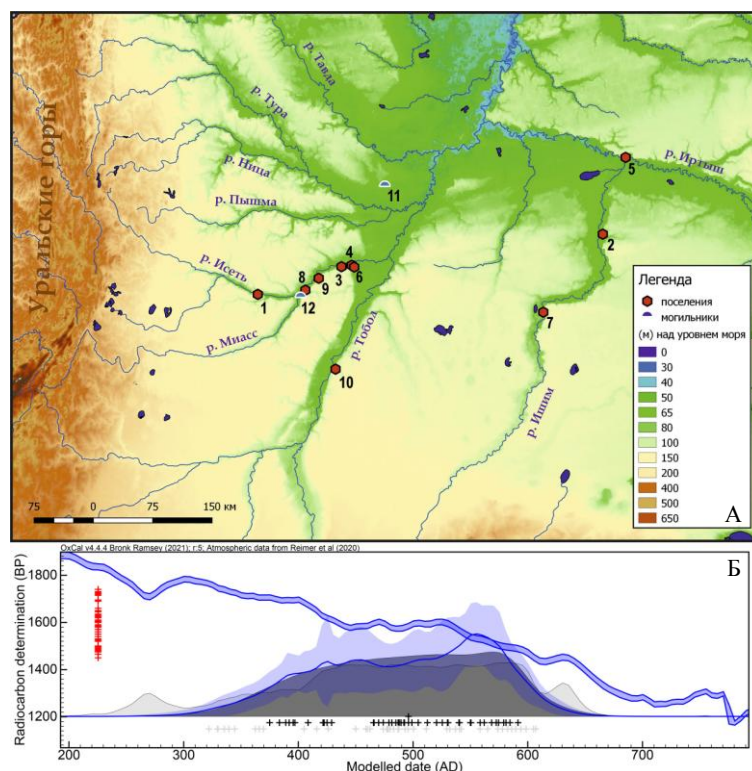

Рис. 3. Памятники эпохи Великого переселения народов

А – расположение памятников с C^{14} датами: 1 – городище Большое Бакальское; 2 – городище Борки-1; 3 – поселение Исетское-2; 4 – городище Красногорское; 5 – Красноярское; 6 – городище Коловское; 7 – городище Ласточкино Гнездо; 8 – городище Папское; 9 – городище Усть-Терсюкское; 10 – городище Усть-Утяк-1; 11 – могильник Ипкульский; 12 – могильник Воденниково I; Б – KDE-график диапазона дат

Fig. 3. Monuments of the Great Migration Period

А – location of sites with C^{14} dates: 1 – Bol'shoe Bakal'skoe settlement; 2 – Borki-1 settlement; 3 – Isetskoe-2 settlement; 4 – Krasnogorskoe settlement; 5 – Krasnoyarskoe; 6 – Kolovskoe settlement; 7 – Lastochkino Gnezdo settlement; 8 – Papskoe settlement; 9 – Ust'-Tersyukskoe settlement; 10 – Ust-Utyak-1 settlement; 11 – Ipkul'skii burial ground; 12 – Vodennikovo I burial ground; Б – KDE plot of dates

если опираться на 1σ даты Ласточкино Гнездо, то в совокупности с датами городища Борки-1 (СОАН-9239, 9243), период функционирования бакальских городищ в Приишимье полностью соответствует притобольским поселениям – вторая половина III – VI в. н. э. При этом они отличаются наличием башен-бастионов, их слои содержат больше карымской керамики (от 15 до 25 % от всего массива гончарных находок). Вероятно, в конце VI – первой половине VII в. у населения Ишимо-Иртышья на основе традиций карымских гончаров формируется потчевашская, экземпляры которой были обнаружены вместе с пробой СОАН-7702 в слое с остатками внутреннего вала Красноярского городища и обломками бакальской и карымской посуды [Данченко и др., 2010, табл. 1].

В период «конца эпохи Великого переселения народов» (рис. 4) попали 22 даты, образовав диапазон ~ 655–765 гг. н. э., с городищ Большое Бакальское (2 ед. – Ki-15912, SP-8960R), Борки-1 (4 ед. – СОАН-9240, 9237, 9238, 9241), Красноярское (1 ед. – СОАН-7701), Коловское (2 ед. – СОАН-4601, 6497), Усть-Терсюкское (2 ед. – СОАН-7598, Le-8220), Молчановское (1 ед. – СОАН-6023), Коняшино-2 (1 ед. – СОАН-7932), Царево (Чимги-Тура) (1 ед. – СОАН-600), Андроновское I (1 ед. – СОАН-10061), Пламя Сибири-6 (СОАН-10003), поселения Исетское-2 (Le-11239), святилища Кокшаровский холм (Ki-16391), погребений могиль-

ников Воденниково-1 (СОАН-9963), Хрипуновского (СОАН-6269) и Исетского XIIIБ (ЛЕ-2645).

В данный период на территории лесостепного Притоболья продолжают функционировать крупные поселения бакальской культуры, в частности Коловское, Большое Бакальское, Царево и Усть-Терсукское-1. Об активной строительной деятельности бакальского населения свидетельствует дата СОАН-4601 от бревна стены вала Коловского городища, а также проба СОАН-7598 от срубного жилища 6 Усть-Терсукского-1 городища, в котором были также обнаружены детали геральдических поясов (щитовидные и Т-образные накладки). Интересны пробы Ki-15912, SP-8960R от сосудов со шнуровой орнаментацией (батырского типа) с городища Большое Бакальское, указывающие на контакты западносибирского лесостепного населения с группами горнолесного Урала в конце VII – начале IX в. н. э. Образцы дат с Кокшаровского холма и погребения Исетское-XIIIБ позволяют предполагать, что в это время оформляется местная традиция изготовления шнуровой керамики. Но основной комплекс с посудой данного типа [Матвеева и др., 2009; 2013] приходится на более позднее время и, вероятно, должно рассматриваться в рамках юдинской культуры.

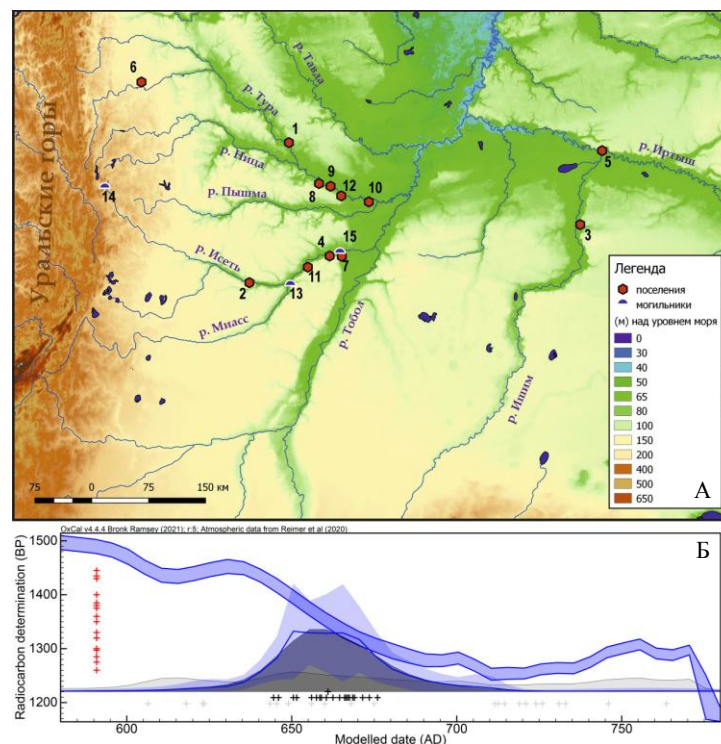

Рис. 4. Памятники конца эпохи Великого переселения народов

А – расположение памятников с C^{14} датами: 1 – городище Андроновское I; 2 – городище Большое Бакальское; 3 – городище Борки-1; 4 – поселение Исетское-2; 5 – городище Красноярское; 6 – святилище Кокшаровский холм; 7 – городище Коловское; 8 – городище Коняшино-2; 9 – городище Молчановское; 10 – городище Пламя Сибири-6; 11 – городище Усть-Терсукское; 12 – городище Царево; 13 – могильник Воденниково-1; 14 – могильник Исетское-XIIIБ; 15 – могильник Хрипуновский; Б – KDE-график диапазона дат

Fig. 4. Monuments from the end of the Great Migration Period:

А – location of sites with C^{14} dates: 1 – Andronovskoe I settlement; 2 – Bol'shoe Bakal'skoe settlement; 3 – Borki-1 settlement; 4 – Isetskoe-2 settlement; 5 – Krasnoyarskoe settlement; 6 – Koksharovskiy Kholm sanctuary; 7 – Kolovskoe settlement; 8 – Konyashino-2 settlement; 9 – Molchanovskoe settlement; 10 – Plamy Sibiri-6 settlement; 11 – Ust'-Tersyukskoe settlement; 12 – Tsarevo settlement; 13 – Vodennikovo-1 burial ground; 14 – Isetskoe-XIIIБ burial ground; 15 – Khripunovskiy burial ground; Б – KDE plot of dates

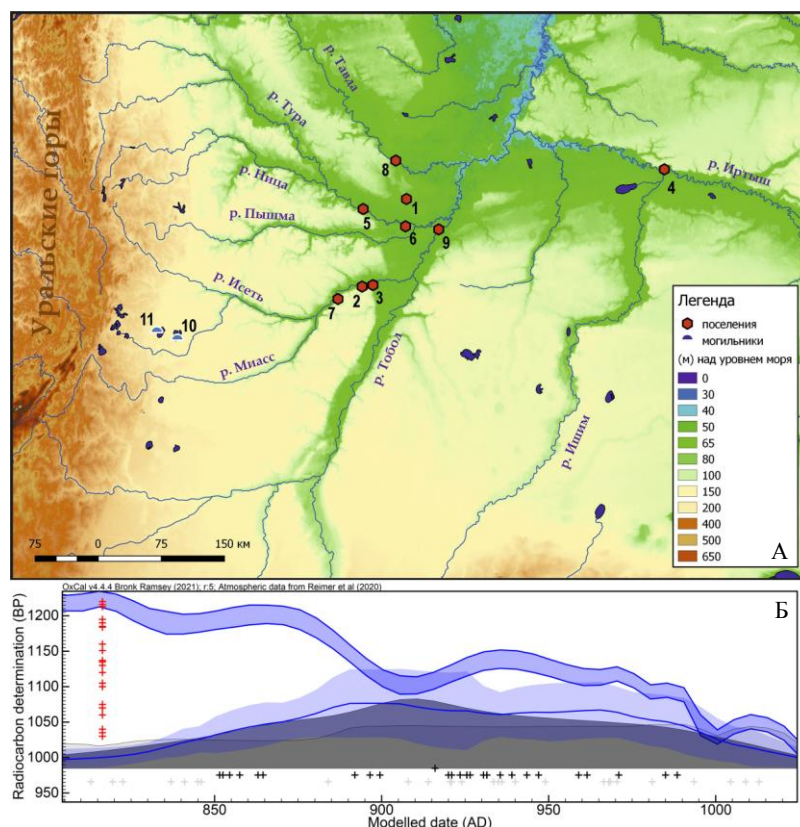

Рис. 5. Памятники раннего Средневековья

А – расположение памятников с C^{14} датами: 1 – городище Барсучье; 2 – поселение Исетское-2; 3 – городище Красногорское; 4 – городище Красноярское; 5 – городище Молчановское; 6 – городище Пламя Сибири-6; 7 – городище Усть-Терсукское; 8 – городище Черепаниха-2; 9 – поселение Чечкино-4; 10 – могильник Актюбэ; 11 – могильник Уелги; Б – KDE-график диапазона дат

Fig. 5. Monuments of the early Middle Ages

А – location of sites with C^{14} dates: 1 – Barsuch'e settlement; 2 – settlement Isetskoe-2; 3 – Krasnogorskoe settlement; 4 – Krasnoyarsk settlement; 5 – Molchanovskoe settlement; 6 – settlement Flame of Siberia-6; 7 – Ust'-Tersyuk settlement; 8 – settlement Cherepanikha-2; 9 – settlement Chechkin-4; 10 – Aktobe burial ground; 11 – Uelgi burial ground; Б – KDE plot of dates

На территории Ишимо-Иртышья, судя по датам СОАН-9237, 9238, 9241, 7701 и материалам с городищ Борки-1 и Красноярское, оформляется гончарная традиция потчевашской культуры. Это предположение дополнительно аргументируют находки бронзовой пластики с характерным для потчевашской культуры художественным оформлением изделий орнитоморфными образами, а также специфическая керамика. В слоях вместе с датами и потчевашской посудой фиксировались бакальские и карымские материалы, однако сегодня сложно предполагать совместное проживание носителей всех трех традиций в конце VII – VIII в. н. э. в связи с неточным контекстом дат. Тем не менее, о взаимодействии в это время потчевашского и бакальского населения имеются данные с могильников и поселений Притоболья: в материалах Перейминского-1 и Воденниково-1 некрополей, Большого Бакальского городища обнаружены их синкретичные экземпляры, а также оригинальные прииртышские образцы.

Ко времени раннего Средневековья (диапазон ~ 860–1025 гг. н. э.) относятся 28 дат (рис. 5) с городищ: Барсучье (СОАН-4808, 4809), Красногорское (UPi-756, 761, СОАН-5680), Красноярское (СОАН-7700, 7704), Молчановское (СОАН-5686), Пламя Сибири-6 (СОАН-10007),

Усть-Терсюкское (СОАН-7598, 10059), Черепаниха-2 (СОАН-7991, 7992, 7993, 7994); поселения: Исетское-2 (Le-11231, 11232, 11233, 11235, 11240, 11241), Чечкино-4 (СОАН-7621); могильников Уелги (Poz-121187, 121188, DeA-36403, 36404, 11458), Актюба (DeA-36402).

К наиболее ранним поселенческим памятникам юдинской культуры относятся комплексы преимущественно подтаежной зоны, среди них городище Черепаниха-2. На площади поселения было изучено четыре сооружения, из котлованов которых отобрано по одной пробе для радиоуглеродного датирования. Так, на основании абсолютных дат (СОАН-7991, 7994) сооружения 1 и 4 датированы второй половиной IX – X в., а сооружения 2 и 3 – X – началом XI в. (СОАН-7992, 7993) [Чикунова, Якимов, 2012]. К этому же хронологическому периоду (IX–XI вв.) принадлежит комплекс городища Пламя Сибири-6. На уровне материка исследована часть хозяйственной постройки, в углу которой находился плавильный горн [Третьяков, 2024]. Проба, отобранная из его заполнения (СОАН-10007), дала дату конец IX – начало XI в. На Молчановском городище из заполнения жилища 1 отобрана проба (СОАН-5686), указывающая на период конца IX – X в.

Два строительных горизонта выделено на Барсучьем городище, где было исследовано два разновременных сооружения. Более раннее сооружение 2 на основании двух радиоуглеродных дат (СОАН-4808, 4809) отнесено к X–XI вв. [Матвеева, Зайцева, 2004, с. 55]. Кроме того, к рассматриваемому диапазону относится одна дата (СОАН-7621) (конец VIII – середина IX в.), которую дал радиоуглеродный анализ пробы с межжилищного пространства поселения Чечкино-4 [Цембалюк и др., 2009, с. 57–58]. Поселение в качестве неукрепленного селища располагалось в непосредственной близости от городища юдинской культуры Чечкино-1.

В лесостепной части Притоболья представительная серия абсолютных дат получена из комплекса Красногорского городища. Одна дата (UPi-756), указывающая на конец VIII – X в., получена по углю из межжилищного пространства площадки поселения [Матвеева и др., 2009, табл. 1, 2]. По древесине столба из рва оборонительной линии, а также из вторичного заполнения жилища 6 получены даты (СОАН-5680 и UPi-761 соответственно), указывающие на X – начало XI в. Судя по всему, рассматриваемые даты связаны с начальным этапом функционирования поселения в юдинское время. Так, в IX–X вв. начинает застраиваться жилая площадка заброшенного раннесредневекового бакальского городища, а также происходят перестройка и обновление фортификационных сооружений (подсыпка вала и расширение рва).

На Усть-Терсюкском городище к этому времени относится две даты (СОАН-7598, 10059). Первая, давшая при калибровке период конца VII – середины IX в., происходит из запыления котлована жилища бакальской культуры, с территории укрепленной площадки [Рафиков, Берлина, 2011]. Проба для второй даты (VIII – середина X в.) была отобрана из заполнения юдинского жилища 13а [Матвеева и др., 2024].

Из культурного слоя поселения Исетское-2 происходит серия дат (6 ед.), пробами для четырех (Le-11231, 11232, 11233, 11235) из них послужила древесина из канавы одного из сооружений с периферии памятника. Суммарно датировка этой постройки укладывается в рамки IX – начала XI в. Еще две даты (Le-11240, 11241), укладываемые в X в., происходят из других сооружений.

Датировка комплексов южно-таежной зоны Прииртышья, реализована по материалам Красноярского городища. К рассматриваемому периоду относятся две даты (СОАН-7700, 7704), укладываемые в широкий диапазон конца VIII – начала XI в.

Некрополи этого периода с C^{14} датами немногочисленны. Среди них два могильника лесостепного Зауралья – Уелги и Актюба. Первый имеет пять дат, происходящих из заполнения ряда захоронений с кочевническими материалами (Poz-121187, 121188, DeA-36403, 36404, 11458). При калибровке их значения компактно укладываются в период конца VIII – конца IX в. Близкие значения имеет дата одного из захоронений могильника Актюба (DeA-36402), давшая диапазон конца IX – середины X в.

Это время характеризуется сложением и развитием юдинской культуры, что выразилось в распространении характерных укрепленных поселений в бассейнах рек Тавды, Туры и Ницы. Среди исследованных памятников этого времени городища Черепаниха-2, Молчановское и Пламя Сибири-6. Развитие культуры притобольского населения во второй половине IX – середине XI в. происходило на фоне экспансии тюркоязычных кочевников на территории степного пояса от Алтая до Южного Урала, включая прилегающие районы лесостепи. Так, начиная с IX в. буферная зона Среднего Притоболья входит в зону расселения кимаков и носителей сrostкинской культуры. В юдинской среде появляется мода на ношение наборных поясных гарнитур, распространяются элементы костюма характерные для кочевников Алтая, складывается комплекс вооружения, типичный для степной среды. Также это время ознаменовалось формированием на северных притоках Тобола восточного ответвления «Великого мехового пути», через который в Западную Сибирь поступает импорт из Восточной Европы, Центральной Азии и Ближнего Востока. Основным посредником в торговле с носителями юдинской культуры выступает население Верхнего Прикамья – носители ломоватовской культуры. Со второй половины X до конца XI в. импорт из центров Волго-Камья значительно увеличивается: привозятся наборные пояса, детали костюма и др. В Притоболье вещи из Волго-Камья, Алтая и Верхнего Прииртышья не редко встречаются в закрытых комплексах совместно с северо-западносибирскими изделиями. Наиболее ярко эта ситуация отражена в материалах могильников Вак-Кур [Турова, 2016, с. 72] в подтаежной зоне, а также Уелги и Актюба [Боталов, Грудочко, 2023] в лесостепной.

В историческом контексте последующий период по материалам Западной Сибири совпадает с эпохой развитого Средневековья, тем не менее при построении KDE модели абсолютные даты были разделены на две группы (1 – 1026–1150 гг., 2 – 1151–1425 гг.), что, вероятно, обусловлено неравномерностью выборок.

В диапазон периода развитого Средневековья 1 (~ 1026–1150 гг.) (рис. 6) попали 13 дат с городищ Борки-1 (СОАН-9242), Красногорское (UPi-754), Красноярское (СОАН-7699, 7703, 7705, 7706, 7708), Усть-Терсюкское (GV-05265), Усть-Утяк (СОАН-7057); Царево (СОАН-599); поселений Исетское-2 (Le-11230, 11234); могильника Медный Борок (СОАН-9562).

Самая многочисленная выборка дат этого периода зафиксирована на Красноярском городище в южно-таежном Прииртышье (5 ед.), где она укладывается в диапазон середины XI – середины XII в. Здесь же стоит упомянуть об одной дате с городища Борки-1 (СОАН-9242), которая определяется периодом середины XI – конца XII в.

На территории подтаежного Притоболья зафиксирована лишь одна дата на Царевом городище, где было исследовано наземное каркасно-столбовое сооружение. Одна из проб 960 ± 40 л. н. (СОАН-599), полученная по образцам из его конструкций, дала период начала XI – первой половины XII в. Несмотря на это, основной массив дат Царева городища (середина XI – первая половина XIII в.) относится к следующей группе (рис. 7).

Остальные даты происходят из памятников лесостепного Притоболья. Среди них Красногорское городище, где дата (UPi-754) получена по образцу древесины из вторичного заполнения жилища 6. Она укладывается в рамки середины XI – середины XII в. На Усть-Терсюкском городище дата (GV-05265) определяется серединой XI – XII в. Образец древесины из верхних горизонтов Усть-Утякского городища говорит о времени существования памятника в период середины XI – середины XII в.

Одно из немногих изученных поселений эпохи Средневековья также содержит даты этого периода (Le-11230, 11234), а на межмогильном пространстве некрополя Медный Борок был собран уголь, давший значение середины XI – середины XII в.

Памятники периода развитого Средневековья 2 (~ 1151–1425 гг.) характеризуют 30 дат (см. рис. 7) из комплексов городищ Барсучье (СОАН-4807, 4806), Святой Бор V (СОАН-4929, 4928), Липчинское (СОАН-10004), Царево (СОАН-291, 293, 601, 602), Боровиковское I (СОАН-10005), поселение Чечкино-4 (СОАН-7622); из лесостепных городищ Красногорское (UPi-764), Криволукское (СОАН-5568), Усть-Терсюк-1 (СОАН-10062, Le-8218, GV-05263,

05264, 05266), Папское (СОАН-9725), Прыговское (Le-5040); из могильников Медный Борок (СОАН-9563, 9564, 9565), Большеказакбаевский-2 (Le-5511), Кordon Миассово-1 (Le-10990) Зауралья.

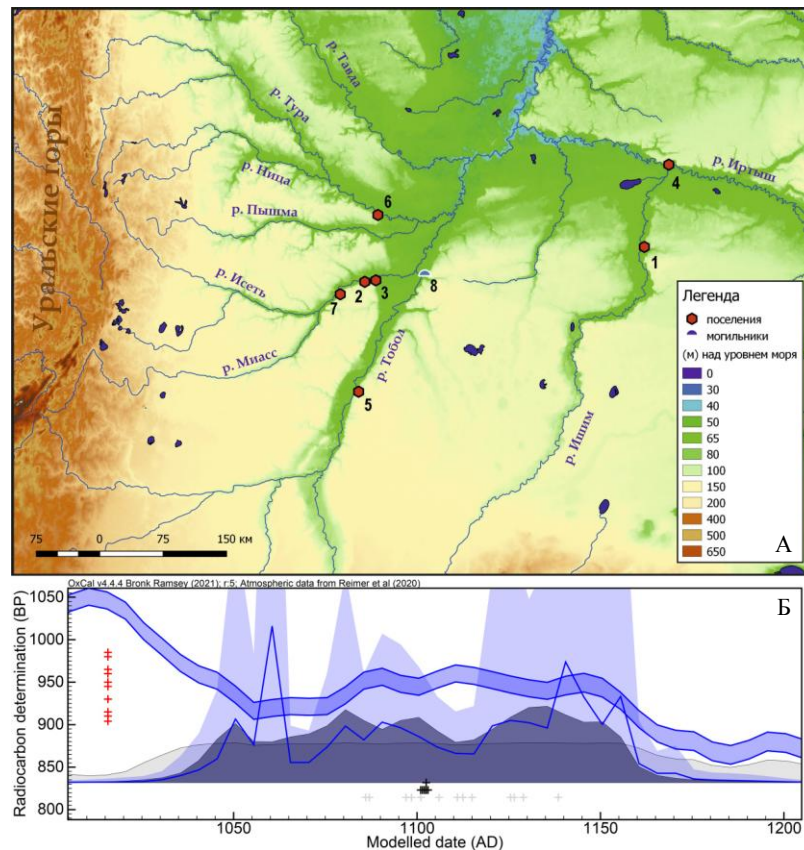

Рис. 6. Памятники развитого Средневековья (1)

А – расположение памятников с C^{14} датами: 1 – городище Борки-1; 2 – поселение Исетское-2; 3 – городище Красногорское; 4 – городище Красноярское; 5 – городище Усть-Утяк-1; 6 – городище Царево; 7 – могильник Медный Борок; Б – KDE-график диапазона дат

Fig. 6. Monuments of the Middle Ages (1)

А – location of sites with C^{14} dates: 1 – Borki-1 settlement; 2 – Isetskoe-2 settlement; 3 – Krasnogorskoe settlement; 4 – Krasnoyarskoe settlement; 5 – Ust-Utyak-1 settlement; 6 – Tsarevo settlement; 7 – Medny Borok burial ground; Б – KDE plot of dates

К данному диапазону относится основной массив дат с Царева городища. Две даты – (СОАН-601, 602) – были получены по материалам наземного каркасного сооружения [Рафикова, 2011, с. 13–14], еще две (СОАН-291, 293) – по углю из разведочного шурфа, заложенного неподалеку от рассматриваемого сооружения. Практически все даты укладываются в рамки середины XI – первой половины XIII в. Царево городище является сложностратифицированным комплексом, где присутствуют слои раннего Средневековья (бакальская и карымская культуры), а также горизонты позднего Средневековья, связанные с существованием столицы Тюменского ханства – Чинги-Туры. Мы, в свою очередь, считаем, что период XI–XIII вв. на Царевом городище (вероятно, его восточная часть) был связан с функционированием юдинского поселка, о чем говорит характерная гребенчато-шнуровая керамика, зафиксированная в тех раскопах, где был произведен отбор проб для обсуждаемых дат.

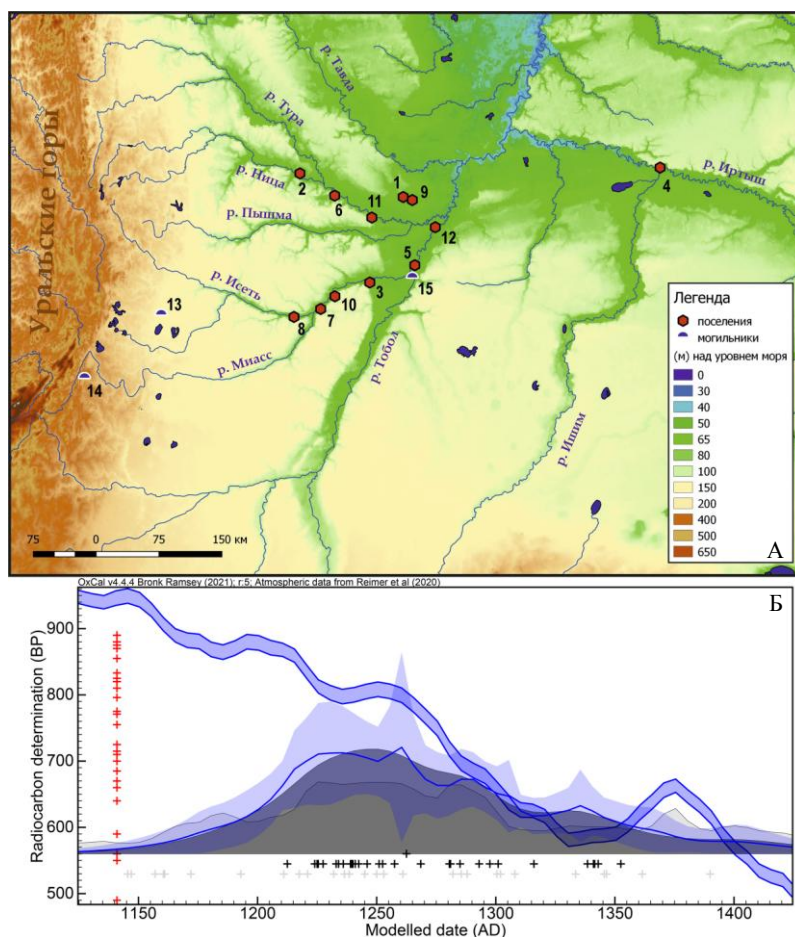

Рис. 7. Памятники развитого Средневековья (2)

А – расположение памятников с C^{14} датами: 1 – городище Барсучье; 2 – городище Боровиковское I; 3 – городище Красногорское; 4 – городище Красноярское; 5 – городище Криволукское; 6 – городище Липчинское I; 7 – городище Папское; 8 – городище Прыговское; 9 – городище Святой Бор-5; 10 – городище Усть-Терсюкское; 11 – городище Царево; 12 – поселение Ческтно-4; 13 – могильник Большеказакбаевский-2; 14 – могильник Кордон Миассово-1; 15 – могильник Медный Борок; Б – KDE-график диапазона дат

Fig. 7. Monuments of the Middle Ages (2)

А – location of sites with C^{14} dates: 1 – Barsuch'e settlement; 2 – Borovikovskoe I settlement; 3 – Krasnogorsk settlement; 4 – Krasnoyarsk settlement; 5 – Krivolukskoe settlement; 6 – Lipchinskoe I settlement; 7 – Papskoe settlement; 8 – Prygovskoe settlement; 9 – Svyatoy Bor-5 settlement; 10 – Ust'-Tersyukskoe settlement; 11 – Tsarevo settlement; 12 – Chesktno-4 settlement; 13 – Bolshekazakbaevsky-2 burial ground; 14 – Kordon Miassovo-1 burial ground; 15 – Medny Borok burial ground; Б – KDE plot of dates

На городище Святой Бор V исследованы две жилые постройки. Из остатков древесины рухнувшей кровли жилища 2 были отобраны две пробы для радиоуглеродного датирования – СОАН-4928, 4929 [Матвеева и др., 2009, табл. 2]. Первая указывает на период конца XII – первой половины XIII в. Вторая – на вторую половину XI – первую половину XIII в. Как представляется, датировка жилища 2 укладывается в XII – первую половину XIII в.

Концом XII – серединой XIII в. датируется деревянная основа вала на Липчинском городище (СОАН-10004). Сооружение 1 на Барсучьем городище, в заполнении которого преобладает керамика нижнеобского облика [Матвеева, Зайцева, 2004, с. 55], на основании двух

радиоуглеродных дат (СОАН-4806, 4807) датируется XIII в. На поселении Чечкино-4 остатки деревянных конструкций дали период XIII–XIV вв. (СОАН-7622).

На территории лесостепного Притоболья Н. П. Матвеевой исследовано Криволукское городище. На площади памятника изучено восемь полуземлянок. Из котлована жилища 5 происходит одна радиоуглеродная дата (СОАН-5568), указывающая на период функционирования постройки в рамках XIII в. [Матвеева, Рафикова, 2005, с. 115].

Средневековые материалы сложностратифицированного Усть-Терсюкского городища датированы на основании пяти дат, одна из которых (Le-8218), определяемая в диапазоне конца XII – середины XIII в., получена из верхних заполнений рва. Еще четыре даты (СОАН-10062, GV-05263, 05264, 05266) получены из сооружений с жилой площадки и укладываются в диапазон вторая половина XII – середина XIII в. с перевесом в XIII в.

К более поздним комплексам относится ряд поселений, где обнаружены материалы не только юдинского, но и макушинского типа. В частности, «изолированный» средневековый слой был отмечен В. М. Морозовым и А. А. Ковригиным на Прыговском городище. С ним связаны остатки наземного сооружения, ряд хозяйственных ям, а также часть оборонительных линий (внутренний ров). С межжилищного пространства средневекового поселения был получен представительный керамический комплекс юдинской культуры и макушинского типа [Морозов, Ковригин, 1999, с. 66–67]. Средневековые горизонты поселения были датированы по одной радиоуглеродной дате (Le-5040) серединой XIII – XIV в., проба для которой отобрана из кости верблюда.

К числу «поздних» комплексов относятся материалы Папского городища, которое содержит юдинский и макушинский горизонты [Матвеева и др., 2020, с. 48–49]. Одна дата (СОАН-9725), материалы для которой были отобраны из верхних слоев, указывает на период XIV – начала XV в. Аналогичная ситуация зафиксирована на многослойном городище Боровиковское I, где слои с юдинским материалом были перекрыты макушинским горизонтом. Из верхнего – макушинского – горизонта происходит проба (СОАН-10005), давшая дату XIV – начало XV в. В южно-таежном Прииртышье к этому времени относятся несколько дат из Красноярского городища, где было отобрано пять проб, датировка которых укладывается в рамки второй половины XIII – XIV в.

В большинстве закрытых комплексов этого времени инвентарный материал весьма бедный либо отсутствует, поэтому их датировка весьма проблематична. В данном случае мы обращаемся к абсолютным датировкам некрополей. Так, одна дата (Le-5511) – середина XI – середина XIII в. – получена по образцу кости из погребения Большеказакбаевского II могильника. Еще одна (Le-10990), укладывающаяся в диапазон второй половины XIII – XIV в., получена по образцу из погребения 1 могильника Кордон Миассово-1. Из культурного слоя могильника Медный Борок происходят три даты: одна из погребения 11 (СОАН-9565), определяемая серединой XIII в., другая из погребения 15 (СОАН-9563) – конец XIII – конец XIV в., а третья из межмогильного пространства (СОАН-9564) – первая половина XIV в.

Эпоха развитого Средневековья ознаменовалась развитием культуры населения Притоболья. На это время приходится распространение основного массива погребальных и поселенческих памятников, среди которых стоит отметить хорошо датированные комплексы подтаежной зоны (городища Барсучье, Святой бор V, Царево, Боровиковское I, Липчинское; поселение Чечкино-4 и др.). Одновременно с этим происходит расширение ареала юдинской культуры на юг – в лесостепь. Так, в Приисетье происходит обновление и использование площадок заброшенных поселений бакальской культуры раннего Средневековья, таких как городища Красногорское, Усть-Терсюкское, Прыговское, Папское. Видимо, в этом же контексте мы должны рассматривать материалы поселения Исетское-2.

В XII в. на юдинской основе при значительном участии тюркоязычного населения формируется новая культурная традиция – макушинский тип памятников. Ее представители сосуществовали с носителями родственной юдинской культуры в рамках XII – первой полови-

ны XIII в., об этом говорят материалы городищ Усть-Терсюкское, Папское, Боровиковское I, Прыговское.

Во второй половине XIII – начале XV в. на территории Среднего Зауралья расселялись мобильные группы макушинского населения. С этим периодом связаны отдельные даты на многослойных поселениях – городища Усть-Терсюкское, Папское, Боровиковское I, Прыговское и могильники Большеказакбаевский II, Кордон Миассово I, Медный Борок. Это время совпадает со временем активных этнополитических процессов, протекавших на территории степного региона, которые позднее вылились в расширение Монгольской империи на север и привели к вхождению территории Западной Сибири и Южного Урала в состав Золотой Орды (Улуса Джучи). Думается, что в это время макушинское население продолжало хозяйствовать вдоль восточных склонов Урала, а их угасание, вероятно, связано с участием ее носителей в этногенезе населения Тюменского ханства в начале XV в.

Заключение

Таким образом, KDE-модели могут эффективно применяться для автоматизированного суммирования дат C^{14} . Как и в любом виде исследований, связанных с анализом больших наборов статистических данных, важно учитывать возможность искажений, которые могут существенно повлиять на распределение дат. Сочетание же данного метода с известным археологическим контекстом может существенно сгладить данные расхождения. Диапазоны, намеченные нами на основании серий абсолютных дат, особенности сочетания культурных типов отдельных категорий вещей (в основном керамики), позволили определить контекст памятников в рамках отдельных периодов в широком спектре материальной культуры населения лесостепного и подтаежного Тоболо-Иртышья конца железного века и Средневековья.

Список литературы

- Боталов С. Г., Грудочко И. В.** Относительно культурной атрибуции одного типа сросткинской поясной гарнитуры // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 146–150. DOI 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-146-150
- Данченко Е. М., Гришаева О. Е.** Позднекулайская керамика Сперановского городища // Керамика как исторический источник. Тобольск, 1996. С. 53–56.
- Данченко Е. М., Орлова Л. А., Грачев М. А.** Результаты радиоуглеродного исследования образцов органики с Красноярского археологического комплекса // Материалы XV Международной западносибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 410–413.
- Зах В. А.** Городище Ласточкино Гнездо 1 в нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 67–80.
- Корякова Л. Н., Дэйр М. И., Ковригин А. А., Шарапова С. В., Берсенева Н. А., Пантелеева С. Е., Ражев Д. И., Курто П., Хэнкс Б., Ефимова Е. Г., Каздым А. А., Микрюкова О. В., Сахарова А. О.** Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. по материалам Павлиновского археологического комплекса. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.
- Корякова Л. Н., Морозов В. Н., Суханова Т. Ю.** Поселение Ипкуль XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАН-19. Свердловск, 1988 С. 117–129.
- Матвеева Н. П.** Радиоуглеродная хронология памятников саргатской культуры (Западная Сибирь) // РА. 2017. № 4. С. 3–20.
- Матвеева Н. П., Берлина С. В., Рафикова Т. Н.** Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 228 с.

- Матвеева Н. П., Зайцева Е. А.** Исследование средневекового городища Барсучье в лесном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 5. С. 51–63.
- Матвеева Н. П., Ларина Н. С., Берлина С. В., Чикунова И. Ю.** Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 229 с.
- Матвеева Н. П., Орлова Л. А., Рафикова Т. Н.** Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // РА. 2009. № 1. С. 140–151.
- Матвеева Н. П., Пластеева Н. А., Чикунова И. Ю.** Городище Коняшино-2 в подтаежном Зауралье // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник. Тюмень, 2013. Вып. 5. С. 34–64.
- Матвеева Н. П., Рафикова Т. Н.** Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволукского городища) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 105–116.
- Матвеева Н. П., Третьяков Е. А., Зеленков А. С.** Хронология средневекового вещевого комплекса Папского городища (лесостепь Западной Сибири) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 43–52.
- Матвеева Н. П., Третьяков Е. А., Овчинников И. Ю.** К оценке социально-экономической роли лесостепных западносибирских городищ эпохи средневековья по остаткам металлургического производства // Журн. СФУ. Гуманитарные науки. 2024. № 17 (9). С. 1723–1734.
- Морозов В. М., Ковригин А. А.** Средневековый комплекс Прыговского городища // III Берсовские чтения. Екатеринбург, 1999. С. 65–71.
- Пантелеева С. Е.** Хроностратиграфия Павлинова городища: по результатам анализа керамики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. 24 с.
- Рафикова Т. Н.** Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 24 с.
- Рафикова Т. Н., Берлина С. В.** Жилища бакальской культуры Усть-Терсюкского-1 городища // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 95–101.
- Ткачев А. А., Ткачев Ал. Ал., Рафикова Т. Н.** Саровский комплекс с озера Сингуль // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2 (49). С. 67–76.
- Третьяков Е. А.** Хронологические комплексы средневековых памятников Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1 (56). С. 134–147.
- Третьяков Е. А.** К изучению динамики заселения лесного Зауралья в конце I – первой половине II тыс. н. э. (по материалам комплексов бассейна р. Туры) // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник. Тюмень, 2024. Вып. 13. С. 121–159.
- Турова Н. П.** Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н. э. из некрополя юдинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 63–76. DOI 10.20874/2071-0437-2016-33-2-063-076
- Цембалюк С. И., Зими́на О. Ю., Рябогина Н. Е., Иванов С. Н.** Исследование поселения Чечкино 4 в Ярковском районе Тюменской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 57–70.
- Чикунова И. Ю., Якимов А. С.** Городище Черепаниха 2: К вопросу об определении статуса // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 31–41.
- Шарапова С. В.** Верхняя хронологическая граница саргатской культуры // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19, № 2. С. 218–246. DOI 10.15688/nav.jvolsu.2020.2.12
- Bronk Ramsey C.** Methods for summarizing radiocarbon datasets // Radiocarbon. 2017. Vol. 59, iss. 6. P. 1809–1833.
- Capuzzo G., Zanon M., Dal Corso M., Kirleis W., Barceló J. A.** Highly diverse Bronze Age population dynamics in central-southern Europe and their response to regional climatic patterns // PLoS ONE. 2018. Vol. 13, iss. 8, e0200709.

- Capuzzo G., Snoeck C., Boudin M., Dalle S., Annaert R., Hlad M., Vercauteren M.** Cremation VS. inhumation: modeling cultural changes in funerary practices from the Mesolithic to the Middle Ages in Belgium using kernel density analysis on 14c data // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62, iss. 6. P. 1809–1832.
- Caracuta V., Fiorentino G., Martinelli M. C.** Plant remains and AMS: dating climate change in the Aeolian Islands (northeastern Sicily) during the 2nd millennium BC // *Radiocarbon*. 2012. No. 54 (3–4). P. 689–700.
- Fyfe J. J., Broatch J. R., Trewin A. J., Hanson E. D., Argus Ch. K., Garnham A. P., Halson S. L., Polman R. C., Bishop D. J., Petersen A. C.** Cold Water Immersion Attenuates Anabolic Signaling and Skeletal Muscle Fiber Hypertrophy, but Not Strength Gain, Following Whole-Body Resistance Training // *Journal of Applied Physiology*. 2019. No. 127 (5). P. 1403–1418. DOI 10.1152/jappphysiol.00127.2019
- Shennan S., Downey S. S., Timpson A. et al.** Regional population collapse followed initial agriculture booms in mid-Holocene Europe // *Nature Communications*. 2013. No. 4: 2486.
- Williams A. N.** The use of summed radiocarbon probability distributions in archaeology: a review of methods // *Journal of Archaeological Science*. 2012. Vol. 39, iss. 3. P. 578–589.

References

- Botalov S. G., Grudochko I. V.** Otnositel'no kul'turnoi atributatsii odnogo tipa srostkinskoi poyasnoi garnitury [On the cultural attribution of one type of the srostki belt set]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2023, vol. 79, no. 2, pp. 146–150. (in Russ.) DOI 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-146-150
- Bronk Ramsey C.** Methods for summarizing radiocarbon datasets. *Radiocarbon*, 2017, vol. 59, iss. 6, pp. 1809–1833.
- Capuzzo G., Zanon M., Dal Corso M., Kirleis W., Barceló J. A.** Highly diverse Bronze Age population dynamics in central-southern Europe and their response to regional climatic patterns. *PLoS ONE*, 2018, vol. 13, iss. 8, e0200709.
- Capuzzo G., Snoeck C., Boudin M., Dalle S., Annaert R., Hlad M., Vercauteren M.** Cremation VS. inhumation: modeling cultural changes in funerary practices from the Mesolithic to the Middle Ages in Belgium using kernel density analysis on 14c data. *Radiocarbon*, 2020, vol. 62, iss. 6, pp. 1809–1832.
- Caracuta V., Fiorentino G., Martinelli M. C.** Plant remains and AMS: dating climate change in the Aeolian Islands (northeastern Sicily) during the 2nd millennium BC. *Radiocarbon*, 2012, no. 54 (3–4), pp. 689–700.
- Chikunova I. Yu., Yakimov A. S.** Gorodishche Cherepanikha 2: K voprosu ob opredelenii statusa [Settlement Cherepanikha 2: Attribution of status]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2012, vol. 37, no. 4, pp. 31–41. (in Russ.)
- Danchenko E. M., Grishaeva O. E.** Pozdnekulaiskaya keramika Speranovskogo gorodishcha [Late Kulai ceramics of the Speranovsky settlement]. In: *Keramika kak istoricheskii istochnik* [Ceramics as a historical source]. Tobolsk, 1996, pp. 53–56. (in Russ.)
- Danchenko E. M., Orlova L. A., Grachev M. A.** Rezul'taty radiouglerodnogo issledovaniya obraztsov organiki s Krasnoyarskogo arkheologicheskogo kompleksa [Results of radiocarbon dating of organic samples from the Krasnoyarsk archaeological complex]. In: *Materialy XV Mezhdunarodnoi zapadosibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii* [Proceedings of the XV International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference]. Tomsk, Agraf-Press, 2010, pp. 410–413. (in Russ.)
- Fyfe J. J., Broatch J. R., Trewin A. J., Hanson E. D., Argus Ch. K., Garnham A. P., Halson S. L., Polman R. C., Bishop D. J., Petersen A. C.** Cold Water Immersion Attenuates Anabolic Signaling and Skeletal Muscle Fiber Hypertrophy, but Not Strength Gain, Following

- Whole-Body Resistance Training. *Journal of Applied Physiology*, 2019, no. 127 (5), pp. 1403–1418. DOI 10.1152/jappphysiol.00127.2019
- Koryakova L. N., Morozov V. N., Sukhanova T. Yu.** Poselenie Ipkul' XV – pamyatnik perekhodnogo perioda ot rannego zheleznogo veka k srednevekov'yu v Nizhnem Pritobol'e [The Ipkul XV settlement – a monument of the transitional period from the early Iron Age to the Middle Ages in the Lower Tobol region]. *Voprosy arkheologii Urala*, 1988, vol. 19, pp. 117–129. (in Russ.)
- Koryakova L. N., Deyr M. I., Kovrigin A. A., Sharapova S. V., Berseneva N. A., Panteleeva S. E., Razhev D. I., Kurto P., Khenks B., Efimova E. G., Kazdym A. A., Mikryukova O. V., Sakharova A. O.** Sreda, kul'tura i obshchestvo lesostepnogo Zaural'ya vo vtoroi polovine I tys. do n. e. po materialam Pavlinovskogo arkheologicheskogo kompleksa [Environment, culture, and society of the forest-steppe Trans-Urals in the second half of the 1st millennium BC based on materials from the Pavlinovsky archaeological complex]. Ekaterinburg, Surgut, Magellan Publ., 2009, 298 p. (in Russ.)
- Kruglov E. V.** Pogrebal'nyi obryad oguzov Severnogo Prikaspiya 2-i pol. IX – 1-i pol. XI veka [Funeral rite of the Oghuz of the Northern Caspian region, 2nd half of the 9th – 1st half of the 11th century]. In: Stepi Evropy v epokhu Srednevekov'ya [The steppes of Europe in the Middle Ages]. Donetsk, DonNU Press, 2001, vol. 2, pp. 395–446. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Tretyakov E. A., Ovchinnikov I. Yu.** K otsenke sotsial'no-ekonomicheskoi roli lesostepnykh zapadnosibirskikh gorodishch epokhi srednevekov'ya po ostatkam metallurgicheskogo proizvodstva [The Assessment of the Socio-Economic Role of Forest-Steppe West Siberian Medieval Fortified Settlements by Remains of Metallurgical Production]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University, Humanities & Social Sciences]. 2024, vol. 17, no. 9, pp. 1723–1734. (in Russ.)
- Matveeva N. P.** Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov sargatskoi kul'tury (Zapadnaya Sibir') [Radiocarbon chronology of Sargat culture monuments (Western Siberia)]. *Rossiiskaya arkheologiya*, 2017, no. 4, pp. 3–20. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Berlina S. V., Rafikova T. N.** Kolovskoe gorodishche [Kolovskoe settlement]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 228. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Orlova L. A., Rafikova T. N.** Novye dannye po radiouglerodnoi khronologii Zaural'ya srednevekovoi epokhi [New data on radiocarbon chronology of the Trans-Urals of the medieval era]. *Rossiiskaya arkheologiya*, 2009, no. 1, pp. 140–151. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Plasteeva N. A., Chikunova I. Yu.** Gorodishche Konyashino-2 v podtaezhnom Zaural'e [Konyashino-2 ancient settlement in the subtaiga Trans-Urals]. *AB ORIGINE*, 2013, no. 5, pp. 34–64. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Rafikova T. N.** Novye dannye o yudinskoi kul'ture (po materialam Krivoluknskogo gorodishcha) [New data on the Yudin culture (based on materials from the Krivolukskoe settlement)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2005, no. 6, pp. 105–116. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Tretyakov E. A., Zelenkov A. S.** Khronologiya srednevekovogo veshchevogo kompleksa Papskogo gorodishcha (lesostep' Zapadnoi Sibiri) [Chronology of the medieval material complex of the Papal settlement (forest-steppe of Western Siberia)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2020, vol. 48, no. 1, pp. 43–52. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Zaitseva E. A.** Issledovanie srednevekovogo gorodishcha Barsuch'e v lesnom Zaural'e [Study of the medieval settlement Barsuchye in the forest Trans-Urals]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2004, no. 5, pp. 51–63. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Larina N. S., Berlina S. V., Chikunova I. Yu.** Kompleksnoe izuchenie uslovii zhizni drevnego naseleniya Zapadnoi Sibiri [Comprehensive study of living conditions of the ancient population of Western Siberia]. Novosibirsk, 2005, 229 p. (in Russ.)
- Morozov V. M., Kovrigin A. A.** Srednevekovyi kompleks Prygovskogo gorodishcha [Medieval complex of the Prygov settlement]. In: III Versovskie chteniya. Ekaterinburg, 1999, pp. 65–71. (in Russ.)

- Panteleeva S. E.** Khronostratigrafiya Pavlinova gorodishcha: po rezul'tatam analiza keramiki [Chronostratigraphy of the Pavlinovo settlement: Based on the results of ceramics analysis]. Cand. Hist. Sci. Syn. Diss. Ekaterinburg, 2006, 24 p. (in Russ.)
- Rafikova T. N., Berlina S. V.** Zhilishcha bakal'skoy kul'tury Ust'-Tersyukskogo-1 gorodishcha. [Dwellings of the Bakal culture of the Ust-Tersyuk-1 settlement]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*, 2011, vol. 46, iss. 2, p. 95–101. (in Russ.)
- Rafikova T. N.** Bakal'skaya kul'tura lesostepnogo i podtaezhnogo Tobolo-Ishim'ya [Bakal culture of the forest-steppe and subtaiga Tobol-Ishim region]. Cand. Hist. Sci. Syn. Diss. Tyumen, 2011, 24 p. (in Russ.)
- Sharapova S. V.** Verkhnyaya khronologicheskaya granitsa sargatskoi kul'tury [Upper chronological boundary of the Sargat culture]. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, 2020, vol. 19, no. 2, pp. 218–246. (in Russ.)
- Shennan S., Downey S. S., Timpson A. et al.** Regional population collapse followed initial agriculture booms in mid- Holocene Europe. *Nature Communications*, 2013, no. 4: 2486.
- Tkachev A. A., Tkachev Al. Al., Rafikova T. N.** Sarovskii kompleks s ozera Singul' [Sarov complex from Lake Singul]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2020, vol. 49, no. 2, pp. 67–76. (in Russ.)
- Tretyakov E. A.** Khronologicheskie komplekсы средневековых памятников Западной Сибири [Chronological complexes of medieval monuments of Western Siberia]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2022, vol. 56, no. 1, pp. 134–147. (in Russ.)
- Tretyakov E. A.** K izucheniyu dinamiki zaseleniya lesnogo Zaural'ya v kontse I – pervoi polovine II tys. n. e. (po materialam komplekсов бассейна р. Туры) [To study the dynamics of settlement of the forest Trans-Urals at the end of the 1st – first half of the 2nd millennium A.D. (based on materials from the complexes of the Tura River basin)]. *AB ORIGINE*, 2024, no. 13, pp. 121–159. (in Russ.)
- Tsembalyuk S. I., Zimina O. Yu., Ryabogina N. E., Ivanov S. N.** Issledovanie poseleniya Chechkino 4 v Yarkovskom rayone Tyumenskoi oblasti [Study of the Chechkino 4 settlement in the Yarkovsky district of the Tyumen region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2009, no. 11, pp. 57–70. (in Russ.)
- Turova N. P.** Kolleksiya naremennoi garnitury rubezha I–II tys. n. e. iz nekropolya yudinskoi kul'tury [A collection of belt accessories dated back to the 1st – 2nd thousand A.D. found at a necropolis of yudinsky tribe culture]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2016, vol. 33, no. 2, pp. 63–76. (in Russ.)
- Williams A. N.** The use of summed radiocarbon probability distributions in archaeology: a review of methods. *Journal of Archaeological Science*, 2012, vol. 39, no. 3, pp. 578–589.
- Zakh V. A.** Gorodishche Lastochkino Gnezdo 1 v nizhnem Priishim'e [The Lastochkino Gnezdo 1 settlement in the lower Ishim region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2009, vol. 11, pp. 67–80. (in Russ.)

Информация об авторах

Александр Сергеевич Зеленков, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57219746752
WoS Researcher ID A-5847-2017
RSCI Author ID 808906
SPIN 1889-4516

Евгений Алексеевич Третьяков, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57213626432

WoS Researcher ID AAG-3175-2021

RSCI Author ID 997890

SPIN 2449-9782

Information about the Authors

Aleksander S. Zelenkov, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57219746752

WoS Researcher ID A-5847-2017

RSCI Author ID 808906

SPIN 1889-4516

Evgenii A. Tretyakov, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57213626432

WoS Researcher ID AAG-3175-2021

RSCI Author ID 997890

SPIN 2449-9782

*Статья поступила в редакцию 12.10.2024;
одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 24.01.2025
The article was submitted on 12.10.2024;
approved after reviewing on 17.01.2025; accepted for publication on 24.01.2025*

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-113-125

Археозоологические материалы из раскопок 2023 года на городище Уфа-II: общая характеристика

Антон Владимирович Кисагулов¹

Мария Павловна Маслинцына²

Фанис Фларисович Сафуанов³

^{1, 2} Институт экологии растений и животных
Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия

³ Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа»
Уфа, Россия

¹ akis9119@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8653-8359>

² mashamaslinsina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-2063-8382>

³ safuanov30@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5554-2905>

Аннотация

Публикуются результаты анализа археозоологической коллекции, собранной в ходе раскопок поселенческого памятника эпохи раннего Средневековья городища Уфа-II в 2023 г. Исследования проходили на локальном участке в юго-западной части памятника. В ходе работ было установлено, что культурный слой на данном участке подвергся мощному антропогенному воздействию во второй половине XX в. – начале XXI в., повлекшему за собой уничтожение / смещение слоев эпохи Средневековья и Нового времени. В связи с данным обстоятельством, результаты археозоологического исследования 2023 г. не позволяют в полной мере привязать остеологический материал к культурным группам раннего Средневековья и Нового времени. В коллекции присутствовали кости млекопитающих, птиц и рыб. Части костей млекопитающих принадлежат в основном домашним животным, доля диких видов незначительна.

Ключевые слова

археозоология, археология, Южный Урал, р. Белая, раннее Средневековье, Новое время

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н. э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование»

Для цитирования

Кисагулов А. В., Маслинцына М. П., Сафуанов Ф. Ф. Археозоологические материалы из раскопок 2023 года на городище Уфа-II: общая характеристика // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 113–125. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-113-125

© Кисагулов А. В., Маслинцына М. П., Сафуанов Ф. Ф., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 113–125
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 113–125

Archaeozoological Materials from the 2023 Excavations on the Ufa-II Settlement: General Description

Anton V. Kisagulov¹, Maria P. Maslitsyna², Fanis F. Safuanov³

^{1,2} Institute of Plant and Animal Ecology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russian Federation

³ Republican Historical and Cultural Museum-Reserve “Ancient Ufa”
Ufa, Russian Federation

¹ akis9119@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8653-8359>

² mashamaslitsina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-2063-8382>

³ safuanov30@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5554-2905>

Abstract

Purpose. The article publishes the results of the analysis of the archaeozoological collection from the settlement site of the early Middle Ages in the South Ural region – the Ufa-II settlement, located in the historical center of the capital of the Republic of Bashkortostan (excavation of 2023).

Results. It was established that the cultural site in this area was subjected to powerful anthropogenic impact in the second half of the 20th century – early 21st century which entailed the destruction / mixing of the layers of the Middle Ages and the New Age. In connection with this circumstance, the results of the archaeozoological study of 2023 do not allow to fully link the osteological material to the cultural groups of the early Middle Ages and to the cultural layer of the New Age. The collection includes bones of mammals, birds and fish. A significant part of mammalian bones belong to domestic animals, the share of wild species is insignificant.

Conclusion. The dominant species are cattle and small cattle in all conditional strata. Despite the lack of clear chronological boundaries of the cultural strata of the early Middle Ages and the New Age at the site of archaeological excavations in 2023, the composition and ratio of species are similar to the archaeozoological descriptions of previous years. The main source of meat products for the population of the settlement was livestock. Hunting and fishing made up an insignificant part of the population's economy.

Keywords

archaeozoology, archeology, Southern Urals, Belaya River, early Middle Ages, New Age

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian National Science Foundation grant no. 23-78-10057 “Dynamics of cultural development and development of the Southern Urals from antiquity to becoming part of Russia (4th century BC – 16th century): interdisciplinary archaeological research”

For citation

Kisagulov A. V., Maslitsyna M. P., Safuanov F. F. Archaeozoological Materials from the 2023 Excavations on the Ufa-II Settlement: General Description. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 113–125. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-113-125

Введение

Городище Уфа-II – памятник, расположенный на территории современного города Уфы, на высоком мысу коренной террасы правого берега р. Белой, ограниченном с двух сторон глубокими оврагами, по дну которых протекали ручьи, впадающие в Белую [Проценко, Сафуанов, 2024, с. 100]. Исследователи выделяют несколько этапов функционирования городища: 1) от III–IV до VIII – первой половины IX в.; 2) XI–XIV вв. [Белявская и др., 2022, с. 22–26; Гарустович и др., 2018; Иванов, 2011; Ищеригов, 1959; Ищеригов, Мажитов, 1962; Проценко и др., 2019; Проценко, Сафуанов, 2024, с. 100; Сунгатов и др., 2018, с. 162]. В ходе многолетних археологических исследований (1957, 1958, 1990, 2006–2018, 2021–2023 гг.) получен огромный пласт различных находок, в том числе богатый археозоологический материал, позволивший установить роль охоты, рыбной ловли и животноводства в жизнеобеспечении раннесредневекового населения лесостепного Предуралья [Аськеев и др., 2009; 2011; 2013; Маслинцына, 2023; Маслинцына, Гимранов, 2024; Романов, 2013; 2020; Романов, Русланов, 2015; Романов, Шевченко, 2015; Русланов и др., 2016; Сатаев и др., 2011; Сатаев, Куф-

терин, 2014; Шамсутдинов и др., 2015]. Результаты археологических работ освещены в многочисленных публикациях и монографиях [Белявская, 2019; Белявская, Проценко, 2018; Белявская и др., 2022; Проценко, Сафуанов, 2024; Русланов и др., 2016; Русланова и др., 2019; Романов, 2020; Шамсутдинов и др., 2015]. История изучения городища не раз была опубликована, наиболее полный обзор представлен в монографии, посвященной результатам раскопок 2017 г. [Белявская и др. 2022, С. 7–28], также исследователями была предпринята попытка обобщения результатов естественнонаучных работ на памятнике [Романов, 2020; Шамсутдинов и др., 2015].

Основная задача этой работы – представить результаты изучения археозоологической коллекции, собранной во время раскопок 2023 г. на городище Уфа-II. Исследования проводились в юго-западной части цитадели городища, которая ограничена улицами Пушкина с севера, Воровского с востока, строительным котлованом с юга и запада. За два полевых сезона (2022 и 2023 гг.) этот локальный участок культурного слоя городища был полностью изучен [Проценко и др., 2024, с. 4, 5]. Результаты археозоологического анализа материалов раскопа 2022 г. опубликованы в отдельной работе [Кисагулов, Проценко, 2023]. В ходе раскопок 2023 г. из культурного слоя мощностью от 0,3 м (восточная часть раскопа) до 1 м (центральная и западная части раскопа) на площади 77 кв. м получена внушительная коллекция керамического (1 311 ед.) и остеологического (2 133 ед.) материала. Керамический материал представлен фрагментами лепных сосудов населения IV–VIII вв. н. э., относящихся к имендьяшевской, бахмутинской, турбаслинской, романовско-именьковской культурной группе, и гончарных сосудов XVIII–XIX вв., связанных с бытованием уфимских горожан на данном участке. Коллекция индивидуальных находок (37 ед.) из раскопа городища Уфа-II в 2023 г. представлена изделиями из глины (пряслице), камня, кости (рукоятки, наконечник стрелы), металла (пуговицы, фрагмент упряжного бубенца, кованые гвозди, наконечники копий, монеты), стекла (фрагмент бусины, клейма, флаконы).

Культурный слой исследованного в 2023 г. локального участка городища Уфа-II был сильно переотложен в результате мощного антропогенного воздействия во второй половине XX – начале XXI в. (хозяйственная деятельность местных жителей, хозяйственные и жилые постройки, расширение улиц и городских сетей коммуникаций, строительные работы). Антропогенное воздействие повлияло на стратиграфическое залегание находок, по данной причине невозможно проследить смену культурных групп на основе анализа полученного археологического материала. Керамическая коллекция во всех условных горизонтах представлена фрагментами лепных сосудов раннего Средневековья и гончарной посуды Нового времени. Соотношение двух видов керамического материала во всех горизонтах имеет практически равные показатели (56,8 % – лепная, 43,2 % – гончарная). Большинство индивидуальных находок, соотносимых с периодом раннего Средневековья, происходят из 3 и 4 горизонтов, единичные находки представлены в 1, 5 и 6 горизонтах [Проценко и др., 2024, с. 13–19]. Индивидуальные находки Нового времени найдены в большинстве случаев в 1, 2 и 5 горизонтах [Там же, с. 13–15].

Таксономическая диагностика костного материала проводилась путем сравнения артефактов с эталонными коллекциями скелетов из музея ИЭРиЖ УрО РАН (Екатеринбург). Возраст забоя домашних копытных устанавливался по смене зубов [Silver, 1969, p. 283–302]. При анализе соотношения отделов скелета все кости были сгруппированы следующим образом. К костям головы отнесены череп, нижняя челюсть и рога. Изолированные зубы вынесены в отдельную категорию. В туловищный отдел включены позвонки, ребра, грудина. К проксимальному отделу конечностей отнесены лопатка, плечевая, лучевая с локтевой, тазовые кости, бедренная и берцовые кости. К дистальному отделу конечностей отнесены метаподиальные кости (пять и плюсна), мелкие кости запястья и плюсны, а также фаланги.

Результаты исследования

Остеологические материалы представлены 2 133 экземплярами (табл. 1). Из них 2 039 (96 %) принадлежит млекопитающим, 83 – птицам (3 %) и 11 рыбам. Таксономическая принадлежность определена для 973 костей млекопитающих (48 %). Неопределимые до вида кости ($n = 1\ 066$) можно разделить на 2 группы. Первая группа – крупные млекопитающие (650 костей, 61 %). Эти кости могут принадлежать крупному рогатому скоту, лошади, лосю, благородному оленю, бурому медведю. Вторая группа – млекопитающие более мелкой размерной группы (416 костей, 39 %). К этой группе могут относиться кости мелкого рогатого скота, свиньи, собаки, волка, сибирской косули.

Таблица 1

Таксономический состав костных остатков, экз.

Table 1

Taxonomic composition of bone remains, ex.

Таксон	Горизонт					Всего
	II	III	IV	V	VI	
Крупный рогатый скот – <i>Bos taurus</i>	116	55	72	44	56	343
Мелкий рогатый скот – <i>Capra hircus</i> et <i>Ovis aries</i>	103	93	49	54	50	349
Овца – <i>Ovis aries</i>	–	3	6	4	3	16
Коза – <i>Capra hircus</i>	–	–	1	1	–	2
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	46	33	23	48	31	181
Свинья – <i>Sus scrofa domestica</i>	31	4	8	15	6	64
Верблюд – <i>Camelus</i> sp.	–	–	–	1	1	2
Собака – <i>Canis familiaris</i>	2	–	–	–	–	2
Кошка – <i>Felis catus</i>	3	–	–	–	–	3
Сибирская косуля – <i>Capreolus pygargus</i>	1	–	–	3	–	4
Бурый медведь – <i>Ursus arctos</i>	2	–	–	–	–	2
Заяц-беляк – <i>Lepus timidus</i>	2	–	–	–	–	2
Речной бобр – <i>Castor fiber</i>	–	–	–	3	–	3
Млекопитающие неопределимые – <i>Mammalia indet.</i>	365	156	92	235	218	1 066
Домашняя курица – <i>Gallus gallus</i> f. <i>domestica</i>	26	8	–	10	16	60
Глухарь – <i>Tetrao urogallus</i>	1	–	–	–	–	1
Тетерев – <i>Lyrurus tetrix</i>	–	–	–	–	1	1
Кряква – <i>Anas platyrhynchos</i>	–	1	–	–	–	1
Серый гусь – <i>Anser anser</i>	1	–	–	–	–	1
Кряква/Домашняя утка – <i>Anas platyrhynchos</i> / <i>platyrhynchos</i> f. <i>domestica</i>	2	–	–	1	–	3
Серый / домашний гусь – <i>Anser anser</i> / <i>anser</i> f. <i>domestica</i>	1	2	–	–	–	3
Речная утка – <i>Anas</i> sp.	–	1	–	–	1	2
Гусь – <i>Anser</i> sp.	1	2	–	1	–	4
Сизый голубь – <i>Columba livia</i>	–	–	–	2	–	2
Утиные – <i>Anatidae</i> indet.	–	1	–	–	–	1
Птицы неопределимые – <i>Aves</i> indet.	–	–	–	2	2	4
Налим – <i>Lota lota</i>	1	–	–	4	2	7
Рыбы неопределимые – <i>Pisces</i> indet.	–	4	–	–	–	4
Всего	704	363	251	428	387	2 133

Всего определено 12 таксонов млекопитающих. По численности кости домашних видов млекопитающих значительно преобладают над костями диких видов (99 и 1 % соответственно). Во всех горизонтах доминируют костные останки домашних копытных (крупный и мел-

кий рогатый скот, лошадь, свинья) (см. табл. 1). Среди домашних копытных наиболее многочисленны кости мелкого и крупного рогатого скота. Ниже доля лошади и свиньи. Единичные кости диких видов млекопитающих не обнаруживают тенденций в распределении по горизонтам.

Крупный рогатый скот. Среди костных остатков крупного рогатого скота представлены все элементы скелета (табл. 2), что говорит о разделке туш на городище. Не отмечено ни одного рога или фрагмента черепа с рогом, однако в материалах раскопок предыдущих лет попадались отрубленные рога и фрагменты черепов с рогами [Кисагулов, Проценко, 2023]. Преобладают кости туловища и конечностей. Высокая доля костей дистального отдела конечностей объясняется большим числом мелких костей в пястных и плюневых суставах, а также фаланг. Высокий процент туловищного отдела и проксимального отдела конечностей отвечает потреблению в пищу наиболее мясных частей туши. По таранным костям был восстановлен рост в холке для 7 особей. Он колеблется от 103 до 127 см.

Анализ возрастных групп крупного рогатого скота показал преобладание взрослых особей, возрастом старше 2 лет (табл. 3). Присутствуют полувзрослые особи (1,5–2 года), особи младше 1,5 лет не отмечены. Высокая доля взрослых животных указывает на комплексное мясомолочное направление скотоводства.

Таблица 2

Распределение костей по отделам скелета, экз.

Table 2

Distribution of bones by sections of the skeleton, ex.

Отдел скелета	Горизонт					Всего
	II	III	IV	V	VI	
Крупный рогатый скот / Cattle						
Голова	6	7	5	6	10	34
Зубы	3	4	2	9	5	23
Туловище	49	18	45	15	18	145
Проксимальный отдел конечностей	23	15	6	4	10	58
Дистальный отдел конечностей	35	11	14	10	13	83
Мелкий рогатый скот / Small cattle						
Голова	3	9	5	6	4	27
Зубы	10	5	2	13	3	33
Туловище	40	41	27	12	21	141
Проксимальный отдел конечностей	34	26	14	14	16	104
Дистальный отдел конечностей	16	15	8	14	9	62
Лошадь / Horse						
Голова	1	–	3	6	1	11
Зубы	9	2	1	21	5	38
Туловище	9	12	9	–	12	42
Проксимальный отдел конечностей	12	11	5	8	6	42
Дистальный отдел конечностей	15	8	5	13	7	48
Свинья / Pig						
Голова	3	2	5	6	4	20
Зубы	3	–	–	2	–	5
Туловище	5	1	2	–	1	9
Проксимальный отдел конечностей	13	–	1	5	1	20
Дистальный отдел конечностей	7	1	–	2	–	10

Таблица 3

Возрастной состав животных, число особей

Table 3

Age composition of animals, number of individuals

Возраст	Горизонт					Всего
	II	III	IV	V	VI	
Крупный рогатый скот / Cattle						
18–24 месяца	–	–	–	1	1	2
старше 2 лет	1	1	1	1	1	5
Мелкий рогатый скот / Small cattle						
9–18 месяцев	1	–	2	3		6
старше 2 лет	4	4		2		10
Лошадь / Horse						
1–2 года	1	–		1	–	2
старше 3,5 лет	2	1		2	1	6
Свинья / Pig						
Младше 4 месяцев	–	1	–	1		2
4–7 месяцев	–	1	–	1		2
7–17 месяцев	–	–	2	1		3
Старше 1,5 лет	1	–	–	–		1

Мелкий рогатый скот. Наибольшую долю среди всех остатков мелкого рогатого скота составляют кости туловищного отдела и проксимального отдела конечностей, т. е. наиболее мясные части туши (см. табл. 2).

Возрастной состав мелкого рогатого скота аналогичен возрастному составу крупного рогатого скота – преобладают взрослые особи старше 2 лет, вторую возрастную категорию составляют полувзрослые особи (см. табл. 3). Содержание взрослых особей овец и коз может свидетельствовать об их использовании для получения шерсти.

Лошадь. Все крупные кости лошади разбиты на фрагменты. К немногочисленным целым костям относятся мелкие кости запястья и заплюсны, а также фаланги (см. табл. 2). Это может говорить об употреблении лошади в пищу.

Соотношение возрастных групп у лошади указывает на использование животных древним населением как для получения мяса (молодые особи возрастом 1–2 года), так и в качестве ездовых и вьючных животных (взрослые особи старше 3,5 лет) (см. табл. 3). Отмечен зуб с сильно стертой коронкой, принадлежащий старой особи (старше 10 лет). Вероятно, старые особи могли использоваться при выпасе стада.

Свинья. Среди костных остатков свиней представлены все элементы скелета (см. табл. 2), с преобладанием костей головы и проксимальных частей конечностей (по 31 % для каждого отдела). Такое распределение характерно для кухонных остатков. Проксимальный отдел конечностей наиболее мясной, а черепа могли дробить для извлечения мозга.

Среди возрастных групп преобладают молодые особи, возрастом до полутора лет (см. табл. 3). Один зуб сильно стерт и принадлежал старой особи. Вероятно, молодых свиней забивали для получения мясной продукции, при этом оставляя малую часть свиноматок для поддержания стада.

Верблюд. Единичные находки костей вьючного животного, нехарактерного для нашего региона, можно объяснить торговыми связями населения городища с народами Средней и Центральной Азии.

Собака. Всего определено 2 кости – плечевая и лучевая. Обе кости без следов обработки и принадлежат павшим животным.

Кошка. Единичные ($n = 3$) кости кошки принадлежат павшим животным.

Сибирская косуля. Виду принадлежит 4 кости. Крупные кости (2 таза и бедро) представлены фрагментами, третья фаланга целая.

Бурый медведь. В материалах 3 горизонта квадрата БЗ найдены таранная кость и третья (когтевая) фаланга. Обе кости целые, без следов обработки.

Речной бобр. Все 3 кости (плечевая, бедренная и зуб) найдены в материалах 5 горизонта квадрата А1.

Птицы. Ранее другими авторами приводилась общая доля костей птиц в целом, без уточнения таксономической принадлежности остатков. Лишь в работах последних лет приводятся видовые списки домашних и диких птиц из раскопок Уфы-II [Кисагулов, Проценко, 2023; Маслинцына, 2023; Маслинцына, Гимранов, 2024]. В раскопе 2023 г. среди домашних видов достоверно определена домашняя курица. Кости этого вида доминируют по численности ($n = 60$, 72 % от всех костей птиц). Среди диких видов определены тетерев, глухарь, кряква, серый гусь, сизый голубь. Стоит отметить, что часть костных остатков не определена до вида или даже до рода в силу схожести строения костей у близкородственных видов или домашних и диких форм одного и того же вида. Выявленные таксоны птиц были ранее отмечены для местонахождения городища Уфа-II и для других местонахождений позднего голоцена этого региона [Сатаев, 2005; Романов, Русланов, 2015; Романов, Шевченко, 2015; Danukalova et al., 2020; Маслинцына, 2023; Маслинцына, Гимранов, 2024]. Структура сообщества птиц городища Уфа-II по доминирующим и редким группам близка к таковым из синхронных памятников Урало-Поволжья. Наличие костных остатков домашней курицы и домашнего гуся в предыдущих раскопах [Маслинцына, Гимранов, 2024] позволяет говорить о птицеводстве на территории городища. Была распространена охота на водоплавающих птиц и боровую дичь. Большое количество костных остатков таксонов водоплавающих птиц объясняется местоположением городища – оно находится на месте слияния двух рек – Белой и Уфы.

Рыбы. Среди немногочисленных костей рыб ($n = 11$) до вида определено 7 позвонков, принадлежащих налиму. Доля костных остатков рыбы в разных раскопах городища Уфа-II всегда была невелика [Сатаев, Куфтерин, 2014; Пластеева и др., 2022; Кисагулов, Проценко, 2023]. Несмотря на то что остатки рыб встречаются почти во всех условных горизонтах, вероятно, рыболовство не играло значимой роли в хозяйстве древнего населения городища.

Заключение

Анализ таксономической принадлежности костных остатков материалов археологических раскопок 2023 г. показал, что во всех условных горизонтах доминантами являются крупный и мелкий рогатый скот. Лошадь занимает третье место по численности. Доля костей лошади, превышает численность костей КРС лишь в 5 горизонте. Кости свиньи на всех условных горизонтах не многочисленны. Несмотря на отсутствие четких хронологических границ культурных напластований эпохи раннего Средневековья и Нового времени на участке археологических раскопок 2023 г., состав и соотношение видов схожи с археозоологическими описаниями предыдущих лет, в том числе и с результатами анализа материалов этого же участка раскопа в 2022 г. [Девяшин и др., 2023; Кисагулов, Проценко, 2023; Проценко, Сафуанов, 2024]. Опираясь на результаты анализа археозоологической коллекции в совокупности с керамическим материалом в исследованиях 2018 г. [Проценко, Сафуанов, 2024], где количество костного материала увеличивается в пластах эпохи раннего Средневековья, материалы 2023 г. с большой долей вероятности можно отнести к кухонным отбросам жителей именно этого периода существования городища. Доля находок костного материала Нового времени, по нашему мнению, незначительна и не влияет на общую картину.

Главным источником мясной продукции у населения городища являлся домашний скот. Охота и рыболовство составляли незначительную часть в хозяйстве населения (доля костей

диких видов 1 % от всех определимых до вида или рода остатков). Все представленные дикие виды обычны для рассматриваемого региона.

Список литературы

- Аськеев И. В., Аськеев О. В., Галимова Д. Н.** Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Отв. ред. М. Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 32–112.
- Аськеев И. В., Аськеев О. В., Галимова Д. Н.** Археоихтиологические исследования на территории Волжско-Камского края // Археология и естественные науки Татарстана. Посвящается памяти доктора биологических наук Айды Григорьевны Петренко / Отв. ред. М. Ш. Галимова. Казань: Фолиант, 2011. Кн. 4. С. 44–156.
- Аськеев И. В., Галимова Д. Н., Аськеев О. В.** Ихтиофауна позднего голоцена Средневожского бассейна (по материалам археологических раскопок) // Зоологический журнал. 2013. Т. 92, № 9. С. 1014–1030.
- Белявская О. С.** Результаты раскопок городища Уфа-II // Археологические открытия. 2017 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 355–358.
- Белявская О. С., Проценко А. С.** Керамический комплекс городища Уфа-II как отражение этнокультурных процессов в эпоху средневековья // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Международный научный симпозиум, посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н. А. Мажитова (Уфа, 6–7 декабря 2018 г.): Сб. материалов / Под общ. ред. А. И. Уразовой. Уфа: Мир печати, 2018. С. 204–224.
- Белявская О. С., Проценко А. С., Курманов Р. Г.** Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. 293 с.
- Гарустович Г. Н., Овсянников В. В., Русланов Е. В.** Городище Уфа-II в золотоордынский период // Oriental Studies. 2018. № 11 (4). С. 32–42.
- Девяшин М. М., Пластеева Н. А., Белявская О. С., Романов А. А.** Млекопитающие в быту населения средневекового городища Уфа-II // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2023. № 86. С. 196–204. DOI 10.17223/19988613/86/24
- Иванов В. А.** Городище Уфа-II («город Башкорт») на археологической карте Уфимского полуострова // От древности к Новому времени (проблемы истории и археологии). Уфа: БашГУ, 2011. Вып. 16. С. 136–149.
- Ищеригов П. Ф.** Городище Уфа-II // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 97–113.
- Ищеригов П. Ф., Мажитов Н. А.** Городище Уфа-II // Археология и этнография Башкирии. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1962. Т. 1. С. 140–150.
- Кисагулов А. В., Проценко А. С.** Археозоологические материалы из раскопок 2022 г. на городище Уфа II // Археология Евразийских степей. 2023. № 5. С. 259–267.
- Маслинцына М. П.** Костные остатки птиц из средневекового городища Уфа-II // 300-летие Российской академии наук – археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия / Отв. ред. С. В. Алкин, И. В. Октябрьская. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 226–228.
- Маслинцына М. П., Гимранов Д. О.** Новые данные о птицах из средневекового памятника Уфа-II // Археология Евразийских степей. 2024. № 1. С. 89–97.
- Пластеева Н. А., Девяшин М. М., Романов А. А.** Результаты изучения костных остатков млекопитающих городища Уфа-II // Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. С. 160–189.
- Проценко А. С., Шамсутдинов М. Р., Гумеров М. М.** Современное состояние изучения городища Уфа-II на Южном Урале. Междисциплинарные аспекты научной темы // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований:

- В 2 кн. / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. Кн. 1. С. 60–62.
- Проценко А. С., Сафуанов Ф. Ф.** О посадке городища Уфа-II: к 70-летию научного изучения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 98–110. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-98-110
- Проценко А. С., Сафуанов Ф. Ф., Камалеев Э. В., Кисагулов А. В.** Древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2022–2023 годов. Уфа: Первая типография, 2024. 88 с.
- Романов А. А.** Результаты изучения остатков животных из культурного слоя городища Уфа-2 по материалам раскопок 2011–2012 гг. // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия: научные публикации, посвященные 80-летию юбилею Н. А. Мажитова. Уфа: БашГУ, 2013. С. 55–61.
- Романов А. А.** Естественнонаучные исследования раннесредневековых напластований городища Уфа-2 // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. 2020. № 4 (36). С. 284–310.
- Романов А. А., Русланов Е. В.** Кости млекопитающих и птиц из культурного слоя археологического памятника эпохи раннего средневековья «Городище Уфа-II» (по материалам раскопок 2015 г.) // VIII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых / Отв. ред. А. Н. Султанова. Уфа: БашГУ, 2015. С. 65–72.
- Романов А. А., Шевченко А. М.** Кости животных из культурного слоя археологического памятника раннего средневековья «Уфа-2» // Научные труды SWorld. 2015. Т. 19, № 2 (39). С. 61–65.
- Русланов Е. В., Шамсутдинов М. Р., Романов А. А.** Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года. Уфа: Древняя Уфа, 2016. 276 с.
- Русланова Р. Р., Русланов Е. В., Белявская О. С.** Металлические изделия и относительная хронология средневекового городища Уфа-II в лесостепном Приуралье // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2019. № 58. С. 159–170.
- Сатаев Р. М.** Экологическая интерпретация палеофаунистических материалов (на примере голоценовых местонахождений наземных позвоночных Башкирского Южного Урала): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Казань, 2005. 24 с.
- Сатаев Р. М., Сатаева Л. В., Куфтерин В. В., Гимранов Д. О., Султанов Р. Р.** Особенности природопользования средневекового населения Уфимского полуострова // Изв. СамНЦ РАН. 2011. Т. 13, № 5-3. С. 101–105.
- Сатаев Р. М., Куфтерин В. В.** Новые археозоологические исследования на городище Уфа-II (материалы 2012 года) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани / Ред. А. Г. Ситдинов, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. Т. 3. С. 333–336.
- Сунгатов Ф. А., Султанова А. Н., Бахшиева А. К., Мухаметдинов В. И., Русланова Р. Р., Русланов Е. В.** К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья. Уфа: Самрау, 2018. 335 с.
- Шамсутдинов М. Р., Русланов Е. В., Романов А. А., Тагирова Р. Ш.** Городище Уфа II. Материалы раскопок 2014 года. Уфа: ДизайнПресс, 2015. 320 с.
- Danukalova G., Kosintsev P., Yakovlev A., Yakovleva T., Osipova E., Kurmanov R., Kolf-schoten T., Izvarin E.** Quaternary deposits and biostratigraphy in caves and grottoes located in the Southern Urals (Russia) // Quaternary International. 2020. Vol. 546. P. 84–124.
- Silver I. A.** The ageing of domestic animals. S. n., 1969.

References

- Askeev I. V., Galimova D. N., Askeev O. V.** Ikhtiofauna pozdnego golotsena Srednevolzhskogo basseyna (po materialam arkheologicheskikh raskopok) [Ichthyofauna of the middle Volga riv-

- er basin in the late holocene (based on archaeological excavations)]. *Zoologicheskii zhurnal* [Zoological Journal], 2013, vol. 92, no 9, pp. 1014–1030. (in Russ.)
- Askeev I. V., Askeev O. V., Galimova D. N.** Arkheoikhtiologicheskie issledovaniya na territorii Volzhsko-Kamskogo kraia [Archeoichthyological studies on the territory of the Volga-Kama region]. In: Galimova M. Sh. (ed.). *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana* [Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan]. Kazan, Foliant Publ., 2011, vol. 4, pp. 44–156. (in Russ.)
- Askeev I. V., Askeev O. V., Galimova D. N.** Prirodnaya sreda i chelovek v Volgo-Kam'e i Predural'e (pozdnii paleolit – srednevekov'e) [Natural environment and people in the Volga-Kama region and the Urals (Late Paleolithic-Middle Ages)] In: Galimova M. Sh. (ed.). *Srednee Povolzh'e i Yuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti* [The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory]. Kazan, Fen Publ., 2009, pp. 32–112. (in Russ.)
- Belyavskaya O. S.** Rezul'taty raskopok gorodishcha Ufa-II [Results of excavations of the Ufa-II ancient settlement] In: *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological discoveries]. Moscow, IAS RAS, 2019, vol. 2017, pp. 355–358. (in Russ.)
- Belyavskaya O. S., Protsenko A. S.** Keramicheskii kompleks gorodishcha Ufa-II kak otrazhenie etnukul'turnykh protsessov v epokhu srednevekov'ya [Ancient settlement ceramic Complex Ufa-II as a reflection of ethnocultural processes in the era of Middle Ages (according to the excavations in 2017)]. In: *Drevnie i srednevekovye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur* [Eurasia ancient and medieval communities: cultural crossroads]. Materials of International Academic Symposium. Ufa, Mir pechati Publ., 2018, pp. 204–224. (in Russ.)
- Belyavskaya O. S., Protsenko A. S., Kurmanov R. G.** Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2017 goda [Ufa-II settlement. Materials of 2017 excavation]. Ufa, Pervaya tipografiya Publ., 2022, 293 p. (in Russ.)
- Danukalova G., Kosintsev P., Yakovlev A., Yakovleva T., Osipova E., Kurmanov R., Kolfshchoten T., Izvarin E.** Quaternary deposits and biostratigraphy in caves and grottoes located in the Southern Urals (Russia). *Quaternary International*, 2020, vol. 546, pp. 84–124.
- Garustovich G. N., Ovsyannikov V. V., Ruslanov E. V.** Gorodishche Ufa-II v zolotoordynskii period [The Ancient Settlement of Ufa-II in the Golden Horde Period]. *Oriental Studies*, 2018, no. 11 (4), pp. 32–42. (in Russ.)
- Ishcherikov P. F.** Gorodishche Ufa-II [Settlement Ufa-II]. In: *Bashkirskii arkheologicheskii sbornik* [Bashkir archaeological collection]. Ufa, 1959, pp. 97–113. (in Russ.)
- Ishcherikov P. F., Mazhitov N. A.** Gorodishche Ufa-II [The ancient settlement of Ufa II]. In: *Arheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archaeology and Ethnography of Bashkiria]. Ufa, Institute of History, Language and Literature Bashkir Branch of AS USSR, 1962, vol. 1, pp. 140–150. (in Russ.)
- Ivanov V. A.** Gorodishche Ufa-II (“gorod Bashkort”) na arkheologicheskoi karte Ufimskogo poluostrova [Settlement Ufa-II (“city of Bashkort”) on the archaeological map of the Ufa Peninsula]. In: *Ot drevnosti k Novomu vremeni (problemy istorii i arkheologii)* [From antiquity to modern times (problems of history and archeology)]. Ufa, Bashkir State Uni. Press, 2011, iss. 16, pp. 136–149. (in Russ.)
- Kisagulov A. V., Protsenko A. S.** Arheozoologicheskie materialy iz raskopok 2022 g. na gorodishche Ufa II [Archaeozoological materials from the 2022 excavations on the Ufa-II hill-fort]. *Arheologiya Evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2023, no. 5, pp. 259–267. (in Russ.)
- Maslitsyna M. P.** Kostnye ostatki ptits iz srednevekovogo gorodishcha Ufa-II [Bone Remains of Birds from the Medieval Site of Ufa-II]. In: *Alkin S. V., Oktyabrskaya I. V. (eds.). 300-letie Rossiyskoi akademii nauk – arkheologiya i etnografiya Sibiri: traditsii, shkoly i otkrytiya* [300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences – Archaeology And Ethnography of Siberia: traditions, schools and discoveries]. Novosibirsk, IAE Publ., 2023, pp. 226–228. (in Russ.)

- Maslintsyna M. P., Gimranov D. O.** Novye dannye o ptitsakh iz srednevekovogo pamyatnika Ufa-II [New data on Birds from the Ufa-II medieval site]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2024, no. 1, pp. 89–97. (in Russ.)
- Plasteeva N. A., Devyashin M. M., Romanov A. A.** Rezul'taty izucheniya kostnykh ostatkov mlekopitayushchikh gorodishcha Ufa-II [The results of the study of the skeletal remains of mammals of the Ufa-II settlement]. In: *Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2017 goda* [Ufa-II settlement. Excavation materials from 2017]. Ufa, Pervaya tipografiya Publ., 2022, pp. 160–189. (in Russ.)
- Protsenko A. S., Safuanov F. F.** About the Settlement of the City of Ufa-II: To the 70th Anniversary of Scientific Research. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 98–110. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-98-110
- Protsenko A. S., Safuanov F. F., Kamaleev E. V., Kisagulov A. V.** Drevnosti Ufimskogo poluostrova. *Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2022–2023 godov* [Antiquities of the Ufa Peninsula. Ufa-II settlement. Materials of excavations in 2022–2023]. Ufa, Pervaya tipografiya Publ., 2024, 88 p. (in Russ.)
- Protsenko A. S., Shamsutdinov M. R., Gumerov M. M.** Sovremennoe sostoyanie izucheniya gorodishcha Ufa-II na Yuzhnom Urale. *Mezhdistsiplinarnye aspekty nauchnoi temy* [Modern state of Ufa-II ancient settlement study in the Southern Urals. Interdisciplinary aspects of the research project]. In: Bazarov B. V., Kradin N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies]. In 2 vols. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2019, vol. 1, pp. 60–62. (in Russ.)
- Romanov A. A.** Rezul'taty izucheniya ostatkov zhivotnykh iz kul'turnogo sloya gorodishcha Ufa-2 po materialam raskopok 2011–2012 [The results of the study of animal remains from the cultural layer of the settlement Ufa-2 based on the excavation materials of 2011–2012]. In: *Ural i prostory Evrazii skvoz' veka i tysyacheletiya: nauchnye publikatsii, posvyashchennye 80-letnemu yubileyu N. A. Mazhitova* [The Urals and the expanses of Eurasia through the ages and millennia: scientific publications dedicated to the 80th anniversary of N. A. Mazhitov]. Ufa, Bashkir State Uni. Press, 2013, pp. 55–61. (in Russ.)
- Romanov A. A.** Estestvennonauchnye issledovaniya rannesrednevekovykh naplastovaniy gorodishcha Ufa-2 [Natural science studies of early medieval strata of the Ufa-2 settlement]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University], 2020, no. 4 (36), pp. 284–310. (in Russ.) URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/17_36_2020.pdf (accessed 28.09.2023).
- Romanov A. A., Ruslanov E. V.** Kosti mlekopitayushchikh i ptits iz kul'turnogo sloya arkheologicheskogo pamyatnika epokhi rannego srednevekov'ya “Gorodishche Ufa-II” (po materialam raskopok 2015 g.) [Bones of mammals and birds from the cultural layer of the archaeological site of the early Middle Ages “Settlement Ufa-II” (based on materials from 2015 excavations)]. In: Sultanova A. N. (ed.). *VIII Bashkirskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh* [VIII Bashkir archaeological conference of students and young scientists]. Ufa, Bashkir State Uni. Press, 2015, pp. 65–72. (in Russ.)
- Romanov A. A., Shevchenko A. M.** Kosti zhivotnykh iz kul'turnogo sloya arkheologicheskogo pamyatnika rannego srednevekov'ya “Ufa-2” [Animal bones from the cultural layer of the archaeological site of the early Middle Ages “Ufa-2”]. *Nauchnye trudy SWorld* [Scientific Papers SWorld], 2015, vol. 19, no. 2 (39), pp. 61–65. (in Russ.)
- Ruslanov E. V., Shamsutdinov M. R., Romanov A. A.** Rannesrednevekovye drevnosti Ufimskogo poluostrova. *Gorodishche Ufa-II. Materialy arheologicheskikh raskopok 2015 goda* [Early medieval antiquities of the Ufa Peninsula. Settlement Ufa-II. 2015 archaeological site proceedings]. Ufa, Drevnyaya Ufa Publ., 2016, 276 p. (in Russ.)

- Ruslanova R. R., Ruslanov E. V., Belyavskaya O. S.** Metallicheskie izdeliya i otnositel'naya khronologiya srednevekovogo gorodishcha Ufa-II v lesostepnom Priural'e [Metal products and relative chronology of the medieval settlement Ufa-II in the Forest-Steppe Urals]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2019, no. 58, pp. 159–170. (in Russ.)
- Sataev R. M.** Ekologicheskaya interpretatsiya paleofaunisticheskikh materialov (na primere golotsenovykh mestonakhozhdenii nazemnykh pozvonochnykh Bashkirskogo Yuzhnogo Urala) [Ecological Interpretation of Palaeofaunal Materials (on the Example of Holocene Sites of Terrestrial Vertebrates in the Bashkir Southern Urals)]. Abstract of Thesis Cand. Biol. Sci. Kazan, 2005, 24 p. (in Russ.)
- Sataev R. M., Kufterin V. V.** Novye arkheozoologicheskie issledovaniya na gorodishche Ufa-II (materialy 2012 goda) [New Zooarchaeological Studies at the Ufa II Fortified Settlement (materials of 2012)]. In: Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Kazani* [Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan, Otechestvo Publ., 2014, vol. 3, pp. 333–336. (in Russ.)
- Sataev R. M., Sataeva L. V., Kufterin V. V., Gimranov D. O., Sultanov R. R.** Osobennosti prirodopol'zovaniya srednevekovogo naseleniya Ufinskogo poluostrova [Features of nature management of the medieval population of the Ufa peninsula]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences], 2011, vol. 13, no. 5-3, pp. 101–105. (in Russ.)
- Shamsutdinov M. R., Ruslanov E. V., Romanov A. A., Tagirova R. Sh.** Gorodishche Ufa II. Materialy raskopok 2014 goda [The ancient settlement Ufa II. Materials of excavations in 2014]. Ufa, DizainPress, 2015, 320 p. (in Russ.)
- Silver I. A.** The ageing of domestic animals. S. n., 1969.
- Sungatov F. A., Sultanova A. N., Bakhshieva A. K., Mukhametdinov V. I., Ruslanova R. R., Ruslanov E. V.** K probleme gorodov Yuzhnogo Urala epokhi srednevekov'ya [On the problem of the cities of the Southern Urals of the Middle Ages]. Ufa, 2018, 335 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Антон Владимирович Кисагулов

Scopus Author ID 57200101823
 WoS Researcher ID ABF-1804-2020
 RSCI Author ID 1091354
 SPIN 1854-8221

Мария Павловна Маслинцына

WoS Researcher ID LUY-7049-2024
 SPIN 9899-0035

Фанис Фларисович Сафуанов

WoS Researcher ID JPL-7758-2023
 RSCI Author ID 1209468
 SPIN 4613-6870

Information about the Authors

Anton V. Kisagulov

Scopus Author ID 57200101823
 WoS Researcher ID ABF-1804-2020
 RSCI Author ID 1091354
 SPIN 1854-8221

Maria P. Maslitsyna

WoS Researcher ID LUY-7049-2024

SPIN 9899-0035

Fanis F. Safuanov

WoS Researcher ID JPL-7758-2023

RSCI Author ID 1209468

SPIN 4613-6870

Вклад авторов:

А. В. Кисагулов – разработка концепции исследования, анализ материала, формулирование выводов, подготовка первой версии статьи.

М. П. Маслинцына – анализ материала, формулирование выводов.

Ф. Ф. Сафуанов – отбор материала, обобщение результатов, доработка текста, формулирование выводов.

Contribution of the Authors:

Anton V. Kisagulov developed the research methodology and approach, analyzed the material, made conclusions, prepared the first draft of the article.

Maria P. Maslitsyna analyzed the material, made conclusions.

Fanis F. Safuanov selected material, summed up the results, the final draft of the article, made conclusions.

Статья поступила в редакцию 12.12.2024;

одобрена после рецензирования 09.01.2025; принята к публикации 29.01.2025

The article was submitted on 12.12.2024;

approved after reviewing on 09.01.2025; accepted for publication on 29.01.2025

Научная статья

УДК 902.6; 903.4

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-126-136

Комплекс сооружений барабинских татар на территории городища Сергино-2

Вячеслав Иванович Молодин¹

Игорь Альбертович Дураков²

Лилия Сергеевна Кобелева³

¹⁻³ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ priemnaya.molodina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

² idurakov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

³ lilyakobeleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>

Аннотация

Представлена публикация материалов комплекса сооружений барабинских татар, состоящего из наземного жилища и двух хозяйственных ям. Памятник обнаружен на территории городища эпохи раннего железа Сергино-2, расположенного на правом берегу р. Оми у с. Сергино Чановского района Новосибирской области. Жилище представляет собой летнюю постройку в виде покрытого берестой и дерном шалаша. Найдены железные ножи, долото, скальпель, гвозди, фрагмент стеклянного флакона и ружейный кремь. Основная часть этих предметов имеет широкий круг аналогий в позднесредневековых и русских памятниках Сибири и европейской части России. Керамический комплекс памятника состоит из лепных сосудов барабинских татар и русской станковой керамики. Кости животных от остатков пищи указывают на развитое скотоводство. Памятник демонстрирует взаимодействие аборигенного и русского населения Барабинской лесостепи в XVIII – первой половине XIX в.

Ключевые слова

Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, барабинские татары, культурное взаимодействие, русское освоение Сибири

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого» (FWZG-2025-0001) (руководитель – академик В. И. Молодин)

Для цитирования

Молодин В. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С. Комплекс сооружений барабинских татар на территории городища Сергино-2 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 126–136. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-126-136

© Молодин В. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 126–136

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 126–136

Complex of Baraba Tatars' Structures on the Sergino-2 Settlement

Vyacheslav I. Molodin¹, Igor A. Durakov², Liliya S. Kobeleva³

¹⁻³ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ priemnaya.molodina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

² idurakov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

³ lilyakobeleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>

Abstract

Purpose. In this publication we present the materials from the Baraba Tatar structures complex, discovered at the multi-layered Sergino-2 site on the right bank of the Omi River near the Sergino village in Chanovsky District, Novosibirsk Region. During the excavation, three distinct cultural layers were identified. The oldest one is an Early Iron Age settlement, covered by a Late Middle Ages layer. The top layer represents a complex of modern times structures. The purpose of this research is to introduce excavation results into scientific circulation.

Results. The structures complex of Baraba Tatar included a ground dwelling and two utility pits. The reconstruction shows a conical, triangular hut slightly sunk into the ground, with poles covered with layers of birch bark and supported by a central pillar. There were no traces of hearth within the buildings. Most likely, the building burned down – remains of collapsed walls and roofs, and fragments of burnt wood and birch bark were found on the second horizon. Due to the fire, the inhabitants were unable to take their belongings with them, so numerous fragments of ceramic vessels and iron products were discovered under the remains of the structure: knives, chisels, lances, staples, nails, etc. A glass bottle fragment and a rifle flint were also found.

Conclusion. The ceramic complex consists of molded vessels from the Baraba Tatar and Russian ceramic traditions. Animal bones found in the site suggest advanced cattle breeding practices. Most of the iron objects found at the site have analogues in Late Medieval and Russian sites in Siberia and European Russia. The findings demonstrate the interaction between the indigenous and Russian populations in the Baraba forest-steppe during the 18th and first half of the 19th centuries.

Keywords

Western Siberia, Baraba forest-steppe, Baraba Tatars, cultural interaction, Russian conquest of Siberia

Acknowledgments

The study was performed within the project “Siberia and adjacent territories: research and reconstruction of the historical and cultural past” (FWZG-2025-0001) (head – Academician V. I. Molodin)

For citation

Molodin V. I., Durakov I. A., Kobeleva L. S. Complex of Baraba Tatars' Structures on the Sergino-2 Settlement. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 126–136. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-126-136

Введение

Многослойный археологический памятник Сергино-2 находится на краю высокой надпойменной террасы правого берега р. Оми в 2,5 км к северо-западу от с. Сергино Чановского района Новосибирской области (рис. 1).

Памятник открыт в 1979 г., в 1987 г. исследовался А. В. Новиковым. В 2011 г. на объекте проводились археолого-геофизические исследования. В 2015 г. была проведена повторная геодезическая съемка и изучен участок памятника, включающий оборонительную систему городища площадью 360 кв. м [Кобелева и др., 2015]. В результате проведенных работ выявлено три разновременных культурных слоя. Наиболее древним является городище раннего железного века, оно перекрыто позднесредневековым поселением барабинских татар. Верхний горизонт представлен комплексом сооружений Нового времени, включающим жилище № 1 и две хозяйственные ямы, также относящимся к барабинским татарам, однако к более молодому культурному горизонту. Об этом комплексе и пойдет речь в настоящей работе. Введение в научный оборот материалов, демонстрирующих взаимодействие аборигенного

и русского населения Барабинской лесостепи в XVIII – первой половине XIX в., является целью данного исследования.

Обсуждение полученных результатов

Жилище № 1 прослежено в культурном слое более раннего времени в виде подпрямоугольного пятна, бурого цвета, слегка вытянутого по линии восток – запад. Наземное сооружение впущено в котлован позднесредневековой полуземлянки (жилище № 2), поэтому прослеживалась только благодаря более светлому заполнению и остаткам деревянных элементов строения.

После выборки заполнения жилище № 1 приобрело форму трапециевидного углубления с невысокими отвесными стенками (рис. 2, 3). Его размеры $4,6 \times 3,6$ м. Дно неровное, плавно понижается к центру жилища. С восточной стороны был оформлен короткий и узкий вход. Его ширина достигала 1,2 м, длина 0,6 м. Глубина котлована не превышает 0,4 м, в процессе исследования его заполнения выявлен маркирующий дно слой пепла, содержащий многочисленные остатки дерева и бересты. Прослеживается яма от центрального опорного столба конструкции жилища. Ее диаметр 18–20 см, глубина от уровня пола жилища № 1 достигает 40–42 см. В результате яма перерезает нижние культурные слои городища и уходит на 7 см в материк, повредив при этом край очага лежащего ниже средневекового жилища № 2.

В результате строение реконструируется как слегка заглубленный в землю конический четырехугольный шалаш со стенами из жердей, перекрытых пластами бересты и опирающимися на центральный столб. Следов очага на жилой территории не выявлено. Подобный тип летних жилищ зафиксирован у барабинских татар участниками академической экспедиции XVIII в. [Титова, 1976, с. 122–123], а также в этнографическое время [Томилов и др., 1975, с. 186; Селезнёв, 1984, с. 153–154]. Встречаются такие строения и у других тюркоязычных народов Западной Сибири [Титов, 2007, с. 23; Гаркуша, 2007, с. 13].

Исследованное нами строение, вероятнее всего, сгорело. На втором горизонте, на 7–10 см выше пола (кв. Б–Г/17–15), зафиксировано скопление органики, обломков жженого дерева и бересты (см. рис. 2). Видимо, перед нами остатки рухнувших стен и кровли строения. При разборке этого скопления найдены фрагменты керамики – как лепной, явно местного производства (рис. 4, 1–10), так и русской, изготовленной на гончарном круге (рис. 4, 11–13). Вся лепная посуда по морфологии и орнаменту имеет несомненное сходство с керамикой барабинских татар [Соболев, 1989]. Гончарная посуда также имеет хорошо документированный круг аналогий на памятниках адаптировавшегося на территории Западной Сибири русского населения [Мельников, 1996; Аношко, Селиверстова, 2009; Татаурова, Сопова, 2022].

Рис. 1. Местонахождение памятника Сергино-2. Участок карты Google Earth, съемка от 06.05.2015

Fig. 1. Location of the Sergino-1 site. Section of the Google Earth map (access date 06.05.2015)

Рис. 2. Городище Сергино-2.
Котлован жилища № 1, уровень пола.
Фото с юго-запада

Fig. 2. Sergino-1 site. Pit of dwelling 1,
floor level.

Photo from the South-West

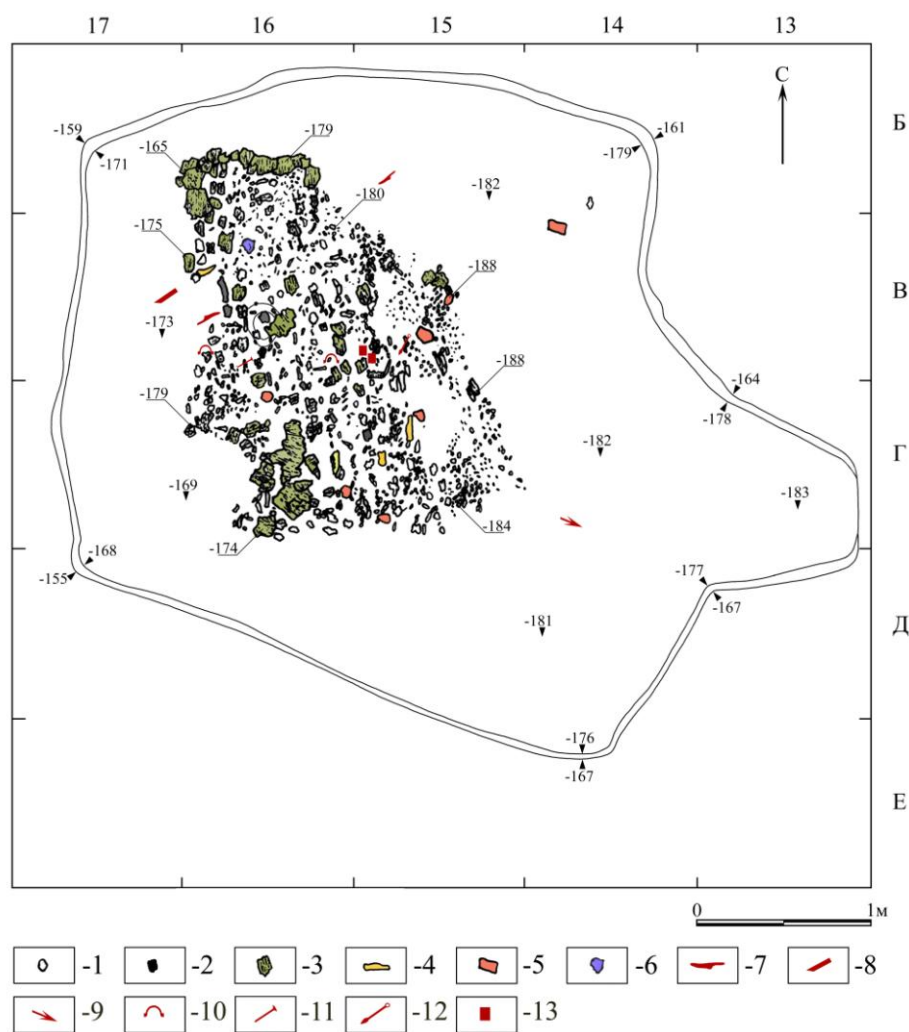

Рис. 3. Городище Сергино-2. Котлован жилища № 1, уровень пола. Рисунок:
1 – дерево; 2 – уголь; 3 – береста; 4 – фрагмент кости; 5 – фрагмент керамики; 6 – стекло;
7 – железный нож; 8 – долото; 9 – игла; 10 – скоба; 11 – гвоздь; 12 – ланцет; 13 – металличе-
ская пластина

Fig. 3. Sergino-1 site. Pit of dwelling 1, floor level. Drawing:
1 – wood; 2 – coal; 3 – birch bark; 4 – bone fragment; 5 – ceramic fragment; 6 – glass; 7 – iron
knife; 8 – chisel; 9 – needle; 10 – staple; 11 – nail; 12 – lancet; 13 – metal plate

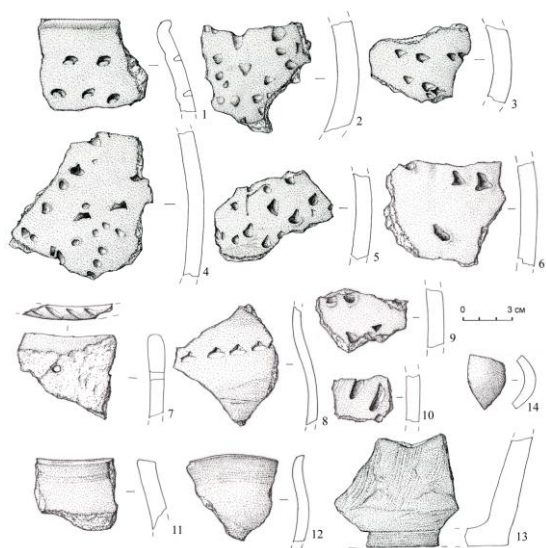

Рис. 4. Городище Сергино-2, жилище № 1. Находки из заполнения котлована жилища: 1–13 – керамика; 14 – стекло

Fig. 4. Sergino-1 site. Pit of dwelling 1. Finds from the filling of the dwelling pit: 1–13 – ceramics; 14 – glass

ся 9 см, на черенок – 7 см. Наибольшая ширина клинка 2,4 см. Толщина обуха 0,3 см. Ножи такого типа встречены на ряде русских памятниках Сибири [Визгалов, Пархимович, 2008, рис. 131, 2, 3; Черная, 2015, рис. 147, 8]. Наиболее широко были распространены в период XVI – XVIII вв., хотя встречаются и позже [Татауров, Фаистов, 2016, с. 131, рис. 2].

Кроме керамики в заполнении жилища обнаружен (в кв. В/16) фрагмент округлого флакона из непрозрачного темно-коричневого стекла (рис. 4, 14). Диаметр сосуда достигал 4,2 см, толщина стенок – 0,5 см. Таким образом, аборигенное население Барабинской лесостепи использовало в быту не только глиняную, но и импортную стеклянную посуду.

Пожар не позволил обитателям жилища забрать находившиеся в нем вещи, поэтому под остатками рухнувшей конструкции обнаружены многочисленные изделия из железа: ножи, долото, ланцет, скобы, гвоздь и др. Коллекция этих находок требует индивидуального рассмотрения.

Железные ножи представлены двумя экземплярами. Один из них, более крупный, найден в кв. В/16 на уровне пола жилища № 1. Он имел клиновидный в сечении асимметричный клинок с прямым обухом (рис. 5, 1). Черенок слегка сужается для удобства насадки на рукоять и отделен от лезвия и обуха уступами. Длина ножа 16 см, из них на клинок приходится

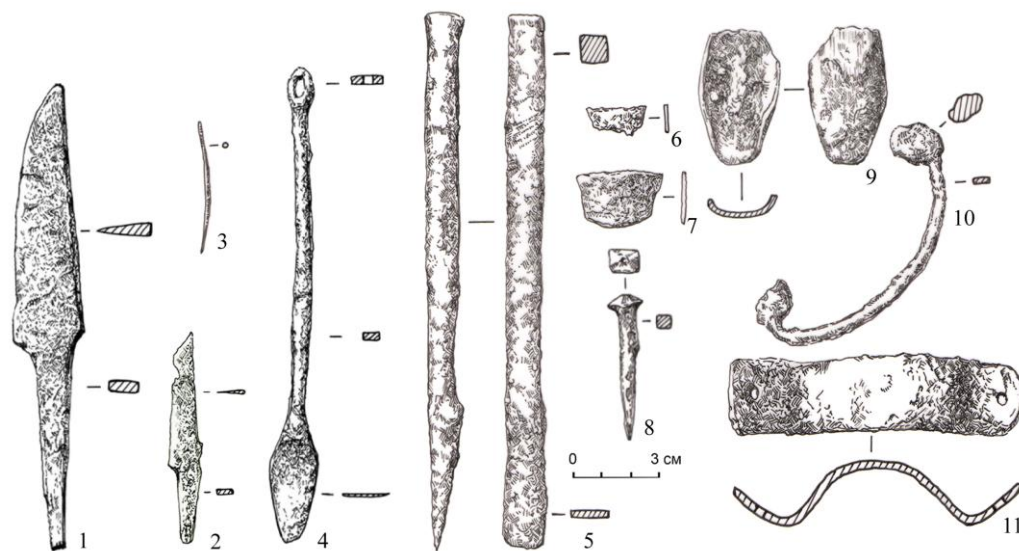

Рис. 5. Городище Сергино-2, жилище № 1. Предметы из железа:

1, 2 – нож; 3 – игла; 4 – ланцет; 5 – зубило; 6, 7 – обломок пластины; 8 – гвоздь; 9 – фрагмент изделия; 10 – дужка; 11 – скоба

Fig. 5. Sergino-1 site. Pit of dwelling 1. Iron objects:

1, 2 – knife; 3 – needle; 4 – lancet; 5 – chisel; 6, 7 – plate fragment; 8 – nail; 9 – product fragment; 10 – shackle; 11 – staple

Второй нож, миниатюрный, найден у северной стенки сооружения в кв. Б/15 (рис. 5, 2). Состоит из клиновидного в сечении асимметричного клинка и сужающегося, слегка наклоненного черенка. Его длина не превышает 7,8 см, из них на клинок приходится 5,9 см, на черенок – 2,9 см. Наибольшая ширина клинка 1,2 см, черенка 0,6 см. Толщина обуха 0,2 см. Подобные изделия встречаются в погребениях барабинских татар могильника Абрамово-10 [Молодин и др., 1990, рис. 52, 3]. Известны такие ножи и на русских памятниках Сибири [Балюнов, 2015, с. 213–214, рис. 2, 1].

Железная игла обнаружена в кв. Г/14 (рис. 5, 3). Она округлая в сечении, конец ее заострен, ушко обломлено. Длина сохранившейся части изделия 3,8 см, диаметр 0,1 см.

Долото (кв. В/17) представляет собой почти квадратный в сечении железный стержень с небольшим уступом-утолщением со стороны лезвия (рис. 5, 5). Его длинна 19,2 см, толщина 1,2–1,4 см. Ширина лезвия 1,4 см. Практически полная аналогия с данным инструментом найдена на территории воеводской усадьбы Томского кремля [Черная, 2015, рис. 147, 2]. Встречаются близкие по конструкции долота в Мангазее [Белов и др., 1981, табл. 71, 16].

Железный ланцет (кв. Г/15) имел пламевидное, обоюдоострое лезвие, длинную, прямоугольную в сечении, рукоять, завершающуюся овальной петелькой (рис. 5, 4). Общая длина изделия 16,3 см, из них на лезвие приходится 3,8 см. Сечение рукояти $0,7 \times 0,3$ см. Максимальная ширина лезвия 1,7 см. Размер петельки $1,5 \times 1,1$ см, размер отверстия $0,7 \times 0,4$ см.

Кованый железный гвоздь (кв. В/16) имел квадратный в сечении стержень и прямоугольную конусовидную шляпку (рис. 5, 8). Длина изделия 5 см, размер шляпки $1,2 \times 1,3$ см, сечение стержня у шляпки $0,5 \times 0,5$ см.

Железная дужка найдена в кв. Г/16, представляет собой выгнутый в виде дуги круглый в сечении металлический стержень (рис. 5, 10). На обоих концах изделия сохранились фрагменты бересты, видимо, она выполняла роль ручки у берестяного короба или сундука. Длина изделия 9,2 см, высота 3 см. Наиболее близкими аналогиями с этим изделием являются дверные ручки из томской воеводской усадьбы [Черная, 2015, рис. 77, 1, 2].

Крепежная скоба найдена в кв. В/16. Представляет собой выгнутую дугой массивную железную пластину (рис. 5, 11). Ее длина не менее 10 см, ширина 2,5 см, толщина 0,2 см. На обоих концах изделия пробиты отверстия диаметром 0,4–0,5 см. Рядом с крепежной скобой (кв. В/16), найдены две плоские металлические пластины (рис. 5, 6, 7). Видимо, все три предмета составляли обивку какого-то элемента конструкции жилища или мебели.

Рядом с выходом из жилища № 1, в кв. Г/11, практически под дерном найден ружейный кремль. Он имел трапециевидную форму и сильно выщербленный ударный край. Его размеры $1,5 \times 1,2 \times 0,5$ см. Подобные изделия хорошо представлены на русских памятниках Сибири. Например, они найдены на стоянке бугровщиков, выявленной на территории курганного могильника Тартас-2 [Мыльникова и др., 2024, с. 631–632, рис. 2]. Близкие по форме кремни происходят также из ранних слоев городов Тобольска и Томска [Адамов, Балюнов, 2020, рис. 1, 26–28]. Обнаружены они и в Мангазее [Белов и др., 1981, с. 79, табл. 70, 1–20; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 65, рис. 90, 4–10].

К инвентарю из жилища, видимо, относится и небольшая выгнутая подовальная пластина (рис. 5, 9), найденная в кв. А/11. Ее размеры $4,8 \times 2,8$ см. Толщина железного листа, из которого она была выкована, достигала 0,2–0,25 см.

К рассматриваемому комплексу относится и яма № 1, расположенная к юго-западу от жилища № 1 в кв. Е–И/23–20. Она имела форму вытянутого овала, ориентированного по линии СВ–ЮЗ. Яма перерезала все слои городища и врезалась в материк. Стенки ее неровные, пологие, дно также неровное и имеет понижение в западной части. Размеры ямы по верхнему абрису $2,53 \times 1,6$ м, по нижнему – $2 \times 1,2$ м. Глубина от уровня материка 0,7–0,76 м. Заполнение слоистое, состояло из серого грунта с вкраплениями бело-желтого суглинка, который подстилала серо-желтая мешаная почва. В заполнении обнаружены рубленые кости крупного рогатого скота, фрагменты станковой посуды, татарская керамика.

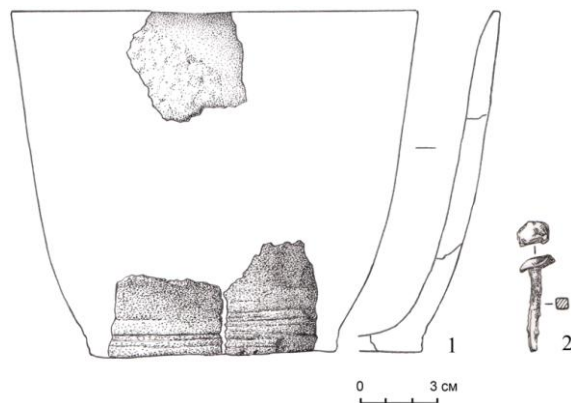

Рис. 6. Городище Сергино-2, яма № 2.

Находки из заполнения ямы:

1 – керамический сосуд; 2 – железный гвоздь
(<https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-3-70-86>)

Fig. 6. Sergino-1 site, pit 2.

Finds from the filling of the pit:

1 – ceramic vessel; 2 – iron nail
(<https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-3-70-86>)

Длина сохранившейся части 3,5 см. Размер шляпки 1,1 × 1,4 см, сечение стержня 0,5 × 0,3 см. Судя по заполнению и инвентарю, яма № 2 синхронна жилищу № 1 и яме № 1 и составляет с ними единый культурно-хронологический комплекс.

Яма № 2 расположена в 4,5 м к востоку от входа в жилище № 1 (кв. Б–Е/5–8). Она перерезала котлован жилища № 4 эпохи раннего железа. Представляла собой подпрямоугольное углубление, ориентированное по линии СЗ–ЮВ. Ее размеры по верхнему абрису 3,6 × 2,45 м, по нижнему – 3,4 × 2,2 м. Глубина от уровня материка 0,30–0,35 м. Стенки ямы прямые, пологие, дно ровное.

Верхняя часть заполнения ямы содержала коричневую слоистую почву, ее подстилала черная плотная почва, под которой зафиксирован слой бересты и древесный тлен. Нижняя часть заполнения состояла из серо-коричневой почвы.

В заполнении ямы найдены фрагменты русской станковой посуды (рис. 6, 1) и железный гвоздь (рис. 6, 2).

Гвоздь имеет плоскую шляпку и четырехугольный в сечении стержень. Он поврежден, изогнут, заостренный конец стержня отломлен.

Заключение

На хронологию выявленного на городище Сергено-2 позднего комплекса сооружений, состоящего из жилища и двух хозяйственных ям, указывает найденная в их заполнении, наряду с татарской, русская станковая керамика. Подобное сочетание керамических комплексов является своего рода хронологическим индикатором периода XVIII–XIX вв., когда аборигенное население барабинских татар использовало для своих нужд русскую станковую посуду [Тауорова, 2013]. Не противоречит этой дате и вещевой комплекс, существование которого укладывается в этот же временной диапазон.

Обращает на себя внимание и присутствие в хозяйстве аборигенного населения Барабинской лесостепи значительного количества русского инвентаря. Привозной является глиняная и стеклянная посуда. Практически все металлические изделия или импортные, или выполнены местными кузнецами по русским образцам. Фиксируются признаки использования огнестрельного оружия с кремневым замком.

Одновременно с этим в использовании остается этнически показательная керамика и сохраняется традиционный тип сезонного жилища. Очевидно, что мощное влияние русской материальной культуры не приводит к ассимиляции аборигенных этносов. Особенностью полиэтнической ситуации на территории Западной Сибири в XVIII–XIX вв. является то, что здесь происходила интеграция и взаимообогащение культур русского и автохтонного населения.

Список литературы

Адамов А. А., Балюнов И. В. Ручное огнестрельное оружие русских воинов в Сибири конца XVI – XVII века (по археологическим материалам города Тобольска) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 70–85.

- Аношко О. М., Селиверстова Т. В.** Характеристика русской гончарной посуды из раскопок на территории Верхнего посада г. Тобольска // Вестник ТюмГУ. 2009. № 7. С. 80–89.
- Балюнов И. В.** Деревообработка в городе Тобольске в конце XVI – XVII веке (по материалам археологических исследований) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 7: Археология и этнография. С. 210–217.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.** Мангазея: материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Ч. 2. 148 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.** Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
- Гаркуша М. А.** Поселения и жилища тарских татар: функциональность и смысл // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2007. № 5 (59). С. 12–14.
- Кобелева Л. С., Дураков И. А., Молодин В. И., Демахина М. С.** Комплексные исследования городища Сергино-2 на реке Оми // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 267–271.
- Мельников Б. В.** Гончарная керамика археологических памятников Сибири XVII–XVIII вв. // Керамика как исторический источник. Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ун-та, 1996. С. 43–46.
- Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И.** Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 261 с.
- Мыльникова Л. Н., Молодин В. И., Дураков И. А., Ненахов Д. А., Ефремова Н. С., Кравцова А. С., Кобелева Л. С., Ненахова Ю. Н., Васильев С. К.** Следы деятельности бугровщиков на элитном кургане 7 раннего железного века могильника Тартас-2 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. Т. 30. С. 629–636.
- Селезнёв А. Г.** Традиционные типы жилищ барабинских татар // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1984. С. 153–155.
- Соболев В. И.** К вопросу о керамике барабинских татар // Памятники истории и культуры Омской области. Омск: ОмГУ, 1989. Вып. 2. С. 43–46.
- Татауров С. Ф., Фаистов Т. Н.** Железные ножи в городе Таре в конце XVI – первой половине XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 3. С. 111–118.
- Татаурова Л. В.** Русская керамика Сибири: орнамент, технология, семантика // Українська керамологія: Національний науковий щорічник. Опішне: Українське Народознавство, 2013. Кн. 8, т. 2. С. 90–98.
- Татаурова Л. В., Сопова К. О.** Комплекс глиняной утвари из раскопок поселения Ананьино 1: типы, морфология и технология // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 28. С. 744–749.
- Титов Е. В.** Жилища татар Тарского Прииртышья в конце XIX – XX в. // Омский научный вестник. 2007. № 4 (58). С. 22–25.
- Титова З. Д.** Барабинские татары (Историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири. Томск: ТГУ, 1976. Вып. 19. С. 108–147.
- Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Курочка Ю. И.** Новые материалы по этнографии барабинских татар // Из истории Сибири. 1975. Вып. 16. С. 178–305.
- Черная М. П.** Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск: Д-Принт, 2015. 276 с.

References

- Adamov A. A., Balyunov I. V.** Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie russkikh voynov v Sibiri kontsa XVI – XVII veka (po arkheologicheskim materialam goroda Tobol'ska) [Hand firearms of Russian soldiers in Siberia at the end of the 16th – 17th century (based on archaeological materials of the city of Tobolsk)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 70–85. (in Russ.)
- Anoshko O. M., Seliverstova T. V.** Kharakteristika russkoi goncharnoi posudy iz raskopok na territorii Verkhnego posada g. Tobol'ska [Characteristics of Russian pottery from excavations on the territory of the Upper Posad of Tobolsk]. *Bulletin of the Tyumen State University*, 2009, no. 7, pp. 80–89. (in Russ.)
- Balyunov I. V.** Derevoobrabotka v gorode Tobol'ske v kontse XVI – XVII veke (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy) [Woodworking in the city of Tobolsk at the end of the 16th – 17th century (based on archaeological research)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 210–217. (in Russ.)
- Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkov V. F.** Mangazeya: material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprokhodtsev XVI – XVII vv. [Mangazeya: the material culture of Russian polar sailors and explorers of the 16th – 17th centuries]. Moscow, Nauka, 1981, pt. 2, 148 p. (in Russ.)
- Chernaya M. P.** Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya [Voivodsky manor in Tomsk. 1660–1760s: historical and archaeological reconstruction]. Tomsk, D-Print, 2015, 276 p. (in Russ.)
- Garkusha M. A.** Poseleniya i zhilishcha tarskikh tatar: funktsional'nost' i smysl [Settlements and dwellings of the Tartars: functionality and meaning]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. The Society series. History. Modernity], 2007, no. (59), pp. 12–14. (in Russ.)
- Kobeleva L. S., Durakov I. A., Molodin V. I., Demakhina M. S.** Kompleksnye issledovaniya gorodishcha Sergino-2 na reke Omi [Comprehensive studies of the Sergino-2 settlement on the Omi River]. In: Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2015, vol. 21, pp. 267–271. (in Russ.)
- Melnikov B. V.** Goncharnaya keramika arkheologicheskikh pamyatnikov Sibiri XVII–XVIII vv. [Pottery ceramics of archaeological sites of Siberia of the 17th – 18th centuries]. In: Keramika kak istoricheskii istochnik [Ceramics as a historical source]. Tobolsk, Tobolsk State Pedagogical Uni. Press, 1996, pp. 43–46. (in Russ.)
- Molodin V. I., Sobolev V. I., Solov'ev A. I.** Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya [Baraba in the Late Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 261 p. (in Russ.)
- Mylnikova L. N., Molodin V. I., Durakov I. A., Nenakhov D. A., Efremova N. S., Kravtsova A. S., Kobeleva L. S., Nenakhova Yu. N., Vasilev S. K.** Sledy deyatel'nosti bugrovshchikov na elitnom kurgane 7 rannego zheleznogo veka mogil'nika Tartas-2 (Barabinskaya lesostep') [Traces of the activity of bugrovshchikov on the elite burial mound 7 of the Early Iron Age of the Tartas-2 burial ground (Barabinsk forest-steppe)]. In: Problems archaeology, ethnography, and anthropology of Siberia and adjacent territories. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2024, vol. 30, pp. 629–636. (in Russ.)
- Seleznev A. G.** Traditsionnye tipy zhilishch barabinskikh tatar [Traditional types of dwellings of the Barabinsk Tatars]. In: Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii [Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories]. Omsk, OmSU Press, 1984, pp. 153–155. (in Russ.)
- Sobolev V. I.** K voprosu o keramike barabinskikh tatar [On the issue of ceramics of the Baraba Tatars]. In: Pamyatniki istorii i kul'tury Omskoi oblasti [Sites of history and culture of the Omsk region]. Omsk, OmSU Press, 1989, iss. 2, pp. 43–46. (in Russ.)

- Tataurov S. F., Faistov T. N.** Zheleznye nozhi v gorode Tare v kontse XVI – pervoi polovine XVIII veka [Iron knives in the city of Tara at the end of the 16th – first half of the 18th century]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 3, pp. 111–118. (in Russ.)
- Tataurova L. V.** Russkaya keramika Sibiri: ornament, tekhnologiya, semantika [Russian ceramics of Siberia: ornament, technology, semantics]. In: *Ukraïns'ka keramologiya: Natsional'nii naukovii shchorichnik* [Ukrainian ceramics: The National Science of ceramics]. Opishne, Ukrain-ske Narodnavstvo Publ., 2013, book 8, vol. 2, pp. 90–98. (in Russ.)
- Tataurova L. V., Sopova K. O.** Kompleks glinyanoi utvari iz raskopok poseleniya Anan'ino 1: tipy, morfologiya i tekhnologiya [A complex of clay utensils from the excavations of the settlement of Ananyino 1: types, morphology and technology]. In: *Problems archaeology, ethnography, and anthropology of Siberia and adjacent territories*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2022, vol. 28, pp. 744–749. (in Russ.)
- Titov E. V.** Zhilishcha tatar Tarskogo Priirtysh'ya v kontse XIX – XX v. [The dwellings of the Tatars of the Tarsky Irtysh region at the end of the 19th – 20th century]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2007, no. 58, pp. 22–25. (in Russ.)
- Titova Z. D.** Barabinskie tatory (Istoriko-etnograficheskii ocherk) [The Barabinsk Tatars (Historical and ethnographic essay)]. In: *Iz istorii Sibiri* [From History. Siberia]. Tomsk, TSU Press, 1976, iss. 19, pp. 108–147. (in Russ.)
- Tomilov N. A., Bogomolov V. B., Kurochka Yu. I.** Novye materialy po etnografii barabinskikh tatar [New materials on the ethnography of the Baraba Tatars]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Tomsk, TSU Press, 1975, iss. 16, pp. 178–305. (in Russ.)
- Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G.** Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) [Mangazeya: new archaeological research (materials from 2001–2004)]. Ekaterinburg, Nefteyugansk, Magellan Publ., 2008, 296 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Вячеслав Иванович Молодин, академик РАН, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 6506558021

WoS Researcher ID Q-3253-2016

RSCI Author ID 71340

SPIN 9764-0369

Игорь Альбертович Дураков, доктор исторических наук

Scopus Author ID 26422977200

WoS Researcher ID ABA-5998-2020

RSCI Author ID 315988

SPIN 6006-5750

Лилия Сергеевна Кобелева, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 25722116500

WoS Researcher ID Q-3274-2016

RSCI Author ID 556738

SPIN 6612-6089

Information about the Authors

Vyacheslav I. Molodin, Academician of RAS, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 6506558021

WoS Researcher ID Q-3253-2016

RSCI Author ID 71340

SPIN 9764-0369

Igor A. Durakov, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 26422977200

WoS Researcher ID ABA-5998-2020

RSCI Author ID 315988

SPIN 6006-5750

Liliya S. Kobeleva, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 25722116500

WoS Researcher ID Q-3274-2016

RSCI Author ID 556738

SPIN 6612-6089

*Статья поступила в редакцию 31.01.2025;
одобрена после рецензирования 14.02.2025; принята к публикации 14.02.2025
The article was submitted on 31.01.2025;
approved after reviewing on 14.02.2025; accepted for publication on 14.02.2025*

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-137-147

Тарасы и стены «в две стены» в русской фортификации в XVI – начале XVIII века

Сергей Валерьевич Горохов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

gorokhov.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

Аннотация

Цель исследования состояла в проверке гипотезы о том, что конструкция тарас представляла собой две параллельные венчатые стены с перерубами. В рамках проверки гипотезы рассматриваются прецеденты одновременного упоминания в письменных источниках терминов «тарасы» и «в две стены». Доказывается, что в таких случаях речь шла о двойной внешней стене. Приводятся примеры упоминания тарас «в одну стену». Доказывается, что тарасы и стена – это не одно и то же и что тарасы не образовывали сплошной непрерывной стены. Выполнен картографический анализ распространения тарас и стен «в две стены». Выяснено, что эти две конструкции имеют различную географическую локализацию. Совокупность полученных аналитических данных позволяет утверждать, что тарасы не являлись двумя параллельными венчатыми стенами с перерубами и что тарасы и стены «в две стены» не являются идентичными конструкциями.

Ключевые слова

Русское государство, фортификация, тарасы, «в две стены»

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)»

Для цитирования

Горохов С. В. Тарасы и стены «в две стены» в русской фортификации в XVI – начале XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 137–147. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-137-147

Taras and the Walls “in Two Walls” in the Russian Fortification in the 16th – Early 18th Century

Sergey V. Gorokhov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

gorokhov.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

Abstract

Purpose. The purpose of the study was to test the hypothesis that the taras structure consisted of two parallel corolla walls with cuts. At the same time, the question of whether the walls were “double-walled” taras is resolved.

Results. As part of the hypothesis testing, the precedents of simultaneous mention of the terms “taras” and “double-walled” in written sources are considered. It is proved that in such cases it was a double outer wall, and not an outer

© Горохов С. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 137–147
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 137–147

and inner wall. Examples of the mention of taras “in one wall” are given which directly refutes the hypothesis under consideration. It is proved that the taras and the wall are not the same thing, and that the taras did not form a continuous wall. To solve the problem of the identity of the taras and “double-walled” structures, the ways of describing these structures are analyzed. It is established that taras and “double-walled” are not identical structures according to the method of description. A cartographic analysis of the spread of taras and walls “double-walled” was performed. It was found out that these two constructions have different geographical localization. Chronological analysis showed that the terms in question were used simultaneously.

Conclusion. The totality of the obtained analytical data allows us to assert that the taras were not two parallel corolla walls with cuts and that the taras and the walls “double-walled” are not identical structures.

Keywords

The Russian State, fortification, tarasy, “double-walled”

Acknowledgements

The study was conducted as part of the implementation of the State Task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity under the project no. FSUS-2025-0009 “Features of the formation of intercultural communications in Siberia – from the Stone Age to the early Modern period (according to archaeological and written sources)”

For citation

Gorokhov S. V. Taras and the Walls “in Two Walls” in the Russian Fortification in the 16th – Early 18th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 137–147. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-137-147

По вопросу о конструкции тарасных стен в оборонительных сооружениях в Российском государстве в XVI – начале XVIII в. существует широкий спектр мнений [Взгляды исследователей..., 2024; Формализованная схема..., 2024]. Однако подавляющее большинство исследователей полагают, что под тарасами следует понимать две параллельные венчатые стены с перпендикулярными им перерубами (рис. 1). Впервые в литературе данную точку зрения высказал Ф. Ф. Ласковский [Ласковский, 1858, с. 83].

Широко распространенное среди исследователей фортификации Российского государства XVI – начала XVIII в. представление о тарасах как о двух параллельных венчатых стенах с перерубами не может быть случайным. Вероятно, источниковая база позволяет прийти к такому представлению о конструкции тарасной стены. Так как исследователи, придерживающиеся вышеописанного представления о конструкции тарас, не обосновывают свои взгляды по этому вопросу, то мы попытаемся реконструировать возможную аргументацию концепции тарасных стен как двух параллельных венчатых стен с перерубами. В статье рассмотрим гипотезу путем отыскания в источниковой базе аргументов, подтверждающих и опровергающих ее. Тем самым достигнем двух целей. Во-первых, выясним, являются ли тарасы двумя параллельными венчатыми стенами с перерубами. Во-вторых, установим, является ли конструкция «в две стены» (если подразумевать под этой формулировкой две параллельные венчатые стены с перерубами) тарасами. Научная новизна исследования состоит в оценке соответствия современных представлений о конструкции тарасных стен со всеми имеющимся историческими источниками, что ранее сделано не было.

В письменных источниках присутствует множество упоминаний о стенах рубленых «в две стены». Таким образом описываются стены у 46 различных фортификационных сооружений [Упоминания стен..., 2024]. Например, при описании Алатыря в 1728 г. сообщается, что «город кремль рубляной, деревянной в две стены» [Воротникова, Неделин, 2021, с. 242]. При описании Балахны в 1674 г. сказано: «девянной, рубленой, сосновой, в две стены, а промеж стен меры по 2 саж. с третью»¹. Под рублеными стенами принято понимать венчатые стены. Но две параллельные венчатые стены сами по себе не могут находиться в вертикальном положении. Следовательно, они должны иметь перерубы, т. е. такую конструкцию, которую принято называть тарасами в рамках рассматриваемой гипотезы. Однако такие стены в источниках в большинстве случаев напрямую тарасами не называются. Но есть примеры, когда

¹ Сборник выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петре Великомъ. М.: Въ Университетской типографіи, 1872. Т. 2. С. 217.

в одном описании встречаются оба термина («тарасы» и «в две стены»). Таких прецедентов нам удалось обнаружить лишь восемь, поэтому приведем их все (табл. 1).

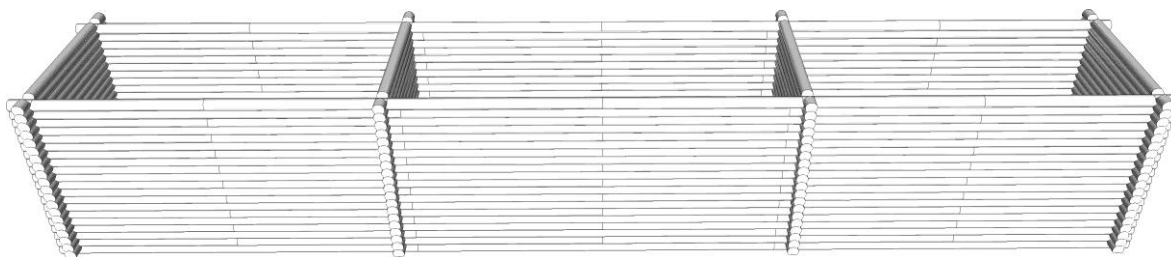

Рис. 1. Тарасная стена согласно современным представлениям

Fig. 1. Taras wall according to modern concepts

Таблица 1

Прецеденты совместного упоминания терминов «тарасы» и «в две стены» при описании оборонительных сооружений в Русском государстве в XVII в.

Table 1

Precedents of the joint mention of the terms “taras” and “double-walled” when describing defensive structures in the Russian state in the 17th century

Оборонительное сооружение	Год	Описание
Борисов	1660	«устроил вновь я по всему валу тарасы в 2 стены, вышиною в полтретья аршина» (Акты..., 1901, с. 49, 57)
Брест	1660	«сверх старых крепостей по земляному городу нарубил тарасы, в 2 стены рублены, а вышиною 2 сажени, а в иных местах и в 2 ½» (Акты..., 1901, с. 49, 57)
Касимов	1671–1674	«в две стены с тарасы и с облами и с катки» (Книги..., 1893, с. 22)
Кемский городок	1657	«рублен в тарасы в две стены. Местами между стен насыпано камень <...> В высоту стена 3 сажени» [Фруменков, 1975]
Киев	1675	«тарасы и обламы зделаны новые в две стены и землею насыпаны» [Носов, 2018, с. 66]
Новгород	1664, 1675	«зарублены тарасы в две стены» (Новгород Великий..., 1986, с. 106, 174)
Олонец	1649	«а рублен город в тарасы в четвероугольные, до нижних боев рублен в 2 стены, а между стен пущено 3 чети аршина, насыпан землею для зашиты пушечной и пищалиной стрельбы; а тарасы рублены по городу в сажень, а в город 2 сажень без четверти» (Дополнения..., 1848, с. 228)
Сумской острог	1680	«рубленный в тарасы в две стены, местами между стен насыпано камнем» [Фруменков, 1975]

Ранее мы показали, что в Олонце в 1649 г. двойная стена представляла собой высокую венчатую внешнюю стену и расположенную в полуметре от нее изнутри крепости низкую венчатую стену в 1,4 м высотой². Пространство между ними было заполнено грунтом. Сте-

² См.: Горохов С. В. Конструкция венчатых тарасных стен в Русском (Российском) государстве во второй половине XVI – начале XVIII века // Нижневолжский археологический вестник. 2025. № 2. (в печати)

ны похожей конструкции описаны в Олонце в 1670 г. При этом тарасами в письменных источниках названа стена в той ее части, которая является двойной с грунтовым заполнением³. Аналогичные тарасные стены с заполнением грунтом показаны на плане города Кола 1732–1736 гг. как в плане, так и в разрезе [Косточкин, 1958, с. 218, рис. 14, с. 225, рис. 17].

Таким образом, когда в письменных источниках при описании фортификационных сооружений одновременно и содержательно связано употреблены два термина («тарасы» и «в две стены»), это может означать наличие описанной выше конструкции. Следовательно, такие прецеденты описаний не могут служить опровержением рассматриваемой гипотезы.

Существует несколько описаний тарасных стен, из которых следует, что тарасная стена не была конструкцией из двух параллельных венчатых стен с перерубами, а имела лишь одну стену. В 1678 г. при описании Верхнего Ломова сказано, что «рублен в одну стену без городен с тарасами»⁴, в 1703 г. при характеристике оборонительных сооружений Инсары сообщается, что «город «деревянной, дубовой, рубленой в одну стену с тарасами» [Линии роста..., 2022, с. 226], в 1638 г. при описании Кцынских ворот на одноименной засеке сказано, что «зделан городок рубленой в одну стену да в косые тарасы»⁵, в 1664 г. при характеристике оборонительных стен Новгорода сообщается, что «зарублено ж тарасов в одну стену 30 сажень», в 1675 г. эта характеристика была повторена⁶.

Еще одним аргументом, опровергающим рассматриваемую гипотезу, является то, что тарасы не были сплошным протяженным сооружением. Следовательно, у тарасов не было двух сплошных параллельных венчатых стен с перерубами. Между тарасами были промежутки. Например, при описании Брянска в 1628/1629 г. сказано, что «боев меж тарасов 43 боя», «меж тарасов боев 37 окон»⁷ [Сташевский, 1919, с. 259], при характеристике Кцынских ворот на одноименной засеке в 1638 г. сообщается, что «зделан городок рубленой в одну стену да в косые тарасы, а меж тарасов окна для бою», «в обламах же меж тарасов окна для верхнево бою»⁸, при описании Олонца в 1670 г. сказано, что «меж теми тарасами учинен нижней бой и снутра меж теми тарасами, где учинен нижней бой, шириною сажень без полуаршина, а с лица у бойниц шириною в аршин»⁹, а в 1694 г. написано, что «межу тарасов стены по 2 сажени, просечены межу тарасов по два бои нижних»¹⁰. В 1669 г. при описании Чугуева сообщается, что «в городе с 3-х сторон от городовых стены кровати, вместо тарасов выкладено камнем в вышину 4 ступени, а на 4 ступени до городовых кроватей выложено камнем же, а меж камня поделаны бойницы» [Бабенко, 1905, с. 449].

О том, что тарасы не были сплошной протяженной конструкцией и, как следствие, не представляли собой две параллельные венчатые стены, свидетельствует факт использования тарас в качестве замены зубцам на каменных стенах и башнях. Например, при описании укреплений Ладоги в 1655 г. сказано, что «наверху тое Роскатной башни ныне вместо зубцов стоят деревянные тарасы, и те тарасы огнили и розвалились без остатку, вверх те тарасы в сажень», «прясло каменной стены <...> а ныне по тому пряслу, вместо зубцов, стоят

³ В письменных источниках при описании стен крепостей под тарасами подразумеваются различные конструкции и конструктивные элементы: 1) стена определенной конструкции в целом; 2) тарасные срубы, расположенные на некотором расстоянии друг от друга; 3) внешняя стена в той части, которая является двойной с заполнением грунтом.

⁴ Сборник выписок..., 1872, с. 227.

⁵ Засечная книга 1638 г. // Зап. Отдела рукописей. М.: Гос. б-ка СССР им В. И. Ленина, 1960. Вып. 23.

⁶ Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства / Под ред. В. Л. Янина. М.: [Б. и.], 1986. С. 107, 174.

⁷ Акты Московского государства / Под ред. Н. А. Попова. Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1890. Т. 1: Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571–1634. С. 264.

⁸ Засечная книга 1638 г.

⁹ Русская историческая библиотека издаваемая Археографическою комиссіею. Санктпетербургъ: Типографія Ф. Г. Елконскаго и Ко, 1884. Т. 8. Стб. 927.

¹⁰ Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою комиссіею. Санктпетербургъ: въ типографіи Эдуарда Праца, 1848. Т. 3. С. 228.

тарасы деревянные»¹¹. При характеристике стен в Новгороде в 1675 г. сообщается, что «прясло каменное <...> а вместо зубцов на том прясле поставлены были деревянные тарасы», «прясло каменное <...> Да того ж прясла половина обвалилась в реку в Падожку, в длину 13 сажен и з зубцами. И вместо зубцов на том прясле поставлены были деревянные тарасы»¹².

Таким образом, во-первых, при описании ряда оборонительных сооружений сказано о том, что тарасы имели одну стену, во-вторых, тарасы не являлись сплошной конструкцией, как это предполагает рассматриваемая гипотеза. Из этих двух фактов следует вывод: в письменных источниках отсутствуют прямые указания на то, что тарасы представляли собой две параллельные стены с перерубами, и, напротив, есть указания на то, что тарасная стена не имела двух параллельных венчатых стен с перерубами, образующих клетки.

В письменных источниках содержатся косвенные свидетельства того, что тарасы могли представлять собой две параллельные венчатые стены с перерубами. При характеристике тарасных стен в 36 фортификационных сооружениях сообщается о заполнении стены хрящом (грунтом и / или камнями). Например, при описании Боровни в 1678 г. сказано, что «в городе учинены тарасы и насыпаны землею»¹³. В 1669 г. об устройстве стен Воронежа написано: «в городе ж, тарасы рубленные и насыпаны землею» [Вейнбергъ, 1886, с. 167]. Чтобы тарасы могли быть заполнены хрящом, они должны были иметь конструкцию, представляющую собой какой-то замкнутый объем. Этому условию, кроме прочих, удовлетворяет конструкция из двух параллельных венчатых стен с перерубами. Однако некоторые более подробные описания тарасов, заполненных хрящом, опровергают рассматриваемую гипотезу. Например, при описании Землянска в 1667 г. сказано, что «в городе сделаны тарасы и насыпаны землею по нижней бой» [Мокшин, 2018, с. 216]. Нижний бой устраивался на высоте, на которой человеку в положении стоя удобно вести стрельбу через бойницу. Согласно описанию Землянска, такие бойницы должны были устраиваться на уровне насыпанного грунта в стене шириной не менее 3 м (обычная минимальная ширина тарас). Такое положение бойниц лишено практического смысла. В 1666 г. в Козлове стена описывается следующим образом: «во всех пряслах (тарасов. – С. Г.) земли насыпано и бои в остроге просечены. А другие средние бои просечены в острожной же стене выше подошвенных боев для пищальных ж стрельбы из тех средних боев будет видеть стрелять стоячи на тарасех на насыпной земли»¹⁴. Из данного примера следует: 1) от основания до площадки среднего боя тарасы были заполнены грунтом; 2) присутствовали бойницы подошвенного боя. При ширине стены около 3 м устройство сквозных бойниц через столь широкую стену лишено смысла.

В 34 случаях тарасные стены с хрящом описаны такими способами, которые позволяют предполагать, что это могла быть конструкция из двух параллельных венчатых стен с перерубами. Однако эти же описания не позволяют исключить другие версии. Они не содержат прямых доказательств рассматриваемой гипотезы. Напротив, из описания Землянска и Козлова следует, что гипотеза неверна и, следовательно, тарасные стены имели какую-то иную конструкцию. При упоминании заполнения тарас грунтом, по всей видимости, речь идет о конструкции, которой были представлены стены в Олонце в 1649 и 1670 гг.¹⁵, а также в Коле в 1732–1736 гг. [Косточкин, 1958, с. 218, рис. 14, с. 225, рис. 17].

Приведем еще несколько тематически разрозненных аргументов, опровергающих рассматриваемую гипотезу. При описании Верхнего Ломова в 1678 г. сообщается, что «городовая стена <...> по мост вся опала и свалилась за город, и во многих местах городовая стена

¹¹ Акты Московского государства, изданные Императорскою академіею наукъ. Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1894. Т. 2: Разрядный приказъ. Московскій столь. 1635–1659. С. 472, 474.

¹² Новгород Великий..., с. 204.

¹³ Дополнения къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою комиссіею / Под ред. Н. В. Калачева, А. И. Тимофеева. Санктпетербургъ: [Б. и.], 1875. Т. 9. С. 274.

¹⁴ Известія Тамбовской ученой архивной комисіи. Тамбовъ: Типографія Губернскаго Правленія, 1892. Вып. 33. С. 72.

¹⁵ См.: Горохов С. В. Конструкция венчатых тарасных стен в Русском (Российском) государстве...

по мост развалилась, только стоят рубленые тарасы»¹⁶. Из данного примера следует: 1) стена и тарасы – это две разные конструкции, которые могут быть отделены друг от друга; 2) тарасы не являются конструкцией, образующей сплошную стену, иначе автор описания не сетовал бы на то, что после того, как развалилась стена, остались стоять только тарасы.

Из описания Кольского острога в 1703 г. известно, что «в городе от стены под стенным мостом построено вместо тарасов или быков 12 амбаров» [Косточкин, 1958, с. 240]. Из этой фразы следует, что тарасы не могут быть использованы как амбары. Если бы тарасы представляли собой две параллельные венчатые стены с перерубами, то они могли бы выполнять функцию амбаров, так как во всем были бы подобны им. Следовательно, данный пример является еще одним аргументом, опровергающим рассматриваемую гипотезу.

В 1667 г. при описании Землянска сообщается, что «в городе сделаны тарасы и насыпаны землею по нижней бой, обלאмы на столбах» [Мокшин, 2018, с. 216]. Из этого фрагмента мы узнаем, что обלאмы держатся на столбах, а не опираются на тарасы, как это должно было бы быть в рамках рассматриваемой гипотезы. Таким образом, в источниковой базе, во-первых, отсутствуют косвенные доказательства, подтверждающие рассматриваемую гипотезу, и, во-вторых, имеются примеры, опровергающие ее.

Важным аргументом, опровергающим рассматриваемую гипотезу, являются результаты сравнения способов описания конструкции «в две стены» и тарас [Упоминания стен..., 2024; Упоминания тарасных стен..., 2024]. Из табл. 2 видно, что конструкция тарас в письменных источниках характеризуется по гораздо большему перечню параметров, чем «в две стены». Кроме этого, те параметры, по которым характеризуется один из рассматриваемых типов стен, почти или вовсе не использовались для характеристики стен другого типа (за исключением редко встречающегося параметра «в клетку»). Особенно заметны диспропорции в таких характеристиках, как наличие переруба, хряща, и в сочетаемости с тыном.

Таблица 2

Количественные параметры способов описания тарас и «в две стены»

Table 2

Quantitative parameters of the methods of describing “taras” and “double-walled”

Параметры	«В две стены»	Тарасы
«В две стены», двойные стены, «в два бревна»	43	8
Переруб	8	0
«Д одну стену»	0	4
«В клетку»	3	2
«В три угла»	0	2
«В четыре угла»	0	3
Конструкция образует обלאм, расположена на втором ярусе	0	2
«Хрящ»	3	40
Сочетается с тыном	0	24
«Косая» конструкция	0	6
Низкий конструктивный элемент (до полусаженн высотой)	0	6

Картографический анализ распространения фортификационных сооружений, фигурирующих в письменных источниках под названиями «тарасы» и «в две стены», показывает, что зона распространения оборонительных сооружений «в две стены» и зоны наибольшей концентрации сооружений с тарасами¹⁷ пересекаются лишь частично (рис. 2). Это является

¹⁶ Сборник выписок..., с. 228.

¹⁷ В картографическом анализе нами учитывались только города с тарасными стенами. Многочисленные небольшие фортификационные объекты на засечных чертах без постоянного населения (городки, ворота, линейные укрепления), имевшие тарасы, нами не учитывались.

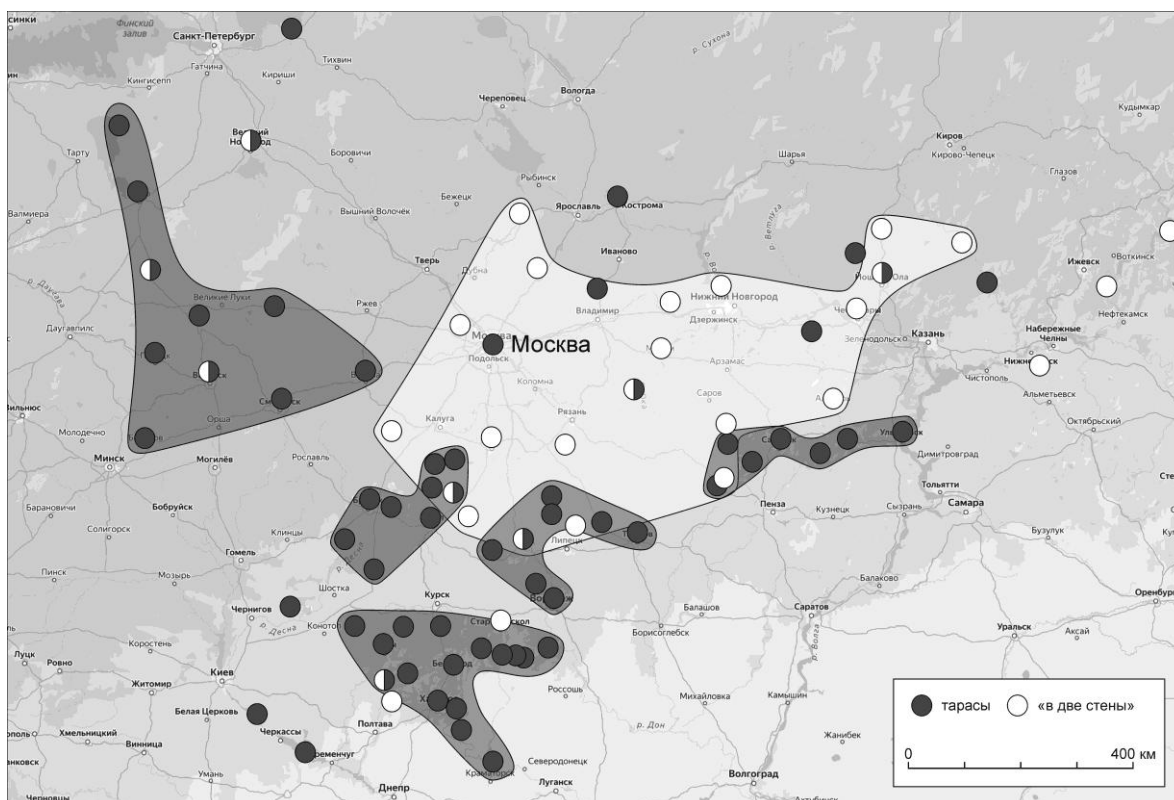

Рис. 2. Карта расположения оборонительных сооружений, при описании которых использовались термины «тарасы» и «в две стены»

Fig. 2. A map of the location of defensive structures, in the description of which the terms “taras” and “double-walled” were used

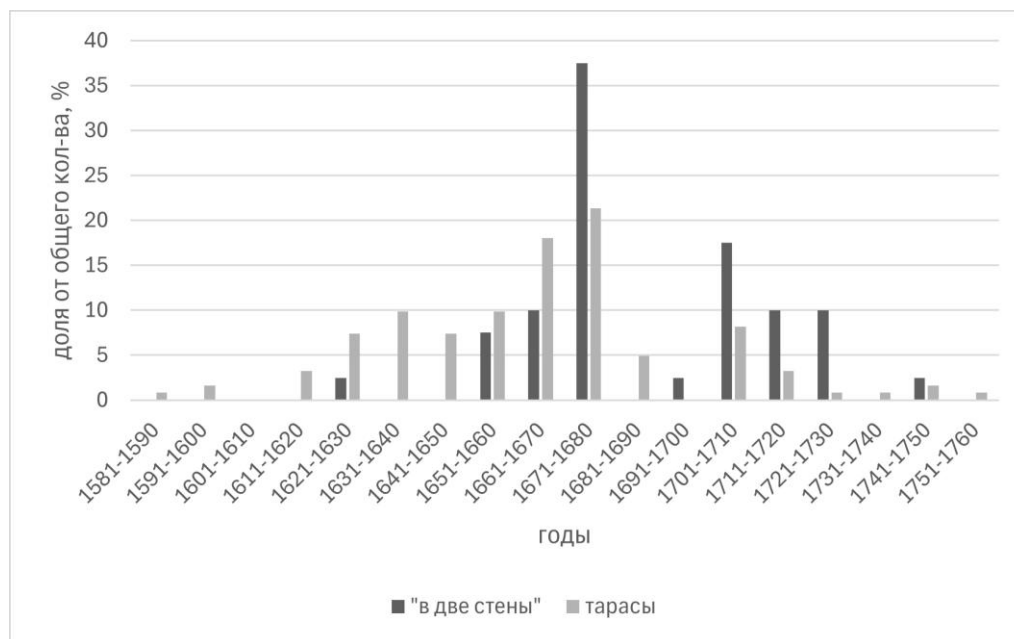

Рис. 3. График частоты упоминания терминов «тарасы» и «в две стены» в письменных источниках

Fig. 3. A graph of the frequency of mentioning the terms “taras” and “double-walled” in written sources

еще одним косвенным доказательством того, что тарасы и «в две стены» в письменных источниках не являются идентичными конструкциями. Можно было бы предположить, что описания оборонительных сооружений «в две стены» и с тарасами составлены в разное время и, следовательно, результаты картографического анализа отражают не различия в конструкции, а частоту употребления рассматриваемых терминов в разные периоды. Однако это не так. Оба эти термина одинаково интенсивно употреблялись в одно и то же время (рис. 3).

Ранее нами было выполнено исследование, посвященное городням в Сибири и на Дальнем Востоке. Установлено, что согласно письменным источникам в Мангазее, Туруханске и Березове в XVII в. стены представляли собой городни. В ходе археологических раскопок были выявлены конструкции, состоявшие из двух параллельных венчатых стен с перерубами. Следовательно, такие стены в XVII в. назывались городнями, а не тарасами [Горохов, 2024].

В настоящей статье показано, что тарасы не являются конструкцией из двух параллельных венчатых стен с перерубами, так как отсутствуют прямые указания на это в источниковой базе. Напротив, существует много описаний тарасных стен, из которых прямо или косвенно следует, что тарасы не являлись двумя параллельными венчатыми стенами с перерубами. Широкое распространение рассмотренной гипотезы о конструкции тарас среди историков русской фортификации, на наш взгляд, вызвано двумя факторами. Первый из них состоит в том, что современное представление о тарасах, будучи сформулировано Ф. Ф. Ласковским в его известной монографии 1858 г., было принято подавляющим большинством исследователей. Это связано с тем, что оно, как правило, не противоречит содержанию письменных источников. Второй фактор носит методологический характер и состоит в том, что за минувшие с 1858 г. более чем полтора столетия выводы Ф. Ф. Ласковского не были верифицированы на максимально полной источниковой базе, из беглого взгляда на которую сразу становится понятно, что представление о тарасах как о двух параллельных венчатых стенах с перерубами не соответствует действительности. Следовательно, важнейшим методологическим требованием при изучении данной темы является учет всей доступной в текущий момент источниковой базы.

Разрешение вопроса о конструктивном устройстве тарас станет предметом специального исследования.

Список литературы

- Бабенко В.** Древний Салтовъ // Двенадцатый археологический съездъ въ Харьковѣ в 1902 г. М.: Тов-во типографіи А. И. Мамонтова, 1905. С. 434–462.
- Вейнбергъ Л. Б.** Городъ Воронежъ (историческій очеркъ). Воронежъ: Типо-литографія Губернскаго Правленія, 1886. 216 с.
- Взгляды исследователей на конструкцию тарасных стен в Русском (Российском) государстве в XVI – первой половине XVIII века / Сост. С. В. Горохов. 2024 [Электронный ресурс]. DOI 10.13140/RG.2.2.11013.97761 (дата обращения 26.03.2024).
- Воротникова И. А., Неделин В. М.** Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости восточных рубежей России. М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»; БуксМАрт, 2021. Кн. 1. 800 с.
- Горохов С. В.** Городни в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – XVII веке // Поволжская археология. 2024. № 2. С. 175–190.
- Косточкин В. В.** Деревянный «город» Колы (Из истории русского оборонного зодчества конца XVI – начала XVIII в.) // Метательная артиллерия и оборонительные сооружения древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 200–247. (МИА. № 77)
- Ласковский Ф.** Матеріалы для історії інженерного искусства въ Росії. Часть I. Опыт исследования инженерного дела въ Росії до XVIII столетія. Санктпетербургъ: [Б. и.], 1858. 322 с.
- Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв. / Под ред. К. И. Могилевского. М.: Кучково поле, 2022. 388 с.

- Мокшин Г. Н.** Из истории города Землянска (вторая половина XVII – начало XX века). Воронеж: ВГУ, 2018. 256 с.
- Носов К. С.** Укрепления Киева во второй половине XVII века // Военно-исторический журнал. 2018. № 1. С. 60–69.
- Сташевский Е.** Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев: Университетская типография Акц. об-ва печат. и изд. дела Н. Т. Корчакъ-Новицкого, 1919. 342 с.
- Упоминания стен «в две стены» в письменных источниках в XVI – начала XVIII века / Сост. С. В. Горохов. 2024 [Электронный ресурс]. DOI 10.13140/RG.2.2.13621.79845 (дата обращения 12.01.2025).
- Упоминания тарасных стен в письменных источниках в XVI – начале XVIII века / Сост. С. В. Горохов. 2024 [Электронный ресурс]. DOI 10.13140/RG.2.2.26113.47200 (дата обращения 28.03.2024).
- Формализованная схема взглядов исследователей на конструкцию тарасных стен в Русском (Российском) государстве в XVI – первой половине XVIII века / Сост. С. В. Горохов. 2024 [Электронный ресурс]. DOI 10.13140/RG.2.2.25365.84968 (дата обращения 12.01.2025).
- Фруменков Г. Г.** Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. 184 с.

Список источников

- Акты Московского государства / Под ред. Н. А. Попова. Санктпетербургъ: Типография Императорской Академіи наукъ, 1890. Т. 1: Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571–1634. 802 с.
- Акты Московского государства, изданные Императорскою академіею наукъ. Санктпетербургъ: Типография Императорской Академіи наукъ, 1894. Т. 2: Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1635–1659. 819 с.
- Акты Московского государства, изданные Императорскою академіею наукъ. Санктпетербургъ: Типография Императорской Академіи наукъ, 1901. Т. 3: Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1660–1664. 708 с.
- Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою комиссіею. Санктпетербургъ: въ типографіи Эдуарда Праца, 1848. Т. 3. 572 с.
- Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою комиссіею / Под ред. Н. В. Калачева, А. И. Тимофеева. Санктпетербургъ: [Б. и.], 1875. Т. 9. 380 с.
- Засечная книга 1638 г. // Зап. Отдела рукописей. М.: Гос. б-ка СССР им В. И. Ленина, 1960. Вып. 23.
- Известія Тамбовской ученой архивной комиссіи. Тамбовъ: Типография Губернскаго Правленія, 1892. Вып. 33. 139 с.
- Книги Касимовскаго городского дела 179 и 180 и 181 и 182 (1671–1674) гг. // Тр. Рязанской ученой архивной комиссіи. Рязань: [Б. и.], 1893. Т. 8, вып. 1. С. 19–25.
- Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства / Под ред. В. Л. Янина. М.: [Б. и.], 1986. 316 с.
- Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою комиссіею. Санктпетербургъ: Типография Ф. Г. Елконскаго и Ко, 1884. Т. 8. 700 с.
- Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петре Великомъ. М.: Въ Университетской типографіи, 1872. Т. 2. 449 с.

References

- Babenko V.** Drevnii Saltov [Ancient Saltov]. In: Dvenadtsatyi arkheologicheskii s'ezd v Khar'kove v 1902 g. [The Twelfth Archaeological Congress in Kharkiv in 1902]. Moscow, Tovari-shchestvo tipografii A. I. Mamontova, 1905, pp. 434–462. (in Russ.)

- Frumenkov G. G.** Solovetskii monastyr i oborona Belomorya v XVI–XIX vv. [Solovetsky Monastery and the defense of the White Sea in the 16th – 19th centuries]. Arkhangelsk, Severo-zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975, 184 p. (in Russ.)
- Gorokhov S. V.** Gorodni v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v kontse XVI – XVII veke [The Town Governors in Siberia and the Far East at the End of the 16th – 17th Century]. *Volga Archaeology*, 2024, no. 2, pp. 175–190. (in Russ.)
- Gorokhov S. V.** (comp.). Upoaminaniya sten “v dve steny” v pis'mennykh istochnikakh v XVI – nachale XVIII veka [Mentions of “double-walled” fortifications in written sources of the 16th – early 18th century]. 2024 [Electronic resource]. (in Russ.) DOI 10.13140/RG.2.2.13621.79845 (accessed 29.03.2024).
- Gorokhov S. V.** (comp.). Upoaminaniya tarasnykh sten v pis'mennykh istochnikakh v XVI – nachale XVIII veka [Mentions of taras walls in written sources of the 16th – early 18th century]. 2024 [Electronic resource]. (in Russ.) DOI 10.13140/RG.2.2.26113.47200 (accessed 28.03.2024).
- Gorokhov S. V.** (comp.). Formalizovannaya skhema vzglyadov issledovatelei na konstruktsiyu tarasnykh sten v Russkom (Rossiiskom) gosudarstve v XVI – pervoi polovine XVIII veka [A formalized scheme of researchers' views on the construction of taras walls in the Russian (Russian) state in the 16th – first half of the 18th century]. 2024 [Electronic resource]. (in Russ.) DOI 10.13140/RG.2.2. 25365.84968 (accessed 27.03.2024).
- Gorokhov S. V.** (comp.). Vzglyady issledovatelei na konstruktsiyu tarasnykh sten v Russkom (Rossiiskom) gosudarstve v XVI – pervoi polovine XVIII veka [Views of researchers on the construction of taras walls in the Russian (Russian) state in the 16th – first half of the 18th century]. 2024 [Electronic resource]. (in Russ.) DOI 10.13140/RG.2.2.11013.97761 (accessed 26.03.2024).
- Kostochkin V. V.** Derevyanniy “gorod” Koly (Iz istorii russkogo oboronnogo zodchestva kontsa XVI – nachala XVIII v.) [The Wooden “City” of Kola (From the History of Russian Defensive Architecture of the Late 16th – Early 18th Century)]. In: Metatel'naya artilleriya i oboronitel'nye sooruzheniya Drevnei Rusi [Projectile Artillery and Defensive Structures of Ancient Rus']. Moscow, AS USSR Publ., 1958, pp. 200–247 (in Russ.) (Materials and Research on the Archaeology of the USSR. No. 77)
- Laskovsky F.** Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii [Materials for the history of engineering in Russia]. St. Petersburg, 1858, pt. 1: An attempt to study engineering in Russia before the 18th century, 322 p. (in Russ.)
- Linii rosta. Pamyatniki istoriko-kul'turnogo naslediya pogranich'ya Rossii XVI–XVIII vv. [Lines of growth. Monuments of historical and cultural heritage of the Russian borderland of the 16th – 18th centuries]. Moscow, Kuchkovo pole, 2022, 388 p. (in Russ.)
- Mokshin G. N.** Iz istorii goroda Zemlyanska (vtoraya polovina XVII – nachalo XX veka) [From the history of the city of Zemlyansk (second half of the 17th – beginning of the 20th century)]. Voronezh, VSU Press, 2018, 256 p. (in Russ.)
- Nosov K. S.** Ukrepleniya Kieva vo vtoroi polovine XVII veka [Fortifications of Kyiv in the second half of the 17th century]. *Military History Journal*, 2018, no. 1, pp. 60–69. (in Russ.)
- Stashevsky E.** Smolenskaya voyna 1632–1634 gg. Organizatsiya i sostoyanie Moskovskoi armii [The Smolensk War of 1632–1634. The organization and state of the Moscow army]. Kiev, Universitetskaya Tipografiya Aktsionernogo Obshchestva Pechatnogo i Izdatel'skogo Dela N. T. Korchaka-Novitskogo, 1919, 342 p. (in Russ.)
- Vorotnikova I. A., Nedelin V. M.** Kreml', kreposti i ukreplennyye monastyr'i Russkogo gosudarstva XV–XVII vekov. Kreposti vostochnykh rubezhei Rossii [The Kremlin, fortresses and fortified monasteries of the Russian State of the 15th – 17th centuries. Fortresses of the eastern borders of Russia]. Moscow, Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik “Moskovskii Kreml'”, BuksMart, 2021, vol. 1, 800 p. (in Russ.)
- Weinberg L. B.** Gorod Voronezh (istoricheskii ocherk) [The city of Voronezh (historical sketch)]. Voronezh, Tipografya Gubernskogo Pravleniya, 1886, 216 p. (in Russ.)

List of Sources

- Akty Moskovskogo gosudarstva [Acts of the Moscow State]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1890, vol. 1: Razryadnyi prikaz. Moscow table. 1571–1634, 802 p. (in Russ.)
- Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoyu akademieyu nauk [Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1894, vol. 2: Razryadnyi prikaz. Moscow table. 1635–1659, 819 p. (in Russ.)
- Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoyu akademieyu nauk [Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1901, vol. 3: Razryadnyi prikaz. Moscow table. 1660–1664, 708 p. (in Russ.)
- Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannyye Arkheograficheskoyu kommissiei [Additions to historical acts, collected and published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg, v tipografii Eduarda Prattsa, 1848, vol. 3, 572 p. (in Russ.)
- Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannyye Arkheograficheskoyu kommissiej [Additions to historical acts, collected and published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg, 1875, vol. 9, 380 p. (in Russ.)
- Izvestiya Tambovskoi uchenoi arkhivnoi komissii [News of the Tambov Learned Archival Commission]. Tambov, Tipografiya Gubernnogo Pravleniya, 1892, iss. 33, 139 p. (in Russ.)
- Knigi Kasimovskogo gorodovogo dela 179 i 180 i 181 i 182 (1671–1674) gg. [Books of the Kasimov City Affairs 179, 180, 181, and 182 (1671–1674)]. In: Trudy Ryazanskoi uchenoi arkhivnoi komissii [Proceedings of the Ryazan Learned Archival Commission]. Ryazan, 1893, vol. 8, iss. 1, pp. 19–25 (in Russ.)
- Novgorod Velikii v XVII v. Dokumenty po istorii gradostroitel'stva [Great Novgorod in the 17th century. Documents on the history of urban planning]. Moscow, 1986, 316 p. (in Russ.)
- Russkaya istoricheskaya biblioteka izdavaemaya Arkheograficheskoyu kommissiei [Russian historical library published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya F. G. Elkon'skogo i Ko, 1884, vol. 8, 700 p. (in Russ.)
- Sbornik vypisok iz arkhivnykh bumag o Petre Velikom [Collection of extracts from archival papers on Peter the Great]. Moscow, V Universitetskoj Tipografii, 1872, vol. 2, 449 p. (in Russ.)
- Zasechnaya kniga 1638 g. [Borderline Book of 1638]. In: Zapiski otdela rukopisei [Notes of the Department of Manuscripts]. Moscow, Gosudarstvennaya biblioteka SSSR im V. I. Lenina, 1960, iss. 23. (in Russ.)

Информация об авторе

Сергей Валерьевич Горохов, кандидат исторических наук

Information about the Author

Sergey V. Gorokhov, Candidate of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 30.09.2024;

одобрена после рецензирования 09.01.2025; принята к публикации 13.01.2025

The article was submitted on 30.09.2024;

approved after reviewing on 09.01.2025; accepted for publication on 13.01.2025

Научная статья

УДК 72.025.4

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-148-158

Historical and Cultural Connection of Restoration of Museum Objects with Traditional Crafts

Aibolat Khurmetbek¹, Zadash O. Dukenbaeva²
Victoria V. Nomogoeva³

^{1,2} L. N. Gumilev Eurasian National University
Astana, Kazakhstan

³ Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

¹ bula_zzz@mail.ru

² dukenbaevazo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5968-1539>

³ nomogoeva67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8852-2230>

Abstract

Purpose. The article analyzes the restoration methods of archaeological finds in museums of Kazakhstan and the historical connection of restorers with traditional artisans, jewelers; the current state of jewelry art passed down from generation to generation, actual problems of the current relationship between the historical relic and traditional methods in the past jewelry art; and the state of application of methods in the restoration literature of the Soviet period. The purpose of the article is to analyze the historical and cultural relationship between traditional jewelry art and modern restoration in our country, to demonstrate the methods and techniques used by restorers in the restoration of ancient crafts, to identify the state of the use of ancient jewelry methods by restorers in the restoration of museum objects. Consideration of special research papers to determine the purpose set out in the research article, study of the restoration work of exhibits in museums, description of the genetic, historical and cultural ties of restorers with ancient jewelry.

Results. A lot of scientific literature was analyzed regarding the methods of restoration of museum items together with their museum classification. The connection of the methods used by modern restorers in their daily work with jewelry art and crafts has been established. The continuation of this art in the intergenerational relations of restorers was described.

Conclusion. The article describes the existing methods of restoration of modern museum objects, and reveals the points that are still reflected in ancient jewelry methods. At the same time, it was found that restorers are descendants of artisans who passed down their craft art from one generation to another on the male line.

Keywords

restoration, traditional crafts, museum exhibits, jewelry art, craftsmen

For citation

Khurmetbek A., Dukenbaeva Z. O., Nomogoeva V. V. Historical and Cultural Connection of Restoration of Museum Objects with Traditional Crafts. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 148–158. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-148-158

Историко-культурная связь реставрации предметов из фондов музея с традиционными видами ремесел

Айболат Хурметбек¹, Задаш Оразгалиевна Дукенбаева²
Виктория Владимировна Номогоева³

^{1,2} Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева
Астана, Казахстан

³ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Россия

¹ bula_zzz@mail.ru

² dukenbaevazo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5968-1539>

³ nomogoeva67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8852-2230>

Аннотация

Цель. Статья посвящена анализу методов и приемов реставрации археологических материалов в музеях Казахстана, а также изучению исторических связей между реставраторами и традиционными ремесленниками, ювелирами. Рассматриваются современное состояние ювелирного искусства, передававшегося из поколения в поколение, актуальные проблемы взаимодействия традиционных подходов к историческим реликвиям и ювелирному искусству прошлого, а также состояние применения методов реставрации, описанных в литературе советского периода.

Результаты. В ходе исследования проанализирована значительная часть научной литературы, посвященной методам реставрации музейных предметов, и разработана основная классификация реставрированных предметов в музеях. Установлено, что методы, которые современные реставраторы используют в своей работе, тесно связаны с ювелирным искусством и традиционными ремеслами. Описаны межпоколенческие связи реставраторов, продолжающих традиции древних мастеров. Особое внимание уделено анализу реставрационных работ, проведенных в музеях Казахстана, включая восстановление таких значимых археологических находок, как «Золотой человек».

Заключение. Авторы приходят к выводу, что современные методы реставрации музейных предметов демонстрируют преемственность с древнейшими ювелирными техниками. Реставраторы, являясь потомками ремесленников, сохраняют и развивают традиции, передаваемые из поколения в поколение. Однако в условиях современных социальных изменений эти связи постепенно ослабевают. Для сохранения культурного наследия необходимо создание специализированных центров реставрации, проведение обучающих программ и укрепление профессиональных связей между реставраторами. Это позволит не только сохранить традиционные методы, но и адаптировать их к современным требованиям.

Ключевые слова

реставрация, традиционное ремесло, музейные артефакты, ювелирное искусство, ремесленники

Для цитирования

Хурметбек А., Дукенбаева З. О., Номогоева В. В. Историко-культурная связь реставрации предметов из фондов музея с традиционными видами ремесел // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 148–158. (на англ. яз.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-148-158

1. Introduction

Outstanding examples of crafts and nomadic culture in the Eurasian steppes are currently kept in museum expositions and funds. Over time, the historical and cultural value of these museum items increases and enters the scientific circulation. One of the areas of antiquities in the museum's funds are artifacts found in archaeological excavations, and the later part is handicrafts belonging to the ethnographic period. Among the artifacts found during archaeological excavations, several restored "Golden Men" are preserved in the National Museum of the Republic of Kazakhstan. This is given as a great result of Archaeological Research in Kazakhstan today. However, in addition to such golden objects, there are important artefacts that determine each of the cultural periods in the museum's collections. Besides, objects belonging to traditional crafts such as labor tools, jewelry, weapons, utensils and others also replenish the collection of the museum fund.

The preservation level of the fund materials, which are collected as an important monument of each historical period, is also different. In accordance with this, each item has its own issue that is

solved by restoration. This is also due to improper storage conditions of the museum item, inappropriate temperature conditions or defects caused when the item enters the museum fund, damage during archaeological excavations, lack of conservation work or careless actions of employees.

The collected challenging areas require consideration of a number of issues in the field of restoration in Kazakhstan in the following areas: the problem of the using restoration on archaeological materials in museums of Kazakhstan; restoration of objects from the ethnographic period among samples of material culture, cultural value left by Kazakh artisans, jewelers; Restoration School of the Soviet period; modern restoration achievements and problems. In search of answers to relevant questions, materials from the National Museum of the Republic of Kazakhstan were taken as a basis. Research additionally used historical and ethnographic data related to the traditional jewelry art and artisans. These museum materials and historical data increase the cultural value of the research topic. Similarly, the activities of modern restorers are considered as a continuation of jewelry art in traditional society. This demonstrates the authenticity of the social basis of the research work.

2. Materials and methods

Work on restoration work in museum funds is carried out using different methods, depending on the composition and nature of the item. Depending on the nature of the substance, there are its own methods of material made of wood, metal, ceramics, leather. We show the methods used, including those found as a result of archaeological research. These are chemical and electrochemical methods of restoration, methods of restoration of metal objects, methods of restoration of bronze objects. Modern restorers in museums of Kazakhstan carry out restoration works according to the specified methods. For example, 39 412 museum items were in need of restoration in the museums of Kazakhstan in 2023, of which only 3 878 exhibits were restored. This showed a large base of objects in the museum's funds that need recovery and emphasized the current problems of restoration work in Kazakhstan. A large material base, which requires restoration work, need various methods. If we consider the level of restoration work carried out so far, we can be convinced that the existing restoration methods are not fully effective. It shows that the methods developed in the Soviet period do not meet modern requirements and demonstrates its one-sided weaknesses. However, at present, major museums of the country are working on the restoration of archaeological finds, including such major achievements as the "Golden Man". This was highly productive in most cases. After analyzing these trends in the museums of Kazakhstan, most of the restoration work is focused on large-scale productive works (such monuments as the Golden Man). This, in turn, leads to the fact that the materials of the ethnographic period remain the smallest research methods.

3. Findings and Discussion

Most of the works that give an overview or a detailed description of the restoration works in the museum's collection were carried out by Russian authors.

As a prerequisite for conservation and restoration research, we can mention the studies carried out in the 60–80s of the 20th century [Altshuller et al., 1980; Fyodorov-Davydov et al., 1987; Bazarova et al., 1987; Bulatov, 1975; 1982: 7–18]. We can also note a number of works of subsequent years.

In the works of E. L. Bazarova, V. G. Novgorodova, G. A. Razumova, N. P. Zvorykin and O. I. Sergeeva [Sergeeva, 1987: 62–65], E. G. Devlet [Devlet, 2002] and V. I. Fedorov [Fedorov, 1965: 9–15] factors that negatively affect the physical preservation of archaeological sites are indicated.

Also, in the works of L. V. Piletskaya [Piletskaya, 2018: 48], A. V. Kiryanov [Kiryanov, 1960: 94], E. V. Efremova [Efremova, 2014: 95–101], M. S. Kustov [Kustov, 2006] and others, ways of restoration of various archaeological objects are revealed.

Among domestic researchers, we can mention the works of K. A. Akishev [Akishev, 1978], A. K. Akishev [Akishev, 1979], R. Akhmetkaliev [Akhmetkaliev, 2010: 20–24] and K. Altynbekov [Altynbekov, 2013: 64]. K. A. Akishev, A. K. Akishev's work "The origin and semantics of the Issyk headdress" [Proiskhozhdenie i semantika Issykskogo golovnogo ubora] focuses on the origin and semantics of the Golden Man's headdress found in the Issyk mound. The work of K. Altynbekov "Revived treasures of Kazakhstan: the experience of scientific restoration" [Vozrozhdennye sokrovischa Kazakhstana: opyt nauchnoj restavracii] describes the experience of restoration of archaeological artifacts from Berel, Tambalytas and other sites.

After the war, a new stage of conservation and restoration of exhibits was started. The activity of Restorers is manifested in the preservation of museum items and the inability to prevent future destruction. In the post-war period, the main directions of the department were determined. In most cases, outdated methods had to be revived.

In the 1950s, the expansion of the museum's Expeditionary work led to an active growth in the collections in the fund. The study of newly received materials in the museum's funds has created a need to understand the technology of their creation. At the same time, work was carried out on the conservation and restoration of exhibits.

The beginning of a comprehensive study of monuments and the identification of its features led to the emergence of new technologies and methods. In 1970, physical and chemical laboratories were established. These units have become analytical and scientific-experimental bases for the preservation of exhibits.

These trends continued in our country in the State Central Museum of the Republic of Kazakhstan, which was transferred from Orenburg. Restoration work began to be carried out on poorly preserved items in the fund to create the basis for the preservation and non-destruction of exhibits in the museum. These phenomena, which took place in the first term of the 20th century, continue nowadays and are established in a lot o museums of the country.

According to historiography, we can notice serious problems in the restoration of archaeological artifacts.

In order to preserve museum and archaeological heritage for a long time, a number of problems will have to be solved [Altshuller, 1980: 37; Fyodorov-Davydov et al., 1987: 116]. Currently, when opening archaeological sites, untimely conservation and restoration works pose a threat of destruction of monuments [Bazarova et al., 1987: 51]. If we analyze domestic studies, it shows that there are currently no studies related to the museumfication of archaeological heritage. It is noted that many years of archaeological sites have been studied by restoration and conservation methods [Fyodorov-Davydov et al., 1987: 113; Bulatov, 1975: 79; Bulatov, 1982: 85; Sergeeva, 1987: 62–65]. We can confirm that conservation and restoration studies were first conducted in the 60-80s of the 20th century [Altshuller, 1980; Bulatov, 1975; Bulatov, 1982: 7–18]. We can also note a number of works of subsequent years.

The works of E. L. Bazarova, V. G. Novgorodova, G. A. Razumova [Bazarova et al., 1987: 48–57], N. P. Zvorykin [Zvorykin, 1969: 23–30] and O. I. Sergeeva [Sergeeva, 1987: 62–65] indicate factors that negatively affect the physical preservation of archaeological sites. Among them: a sharp change in the temperature and humidity regime, chemical contamination [Bazarova et al., 1987: 52–53; Zvorykin, 1969: 23; Sergeeva, 1987: 63]; uncontrolled occurrence [Zvorykin, 1969: 23; Sergeeva, 1987: 63] and vibrodynamic Load [Bazarova et al., 1987: 53]. The article by N. P. Zvorykina describes the methodology of measures to prevent the specified causes [Zvorykin, 1969]. However, the work does not specify the classification of general restoration and conservation work. And V. I. Fedorov considers conservation work in two parts. At first, architectural and technical measures are the constructive fixation of the monument (addition to the main volume of the monument using restoration methods and replenishment of missing areas). Secondly, the preservation of the monument is achieved through the use of physical and chemical substances to protect it from surface and underground waste. This creates conditions for the preservation of the monument without any changes. In addition, the primer of the foundation must be strong, various

ointments must be applied to protect against groundwater [Fedorov, 1965: 11]. B. L. Altshuller and O. N. Postnikov describe the methods of conservation, anastilosis, analytical restoration and restoration as a whole. In addition, what method is needed for the monument will depend on the conditions of its preservation [Altshuller et al., 1987: 30]. And in the studies by N. D. Nedovich and L. A. Belyaev, the authors give three different methods of conservation and restoration work. That is, the “Kolpak (cap)” method, nature and layout conservation [Nedovich et al., 1987: 121–123]. The method of “Kolpak” is one of the ways to prepare an archaeological site for museum exhibition. In our opinion, the creation of pavilions protects the archaeological site from external negative factors. This ensures its physical integrity.

Available informational conservation and restoration issues of archaeological sites undergo a two-block process in the process of turning the monument into a museum item. The first is the natural aspect of archaeological sites. It includes stone, wood, burnt or unburned brick, a layer of soil, bone. The second includes works devoted to the problems of layout.

If we pay attention to the research of the first block, then according to the research of N. D. Nedovich and L. A. Belyaev, in the natural method, we try to make as few changes as possible to the archaeological site to show the population the most authentic preserved form, even without changes [Nedovich et al., 1987: 122]. According to the researchers, the conservation as archaeological method is the most useful, but not fully developed method for technical support. According to S. F. Strzheletsky, conservation methods include a number of methods necessary for the preservation and implementation of the monument, regardless of its nature and value [Strzheletsky, 1969: 36]. According to N. M. Bulatov, the conservation event should consist of two stages: fixing the remains of the structure found by archaeologists and preserving the fixed structural remains in the excavation [Bulatov, 1975: 100].

P. D. Baranovsky in his report “On the methods of conservation and restoration of ruins of architectural cultural monuments based on the works of the Caucasian expeditions of the Scientific Research Institute of the USSR Academy of Sciences 1946–1947 [O metodakh konservatsii i restavratsii ruin arkhitekturnykh pamyatnikov kultury po rabotam kavkazskikh ekspeditsij NII AN SSSR 1946–1947]” touched upon the problem of conservation of destroyed stone pile structures. On December 16, 1949, at the Presidium of the Scientific Council of the USSR Academy of Sciences, he raised the issue of preserving the ruins of the Lecith temple in the Caucasus.

According to P. D. Baranovsky, the conservation work of the ruins is carried out in order to separate objects with an architectural element from the rubble. This includes methods such as using archaeological materials, engineering fixation, restoration of the ruin, coating the restored mound with a coating to protect it from external factors, atmospheric influences, etc [Baranovsky, 1949].

The work of N. M. Bulatova tells about the restoration and analysis of the foundations and walls of the ancient “Tanais” and some destroyed stones [Bulatov, 1982: 106].

In modern studies, there are descriptions of the preservation of archaeological sites with stone architecture. For example, the article by S. V. Faterov and I. N. Melnikov tells about conservation work at archaeological objects [Melnikov et al., 2008: 238]. According to researchers, many years of care for monuments gave rise to a number of technological proposals. These recommendations ensure the physical preservation of the monument. Among these measures are herbicide, biocide treatment, decontamination from various substances, mineral enrichment, protection against atmospheric influences with an organic silicon compound.

The most rapidly destroying type of archaeological sites are wooden objects. According to A. N. Medvedev, there will be rotting, drying out and the effects of microorganisms [Medved 1999: 94]. And, according to A. N. Bulatova [Bulatov, 1975], O. N. Bader [Bader, 1978] and A. N. Medved [Medved, 2004], it is better to carry out heat treatment of wooden materials found in archaeological excavations, wrapped in polymer with deep burning with synthetic resin [Bulatov, 1975: 100; Bader, 1978: 143; Medved, 1999: 94, 95]. The main content of these methods was used in the process of museumification of many medieval towns on European soil. V. E. Vikhrova, V. A. Borisova and S. Yu. Kazanskoy discussed it in their research [Vihrov et al., 1973: 277–279].

The main factors affecting the preservation of soil residues (protective ditches, mounds, basements, pits, etc.) are plants, precipitation, dust, industrial waste, etc. according to A. N. Medved [Medved, 1992: 91, 92]. According to the researcher, soil waste does not resort much to the help of restorers. The only thing that can be done is to get rid of the plants in a temporary manner. However, it is more profitable to place a security zone around the monument. According to A. N. Kondrashev, conservation work is not carried out on the destroyed archaeological layer. This is the main problem of preserving archaeological sites [Kondrashev, 2011: 294]. In addition, according to I. N. Melnikova and S. V. Faterova, restoration works in archaeological museums began to be created in 1979. Restoration and conservation experiments began to be carried out. This was the basis for the preservation of the soil layer [Melnikova et al., 2008: 238].

One of the materials found in the archaeological site is a brick. Researchers consider bricks to be divided into fired and unburned. G. A. Fedorov-Davydov, N. M. Bulatov [Fedorov-Davydov, 1987], P. D. Baranovsky [Baranovsky, 1996] state that an unburned laundry should not be left in the open air. Because the monument begins to be destroyed by atmospheric influences. The only way to preserve an archaeological site made of unburned bricks is to strengthen the wall using chemical-technological methods [Fedorov-Davydov et al., 1987: 115]. And the issue of conservation of burnt brick structures was written by B. L. Altshuller and O. N. Postnikova [Altshuller et al., 1987: 25–34].

As for the preservation of archaeological materials made of bones, most scientists note the need to process bone objects with a buteral processing in the process of museumfication. In addition, it is customary to use alcohol, PVA glue [Dubrovsky et al., 2010].

A separate group of archaeological sites is represented by rock paintings. In the monographs of D. K. Dubrovsky and V. Yu. Gracheva the work done to preserve petroglyphs is considered. Scratches on the rock surface and subsequent painted images indicate that they were restored using epoxy resin. According to the researchers, it is found that this method is ineffective. According to some opinions, it is necessary to take measures to create a water-repellent canopy on top of the rock paintings, remove the applied epoxy resin, etc [Sergeeva, 1987; Dubrovsky et al., 2010: 202].

Further, we pay attention to the researchers from the second group. According to V. I. Fedorov, the approach to layout should be implemented according to ancient technology, restoring the stone walls and ancient brickwork of an architectural monument and laying another new one [Fedorov, 1965: 11, 12]. And S. S. Aidarov and A. S. Voskresensky argue that laying old bricks with new bricks contributes to its long-term preservation [Ajdarov et al., 1969: 60]. According to Fedorov, a specially overlapped structure can be used to store bricks. That is, only if it is impossible to use the physico-chemical necessary substance. In addition, protective bricks must have facades [Fedorov, 1965: 14]. As an alternative to this, the researcher considers the use of a plastic coating. B. L. Altshuller and O. N. Postnikova note the absence of a difference in the color of the additional protective shield on the monuments using the materials of other monument. If the colors are different, this can only be temporary.

Over the years, museum objects and exhibits from the collections have become the storage units of the fund. Many of these items represent samples of material culture, household items, various things, furniture that were used in traditional society. Samples of material culture were transferred to the museum fund after ethnographic research, when memorial items are considered exhibits handed over by the descendants of famous personalities. It is also obvious that a large number of archaeological artifacts from the museum's collections are also the result of scientific research. The priority in the museums of Kazakhstan is the restoration of archaeological artifacts, in particular, the “Golden Warriors” from the mounds of Issyk, Shilikty, Berel, etc. And the daily work of restorers is connected not only with the “golden man”. Therefore, the main activity of a simple restorer depends on items from the museum's collections. Most of the items in need of restoration are wooden and leather products, as well as metal jewelry and objects reflecting national culture. These items are the epitome of jewelry art in a traditional society. In general, the jewelry art of the Kazakhs originates from the work of craftsmen who created rich jewelry found in the Issyk mound. It is also associated

with the Berel masters of the 4–3 centuries BC. The main materials for making jewelry were gold and silver. The natural plasticity of these metals contributed to the fact that jewelers made various products. Various techniques have been developed in the processing of such soft metals. The most common types of steel are forging, stamping, forming, wire stretching, casting, welding, blackening, etc. It is natural that such a highly developed jewelry art, which developed in the Saka times, developed in the Kazakh society. For example, the fastening of tiny gold beads on the clothes of the Golden Man from the Shilikty mound is currently considered a scientific discovery. Kazakh jewelers call this method “stringing beads”. The decoration with the smallest beads testifies to the high level of professional training of jewelers. This concept appeared among jewelers, but was also used in other spheres of life. For example, skillful performance on musical instruments is described as “the finest performance of a melody”. This means performing a piece of music with great skill. In the Kazakh people, the concept of “sewn with gold, covered with silver” reflects the technology of jewelers making jewelry.

This jewelry art in Kazakh society is a mature art form that has gone through processes that cover a long historical period from Saka tribes.

The profession of jewelers was associated with high mystical powers. Considering that “the idol of iron is the prophet David”. It is known in religious writings that the prophet David was a blacksmith. According to the Scriptures, jewelers also worshipped the prophet David. Blacksmiths and jewelers called their forge a “shop”. The dynasties of blacksmiths with similar workshops were respected in society. Their forges were also recognized as the sanctuary where their property was located. For example, some sick, child-bearing women made their pilgrimages to the workshops of the “holy” blacksmiths. For such masters, firearms will be used the very next day. There were many such blacksmiths in Kazakh history. Some sources associate the profession of jewelers with the activities of shamans. One of these blacksmiths is the Mendala master, who lived in the 19 century in the Tabyn district of Aktobe region (now Bayganin district). Mendaly was a well-known and respected blacksmith of his time. He made weapons, tools necessary for everyday life, but also his workshop was visited by people for treatment, women who could not have children. In addition, he was an elder of the Koshen family, who helped with food in difficult times: he put a taikazan in front of the workshop, slaughtered cattle and distributed meat to the villagers. In the mouths of the people, the master of Mendaly was the man who provided 40 families.

In 1981, one of the founders of Ihlas museum of Folk musical instruments was Darkembay Shokparuly. At the end of the 20th century, Darkembay Shokparuly was recognized as a master propagandist of traditional Kazakh crafts. In 1981, after the opening of the museum of folk musical instruments, he created musical instruments of the Kazakh people in a short time. Dombra, dangyra, kobyz, created by the master, are still on exhibition of the museum. Darkembay Shokparuly’s son Daulet Darkembaeyuly runs the museum named after his father and carries out restoration work on musical instruments. A special workshop has been created in this museum under the leadership of Daulet Darkembaeyuly. Visitors have the opportunity to see the master's products at master classes. Currently, Daulet Darkembaeyuly is popular in the country as an artisan carpenter.

After the foundation of Ihlas museum of Folk musical instruments, the ensemble of National Instruments “Sazgen-Sazy” will be created. All musical instruments of this ensemble were made by masters led by Saparbek Dilmanov. Currently, the brothers of Saparbek Dilmanov founded the Musical instrument company “Sherter”. Its leader is Bakytzhan Dilmanov. The masters of the company “Sherter” not only do business in their company, but also actively participate in the restoration work of the music museum.

Many master restorers are members of the Art Council created at the museum. Based on this professional connection, the Ihlas museum of Folk musical instruments organizes festivals of instrument-making Masters called “Legendary dombra” every two years. At this festival, Modern Masters make copies of such masters of art as Kazangap, Makhambet, Nausha, Sugir, Dina, Zhambyl, and bring them to the sound.

Among professional restorers, one can also trace the trends that are emerging as a kind of school. For example, K. Altynbekov's own restoration school has been formed, which has restored such major archaeological achievements as Berel and Shilikty. Here, too, there is a continuation of the traditional generation. The daughter of K. Altynbekov D. Altynbekova is a professional restorer of the National Museum of the Republic of Kazakhstan.

4. Conclusion

In conclusion, restoration work in the museums of Kazakhstan began to develop in the middle of the 20 century. But despite modern scientific discoveries, restoration still remains at an initial level. In addition, the restoration of objects in the museum's collection, where samples of traditional Kazakh crafts and jewelry are stored, was not on the agenda. The problem here is that the works created by traditional craftsmen are being restored by their descendants. But in the future, if the restoration search is established in a scientific and professional manner, these intergenerational ties will be broken. This is because, in today's rapid social changes, the importance of artisans, which has been passed down from generation to generation, is being lost day by day. As a solution to these problems, the government of Kazakhstan also implements projects to support artisans. Some of the largest museums have created craft centers, creative industrial centers, and private associations. Here craftsmen can develop their craft, conduct master classes and present it to the public.

Since the issue of restoration of museum objects is one of the main problems of museums in Kazakhstan, we offer several solutions.

First of all, conducting bi-directional advanced training courses for restorers in museums. The first direction is to prioritize employees who are descendants of artisans, the second priority is to conduct restoration searches in historically and culturally close countries. This is due to the fact that along with Kazakhstan, the cultural heritage of other Turkic peoples is similar in common. It is beneficial for the restorer to carry out work on the restoration of similar historical artifacts. The second priority is training in developed countries, from qualification to the content of items necessary for restoration in our museums. For example, in which countries is the restoration of leather or metal products developed. In accordance with this, education should be improved in these countries. On the contrary, our employees prefer to study where the language is light, that is, in a Russian-speaking environment. This happens depending on the subjective potential of restorers.

Secondly, it is necessary to create common associations, associations or unions of museum restorers. At the moment, restorers do not have such special organizations, and even a common discussion platform is not fully formed. It's just that the "Qazqaitajanarty" organization brings together a number of restorers. However, it creates individual projects and work as a separate institution. Some artists who restore the heritage of Fine Arts are registered with the Union of artists of Kazakhstan. It is necessary to create a special discussion environment, a common meeting platform for restorers. Under these conditions, new areas of restoration would develop. This will allow young restorers to form as well. Perhaps, as a third point, it is necessary to exclude restoration activities from museums as a whole. Restoration work will be carried out on the basis of the activities of special institutions, such as "Qazqaitajanarty" organization. If the same situation is created in museums, it will accelerate the restoration of many museum items and create conditions for the formation of high-quality services.

References

Aidarov S. S., Voskresensky A. S. Konservatsiya ruin Sobornoi mecheti v Bolgarakh [Preservation of the ruins of the Cathedral Mosque in Bulgaria]. In: Soobshcheniya NMS po okhrane pamyatnikov kul'tury Ministerstva kul'tury SSSR. Moscow, 1969, iss. 4, pp. 58–62. (in Russ.)

- Akhmetkaliev R., Altynbekov K.** Diagnostika protsessa propitki degradirovannoi drevesiny [Diagnostics of the process of impregnation of degraded wood]. *Poisk*, 2010, no. 4, pp. 20–24. (in Russ.)
- Akishev K. A.** Kurgan Issyk. Iskustvo sakov Kazakhstana [Issyk Kurgan. The art of the Saks of Kazakhstan]. Moscow, Iskustvo, 1978, 132 p. (in Russ.)
- Akishev K. A., Akishev A. K.** Proiskhozhdenie i semantika Issykskogo golovnogo ubora [The origin and semantics of the Issyk headdress]. In: *Arheologicheskie issledovaniya v Kazakhstane*. Alma-Ata, 1979. (in Russ.)
- Altshuller B. L., Krolenko I. I., Postnikova O. N.** Problemy dolgovremennogo sokhraneniya arkhologicheskikh pamyatnikov [Problems of long-term preservation of archaeological sites]. In: *Problemy okhrany pamyatnikov arkheologii v naselennykh mestakh: Materialy Vsesoyuz. konf. Erevan, 1980*, pp. 36–40. (in Russ.)
- Altshuller B. L., Postnikova O. N.** Metodicheskie problemy dolgovremennogo sokhraneniya kamennykh arkhitekturno-arkheologicheskikh pamyatnikov [Methodological problems of long-term preservation of stone architectural and archaeological monuments]. In: *Metodicheskie osnovy okhrany i ispol'zovaniya pamyatnikov arkheologii*. Moscow, 1987, pp. 25–34. (in Russ.)
- Altynbekov K.** Vozrozhennaya iz pepla. Rekonstruktsiya po materialam pogrebeniya zhritsy iz kompleksa Taksai I [Reborn from the ashes. Reconstruction based on the materials of the burial of a priestess from the Taksai I complex]. Almaty, 2013, 64 p. (in Russ.)
- Altynbekov K.** Vozrozhennyye sokrovishcha Kazakhstana: opyt nauchnoi restavratsii [Revived treasures of Kazakhstan: the experience of scientific restoration]. Almaty, 2014, 360 p. (in Russ.)
- Bader O. N.** Muzeifikatsiya arkheologicheskikh pamyatnikov [Museumification of archaeological sites]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1978, no. 3, pp. 138–153. (in Russ.)
- Baranovsky P. D.** O metodakh konservatsii i restavratsii ruin arkhitekturnykh pamyatnikov po rabotam kavkazskikh ekspeditsii NII AN SSSR 1946–1947 gg.: dokl. na zasedanii NMS po okhrane pamyatnikov kul'tury pri Prezidiume AN SSSR, 16 dekabrya 1949 g. [On the methods of conservation and restoration of ruins of architectural monuments based on the works of the Caucasian expeditions of the Scientific Research Institute of the USSR Academy of Sciences 1946–1947: dokl. at the meeting of the NMS for the Protection of Cultural monuments at the Presidium of the USSR Academy of Sciences, December 16, 1949]. In: *Petr Baranovsky: trudy, vospominaniya sovremennikov*. Comp. by Yu. A. Bychkov, O. P. Baranovskaya, V. A. Desyatnikov, A. M. Ponomarev. Moscow, 1996. URL: <http://www.russist.ru/baranovsky/pb> (in Russ.) (accessed 16.03.2019).
- Bazarova E. L., Novgorodov V. G., Razumov G. A.** Sokhranenie pamyatnikov arkheologii (organizatsionnye i inzhenernye voprosy) [Preservation of archaeological sites (organizational and engineering issues)]. In: *Metodicheskie osnovy okhrany i ispol'zovaniya pamyatnikov arkheologii*. Moscow, 1987, pp. 48–57. (in Russ.)
- Bulatov N. M.** Opyt muzeifikatsii arkheologicheskikh (kamennykh) ostatkov na territorii RSFSR [The experience of museumification of archaeological (stone) remains on the territory of the RSFSR]. In: *Voprosy okhrany, restavratsii i propagandy pamyatnikov istorii i kul'tury*. Moscow, 1982. № 109, pp. 84–114. (in Russ.)
- Bulatov N. M.** Printsipy organizatsii arkheologicheskikh muzeev-zapovednikov [Principles of the organization of archaeological museums-reserves]. In: *Voprosy okhrany, restavratsii i propagandy pamyatnikov istorii i kul'tury*. Moscow, 1975, iss. 3, pp. 77–113. (in Russ.)
- Devlet E. G.** Pamyatniki naskal'nogo iskusstva: izuchenie, sokhranenie, ispol'zovanie [Rock art monuments: study, preservation, use]. Moscow, 2002, 253 p. (in Russ.)
- Dubrovsky D. K., Grachev V. Yu.** Ural'skie pisanitsy v mirovom naskal'nom iskusstve [Ural writings in the world of rock art]. Ekaterinburg, 2010, 213 p. (in Russ.)

- Efremova E. V.** Konservatsiya i restavratsiya pamyatnikov arkheologii v protsesse ikh muzeefikatsii [Conservation and restoration of archaeological monuments in the process of their museumification]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 384, pp. 95–101. (in Russ.)
- Fedorov V. I.** Nekotorye voprosy metodiki konservatsii kamennoi kladki [Some questions of the masonry conservation methodology]. *Soobshcheniya NMS po okhrane pamyatnikov kul'tury Ministerstva kul'tury SSSR*. Moscow, 1965, iss. 1, pp. 9–15. (in Russ.)
- Fyodorov-Davydov G. A., Bulatov N. M.** Arkheologicheskie muzei-zapovedniki (problemy i perspektivy) [Archaeological museum reserves (problems and prospects)]. In: *Metodicheskie osnovy okhrany i ispol'zovaniya pamyatnikov arkheologii*. Moscow, 1987, pp. 111–119. (in Russ.)
- Kiryanov A. V.** Restavratsiya arkheologicheskikh predmetov [Restoration of archaeological objects]. Moscow, 1960, 94 p. (in Russ.)
- Kondrashev A. N.** Dolgosrochnye programmy po sokhraneniyu ob'ektov arkheologicheskogo naslediya, realizuemye na territorii Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry [Long-term programs for the preservation of archaeological heritage sites implemented in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra]. In: *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda*. St. Petersburg, Moscow, Velikii Novgorod, 2011, vol. 2. (in Russ.)
- Kustov M. S.** Metody i sredstvo pervichnoi konservatsii metalla (po materialam arkheologicheskikh kompleksov yuga srednei Sibiri) [Methods and means of primary metal preservation (based on materials from archaeological complexes in the south of Central Siberia)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii IrGTU*, 2006, no. 4. (in Russ.)
- Medved A. N.** Muzeefikatsiya pamyatnikov arkheologii [Museumification of archaeological sites]. Moscow, 2004, 80 p. (in Russ.)
- Medved A. N.** Muzeefikatsiya srednevekovykh pamyatnikov arkheologii [Museumification of medieval archaeological sites]: Diss. Cand. Hist. Sci. Moscow, 1999, 172 p. (in Russ.)
- Melnikova I. N., Faterova S. V.** Opyt sokhraneniya i monitoringa pamyatnika arkheologii “Antichnyi gorod Gorgippiya” [The experience of preserving and monitoring the archaeological monument “Ancient City of Gorgippia”]. In: *Ekologicheskie problemy razvitiya muzeev-zapovednikov: materialy X Vseros. nauch. konf.* Moscow, 2008, pp. 237–241. (in Russ.)
- Nedovich N. D., Belyaev L. A.** Iz praktiki ob"edineniya “Rosrestavratsiya” po konservatsii i muzeefikatsii pamyatnikov arkheologii [From the practice of the association “Rosrestavratsiya” for the conservation and museumification of archaeological monuments]. In: *Metodicheskie osnovy okhrany i ispol'zovaniya pamyatnikov arkheologii*. Moscow, 1987, pp. 120–126. (in Russ.)
- Piletskaya L. V.** Polevaya konservatsiya arheologicheskikh nahhodok (tekstil', metall, steklo) [Field conservation of archaeological finds (textiles, metal, glass)]. Tomsk, 2018, 48 p. (in Russ.)
- Sergeeva O. I.** Konservatsiya stroitel'nykh ostatkov arkhitekturno-arkheologicheskikh pamyatnikov v Krymu [Conservation of building remains of architectural and archaeological monuments in Crimea]. In: *Metodicheskie osnovy okhrany i ispol'zovaniya pamyatnikov arkheologii* [Methodological principles for the protection and use of archaeological monuments]. Moscow, 1987, pp. 62–65. (in Russ.)
- Strzheletsky S. F.** Opyt konservatsii ruinirovannykh pamyatnikov antichnogo i srednevekovogo Khersonesa [The experience of conservation of the ruined monuments of ancient and medieval Chersonesos]. In: *Soobshcheniya NMS po okhrane pamyatnikov kul'tury Ministerstva kul'tury SSSR*. Moscow, 1969, iss. 4, pp. 32–40. (in Russ.)
- Vikhrov V. E., Vikhrov Yu. V., Borisov V. A., Kazanskaya S. Yu.** Sokhranenie drevesiny iz raskopok Berestya [Preservation of wood from Berestyie excavations]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1973, no. 4, pp. 277–279. (in Russ.)

Zvorykin N. P. Fiziko-khimicheskie sredstva zashchity pri konservatsii arkhitekturno-arkheologicheskikh ruinirovannykh pamyatnikov [Physico-chemical means of protection in the conservation of architectural and archaeological ruins]. In: Soobshcheniya NMS po okhrane pamyatnikov kul'tury Ministerstva kul'tury SSSR. Moscow, 1969, iss. 4, pp. 23–30. (in Russ.)

Information about the Authors

Aibolat Khurmetbek

Zadash O. Dukenbaeva, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57205127962

Victoria V. Nomogoeva, Doctor of Sciences (History)

Информация об авторах

Айболат Хурметбек

Задаш Оразгалиевна Дукенбаева, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57205127962

Виктория Владимировна Номогоева, доктор исторических наук

The article was submitted on 31.10.2024;

approved after reviewing on 10.02.2025; accepted for publication on 10.02.2025

Статья поступила в редакцию 31.10.2024;

одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 10.02.2025

Научная статья

УДК 94(581+397.4)

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-159-176

Кипчакский этнический компонент в составе народов Афганистана

Рустам Абдубаитович Абдуманапов

Томский исследовательский государственный университет
Томск, Россия

Научный институт изучения «Улуса Джучи»
Астана, Казахстан

manap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4628-622X>

Аннотация

Целью работы является исследование кипчакского этнического элемента в составе народов Афганистана, таких как чахар-аймаки, аймак-и дигар и хазарейцы. В статье рассматриваются различные исторические периоды, начиная с XI в., когда кипчакские племена начали продвигаться на территорию Мавераннахра. Особое внимание уделяется эпохе правления эмира Тимура и его политических преемников, а также времени царствования тимурида Султан-Махмуда и XVI веку, когда северный Афганистан оказался под властью узбекских ханов. В работе анализируется процесс интеграции кипчаков в состав местных народов – чахар-аймаков, аймак-и дигар и хазарейцев. В результате этих событий кипчакский этнический элемент стал неотъемлемой частью кочевых сообществ Афганистана.

Ключевые слова

кипчаки, чахар-аймаки, хазарейцы, аймак-и дигар, хорезмшахи, тимуриды, илатийа, кочевники Афганистана

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (AP19579400 «Кипчакский компонент в этногенезе казахов, кыргызов, башкир, ногайцев и каракалпаков»)

Для цитирования

Абдуманапов Р. А. Кипчакский этнический компонент в составе народов Афганистана // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 159–176. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-159-176

The Kipchak Ethnic Component in the Composition of the Peoples of Afghanistan

Rustam A. Abdumanapov

National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

Research Institute for Jochi Ulus Studies
Astana, Kazakhstan

manap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4628-622X>

Abstract

Purpose. The aim of this study is to identify the Kipchak ethnic component in some of the peoples of Afghanistan – the Chahar Aimaks, Aimak-i Digar and the Hazaras.

Results. Beginning in the 11th century, the Kipchak tribes moved into the territory of Maverannahr and established relations with Khorezmshah state. Marriage ties with the Khorezmshahs led to the Kipchaks becoming their military support, and as a result, becoming active participants in their expansion into Afghanistan. During the reign of Emir

© Абдуманапов Р. А., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 5: Археология и этнография. С. 159–176
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 159–176

Timur and his political heirs, the Kipchak tribes, which were part of three military-tribal associations – the Ilchikdai ulus, the Sary-Buga ulus and its descendants, as well as the military corps of Emir Zu-n-Nun Arghun, moved into Afghanistan. During the reign of the Timurid Sultan Mahmud, the Turkestan Kipchak Khusrau Shah came to power and captured the territories of Northern Afghanistan from the Amu Darya to the Hindu Kush. From the beginning of the 16th century, Northern Afghanistan came under the rule of the Uzbek tribes, among which the Kipchaks were also recorded. As a result of these processes, the Kipchaks gradually became part of the local peoples – the Chahar-Aimaks, Aimak-i Digar and the Hazaras. The Kipchaks are mentioned as a part of the Chahar-Aimaks in the notes of travelers Ferrier, Hanikov, Stewart and others. Sources connect the Kipchaks with the Chahar-Aimak tribes of Taimani, Hazara-Chahar, Jamshidi, and also mention them as a part of the Aimak-i Digar, as well as a part of the Hazara tribe of Khoja. Population genetics data records the relationship between the representatives of the Hazara tribe of Jaguri and the Kipchaks within the Kyrgyz.

Conclusions. Analysis of various sources shows that the Kipchak tribes appeared on the territory of Afghanistan during the reign of the Khorezmshahs. The second wave of the Kipchak tribes moved there during the reign of Emir Timur and his descendants. The Kipchak tribes, as part of the Uzbeks, penetrated into Afghanistan during their expansion led by Sheibani Khan. As a result of these events, the ethnic component of the Kipchaks became part of the nomadic peoples of this country – the Chahar-Aimaks, Aimak-i Digar and the Hazaras.

Keywords

Kipchak, Chahar-aimaq, Hazaras, Aimaq-i Digar, Khwarazmshahs, Timurids, Ilatiyas, nomads of Afghanistan

Acknowledgements

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (AP19579400 “Kipchak component in the ethnogenesis of Kazakhs, Kyrgyz, Bashkirs, Nogais and Karakalpaks”)

For citation

Abdumanapov R. A. The Kipchak Ethnic Component in the Composition of the Peoples of Afghanistan. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 159–176. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-5-159-176

В XI в. пространства евразийского степного коридора от Алтая до Балкан занимают многочисленные кипчакские племена [Golden, 1992, p. 277–280]. С этого времени эти пространства получают наименование «кипчакских степей» – Дешт-и Кипчак [Бартольд, 1968, с. 550]. Монгольская экспансия XIII в. полностью изменяет этнополитическую ситуацию в Евразии. Кипчаки подвергаются уничтожению, часть покоренных монголами племен оказывается в составе новых кочевых образований. Эти события приводят к тому, что кипчакский компонент становится субстратом в процессах этнической консолидации многих народов Евразийского континента. Участие кипчакского этнического компонента в этногенезе и этнической истории казахов, башкир, узбеков, ногайцев, татар, киргизов стало темой отдельных исследований [Муканов, 1974; Кузеев, 1974; Шаниязов, 1974; Гимбатова, 1998; Исхаков, Измайлов, 2000; Абдуманопов, 2015]. В то же время вопросы включения кипчакского этнического компонента в процессы формирования народов современного Афганистана остались вне внимания специалистов. Выявление кипчакского этнического компонента у народов Афганистана позволит реконструировать историю кипчакских племен Центральной Азии, также уточнит временные рамки и географические реалии участия этих племен в истории Афганистана.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении кипчакского этнического компонента в составе народов Афганистана – чахар-аймаков, аймак-и дигар и хазарейцев¹. Для достижения основной цели исследования привлекаются сведения широкого круга источников, затрагивающих историю Центральной Азии в целом, а также историю Афганистана. В первую очередь, это исторические и географические труды средневековых летописцев: анонимное сочинение «Худуд аль-алам мин аль-Машрик ила-ль-Магриб» (Границы мира с востока на запад), «Ахсан ат-такасим фи марифат ал-акалим» (Лучшее разделение для познания климатов) Шамсуддина Мухаммад ибн Ахмад аль-Мукаддаси, «Тарих-и Байхаки» (История Мусульман) Абу-л-Фазла Байхаки, «Тарих-и джахангушай» (Истории покорителя мира) Ала

¹ Во избежание путаницы в отношении собственно хазарейцев области Хазарджарат нами используется термин «хазарейцы», а в отношении племен хазара Кала-и Нау и Дехи-Зейнат – термин «хазара».

ад-Дина Ата-Малика Джувейни, «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) Шихаб ад-Дина Мухаммада ибн Ахмада ан-Насави, «Табакат-и-Насири» (Насиры разряды) Минхадж ад-Дина ал-Джузджани, «Ат-Тавассул ила-т-тарасул» Бахауддина Мухаммада бин Муайяда ал-Багдади, «Бабур-наме» Захир ад-Дина Бабура, «Тарих-и аламара-йи Аббаси» (Мироукрашающая Аббасова история) Туркмана Искандер-бека, «Бахр-ал асрар фи манакибу-л-ахяр» (Море тайн относительно доблестей благородных) Махмуда ибн Вали, «Тарих-и Мукимхани» (Мукимханская история) Мухаммада Юсуфа Мунши. В исследовании также привлекаются сведения многочисленных путешественников, посещавших Афганистан: Маунстюарта Эльфинстона, Джеймса Фрейзера, Жозефа Ферье, Николая Ханыкова, Арминия Вамбери, Петра Гельмерсена, Чарльза Стюарта и др.

Процессы включения кипчакского этнического компонента в состав народов Афганистана рассматриваются в рамках методики компонентного анализа, которая исследует родоплеменный состав, данные топонимики и этнонимики, фольклорные и исторические материалы [Селезнев, 1994, с. 20]. Происхождение народов региона рассматривается как результат сложного взаимодействия множества этнических компонентов, каждый из которых внес свой вклад в их уникальность. При этом предполагается, что этнические компоненты не могут быть статичными, они изменяются под влиянием различных исторических процессов – миграций, завоеваний, ассимиляций. Методика этнических компонентов особенно важна для исследования этнических групп со сложной историей, таких как чахар-аймаки, аймак-и дигар и хазарейцы, в формировании которых участвовали иранские, монгольские, тюркские и другие компоненты.

Кипчаки сыграли важную роль в истории Афганистана, внося вклад в его этническое, культурное и политическое развитие. Их миграции, военная активность и взаимодействие с местными народами оставили след в формировании современных этнических групп. Изучение кипчакского этнического компонента позволит лучше понять сложные процессы этногенеза и культурного взаимодействия в Центральной Азии.

Многочисленные кипчакские племена, находившиеся под властью кимакских каганов, уже к концу X в. продвигаются на запад и оказываются в северных границах Мавераннахра, о чем пишет арабский географ Шамсуддин Мухаммад ибн Ахмад аль-Мукаддаси, уточняя, что они перемещались до низовьев Сыр-Дарьи [Петров, 1961, с. 89]. После крушения Кимакского каганата в начале XI в. кипчакские племена продвигаются вплотную к границам владений хорезмшахов. Вместе с племенами кечатов и джеграков кипчаки становятся серьезным военным контингентом хорезмшахов, которые используют эти кочевые племена в своей борьбе с газневидами. Согласно сочинению «История Масуда» Абу-л-Фазла Байхаки, в 1030 г. хорезмшах Алтунташ, находящийся при войске своего сюзерена султана Масуда Газневи, предвидя опалу и казнь, успевает уйти в Хорезм. Для его возвращения посылается некий Абдус, который догоняет его и просит вернуться. Хорезмшах Алтунташ отвечает ему: «У меня, слуги [государя], имелось повеление уехать, и по высочайшему указу я двинулся в путь. Возвращаться было бы нелепо, оставшиеся распоряжения можно передать письменно. Кроме того, вчера вечером пришло письмо от ходжи Ахмада, сына Абд ас-Самада, кадхудая, что кечаты, джиграки и кипчаки волнуются из-за моего отсутствия, как бы не стряслось бед» [Абу-л-Фазл Байхаки, 1969, с. 153]. Байхаки также пишет о том, в 1034 г. к хорезмшаху Харуну «со всех сторон стекались люди [племен] кечат, джиграк и кипчак, получилось большое войско» [Там же, с. 827].

К началу XII в. кипчакские племена обосновываются в регионе к югу от гор Каратау вплоть до Сырдарьи, а город Сыгнак становится центром их владений. В этот период в Хорезме утверждается династия ануштегинидов, берущая свое начало от тюркского гулама Ануш-Тегина (у Джувейни – Нуш-тегин. – Р. А.) из Гарчистана [Извлечения из «Тарих-и-Джехангуша», 1939, с. 442]. Относительно происхождения самого Ануш-Тегина существуют различные версии. По сведениям Рашид ад-Дина и Хафиз-и Аbru, Ануш-Тегин принадлежал

к огузскому роду Бекдили [Бунятов, 1986, с. 6]. В то же время Джузджани сообщает о том, что первый правитель этой династии Малик Кутб ад-Дин Ибак со своими племенами кипчаками и канглы прибыл в Хорезм с северных степей [The Tabakat-i-Nasiri..., 1873, p. 233]. Мнение о кипчакском происхождении ануштегинидов высказал З. В. Тоган, однако с этой версией не согласился Ибрахим Кафесоглу, который предположил, что Ануш-Тегин мог быть выходцем из племен ягма, карлуков или халаджей [Kafesoğlu, 1984, s. 39–42].

С момента образования владения хорезмшахов северные его границы постоянно испытывают давление со стороны кипчакских племен. Джувейни сообщает о том, что хорезмшах Атсыз заключает союз с правителем Дженда Кемаль ад-Дином, сыном Арслан-хана Махмуда, против владения неверных кипчаков, центром которого был Сыгнак [Ата-Мелик Джувейни, 2004, с. 196; Бартольд, 1963, с. 391–392]. После завоевания пограничного с кипчакскими владениями города Дженда хорезмшах Атсыз назначает его правителем своего старшего сына Абу-л-Фатха Иль-Арслана [Ата-Мелик Джувейни, 2004, с. 197]. Когда Иль-Арслан становится хорезмшахом, Дженд отдается в управление старшему сыну Ала ад-Дину Текишу. Нет сомнений в том, что назначение наследников трона правителями Дженда определяет вектор политической активности хорезмшахов через налаживание тесных связей с соседними кипчакскими племенами. По мнению Д. Тимохина и В. Тишина, хорезмшахи, начиная с Иль-Арслана, привлекают кочевые тюркские племена для противостояния с кара-китаи [Тимохин, Тишин, 2016, с. 26]. Впоследствии Ала ад-Дин Текеш женился на кипчакской принцессе Теркен-хатун. По сведениям ан-Насави, она происходила из племени байавут ветви йемеков [Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави, 1996, с. 82]; согласно Джувейни, она была родом из племени канглы [Ата-Мелик Джувейни, 2004, с. 330], а по данным Джузджани, она была дочерью кипчакского Кадыр-хана [The Tabakat-i-Nasiri, 1873, p. 254]².

После смерти хорезмшаха Иль-Арслана, в стране происходит борьба за престол между братьями Ала ад-Дином Текишем и Султан-шахом. В этой борьбе Ала ад-Дин Текиш, будучи ранее губернатором Дженда, получает поддержку от многочисленных кипчакских родственников своей супруги. По мнению Юргена Пауля, Текиш активно добивается союза с кипчаками, тем самым «связав свое государство с бесконечными человеческими ресурсами Великой степи» [Paul, 2015, p. 617]. Пауль также считает, что победа Ала ад-Дина Текиша над Султан-шахом стала возможной именно из-за поддержки кипчакских племен [Ibid., p. 619]. В борьбе с Султан-шахом, которого поддерживали гуриды во главе с Гийас ад-Дином, Ала ад-Дин Текиш завоевывает земли до Гиндукуша по линии Талакан – Мерверуд – Герат [Бунятов, 1986, с. 41], т. е. фактически весь северный Афганистан. Захват этих земель Ала ад-Дином Текишем, вероятно, приводит к проникновению туда большого количества кипчакских племен. Летописец ал-Багдади сообщает о переписке хорезмшахов с гуридами, в которой Ала ад-Дин Текиш заявляет о том, что его армия из 50 тысяч тюркских лучников, находящаяся в Хорасане, занимается защитой сына Тоган-шаха³ [Там же, с. 49]. По данным Юргена Пауля, в письмах указаны конкретные регионы, откуда были набраны эти тюркские лучники, – местности вдоль нижнего течения Сырдарьи и Мангышлак [Paul, 2015, p. 617], т. е. те земли, в которых кочевали именно кипчакские племена.

После смерти Ала ад-Дина Текиша в 1200 г., престол хорезмшахов занимает его сын Ала ад-Дин Мухаммад, чей матерью была Теркен-хатун. В этот период начинается весьма ожесточенное противостояние хорезмшахов с гуридами. Армия Ала ад-Дина Мухаммада захватывает Мерв и в 1204 г. Герат. Однако получившие поддержку из Индии гуриды разбивают хорезмийцев, доходят до Ургенча и осаждают его. В этой ситуации хорезмийцев спасает поддержка армии кара-китаев. Впоследствии неожиданная смерть Шихаб ад-Дина Гури

² О происхождении Теркен-хатун, а также о соотношении племенных названий кипчак, йемек и канглы см.: [Тимохин, Тишин, 2018].

³ Тоган-шах – сын правителя Нишапура Ай Абы, который поддержал Султан-шаха и организовал неудачный поход на Хорезм, в результате чего был казнен 11 июля 1174 г. Впоследствии Тоган-шах присягнул на верность Ала ад-Дину Текишу. См. подробнее: [Paul, 2015, p. 605].

13 марта 1206 г. приводит к тому, что земли всего Афганистана оказываются под властью хорезмшахов [Бунятов, 1986, с. 68–69]. Примечательно, что после смерти Шихаб ад-Дина Гури в индийской части их империи к власти пришел кипчакский эмир Кутб ад-Дин Айбек, ставший основателем Делийского султаната [A Comprehensive History of India..., 1970, p. 204].

После разделения Ала ад-Дином Мухаммадом всех своих владений между сыновьями Афганистан становится вотчиной его старшего сына Джелал ад-Дина Манкбурны [Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави, 1996, с. 65]. Примечательно, что его мать Ай-Чичек также происходила из кипчаков [Тимохин, Тишин, 2018, с. 86–87]. Захват новых земель всегда сопровождался раздачей владений эмирам на правах икта. С учетом того, что «большинство эмиров государства были из ее рода», т. е. из рода Теркен-хатун [Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави, 1996, с. 68], кипчакские эмиры должны были утвердиться и на территориях северного Афганистана. И это, вне сомнений, приводит к заселению этих земель подвластными им племенами.

В период монгольских завоеваний происходят глобальные процессы, кардинально изменившие этническую карту Центральной Азии. Происходят существенные перемещения этнических общностей и распределение отдельных кочевых племен по различным монгольским улусам. Многочисленные кипчакские племена были главными степными соперниками монголов. Те из них, кто не признавал власть Чингисхана и его потомков, уничтожались, покорялись либо выдавливались на периферию *Rax mongolica*. Разгром кипчаков монголами стал переломным моментом в их истории, приведшим к потере политической независимости и, как следствие, единой этнической идентичности. Они становятся частью новых этнических образований, теряя либо сохраняя свое племенное самосознание.

Сведений о кипчакских племенах Афганистана в этот период нет, их представители появляются в источниках только во времена Тимура и его потомков. В составе кочевой страты государств тимуридов, известной нам под именем чагатаев, фиксируется несколько групп кипчаков. Одна из них входила в состав улуса Ильчикдай, сформировавшегося на основе переселенных в Мавераннахр чагатайским Ильчигидай-ханом прииртышских племен [Абдуманапов, Сабитов, 2024]. Другая группа кипчаков была связана с эмиром Сары-Бугой, который был из числа самых близких сподвижников эмира Тимура. Третья группа кипчаков находилась под управлением эмира Зу-н-Нун Аргуна и базировалась в юго-западной части современного Афганистана [Ando, 1992, S. 206]. В период правления тимурида Султан Махмуда-мирзы возвышается кипчак Хусрау шах, владения которого простирались от Амударьи до Гиндукуша [Бабур-наме, 1958, с. 41]. Он известен своей денежной реформой, которая значительно улучшила экономического состояние региона [Давидович, 1983, с. 202].

Захир ид-дин Бабур, завоевавший Афганистан в 1504 г., упоминает перевал Кипчак, находящийся на дороге в область Кабула при следовании из Гур-Банда [Бабур-наме, 1958, с. 150, 154]. В «Бабур-наме» также упоминаются «Кипчакские ворота» Гератской крепости [Там же, с. 223]. Нет сомнений в том, что эти топонимы имеют географическую привязку к северу, откуда в Афганистан со времен хорезмшахов устремлялись волны кипчакских племен. При этом Бабур в своих воспоминаниях не упоминает кипчаков, однако он пишет о хазарейцах, аймаках и остальных народах региона [Там же, с. 155].

С начала XVI в. нарастает давление на северный Афганистан со стороны узбекских племен во главе с Шейбани-ханом. Регион оказывается в сфере пересечения интересов сефевидского Ирана, империи Великих моголов, а также узбекских ханов, которые правили различными областями, часто сменяя друг друга. В итоге туда прибывает большое количество узбекских племен, которые расселяются широкой полосой от Герата до Бадахшана. В их составе присутствует и многочисленное узбекское племя кипчак. В 1588 г. Герат завоевывается энергичным узбекским ханом Абдуллой II, при этом набеги узбекских отрядов доходят до Кандагара [Sykes, 1940, p. 307].

Кипчаки упоминаются во времена правления иранского шаха Аббаса I Сефевид (годы правления 1587–1629 гг. – *Р. А.*). Заключив мир с османами, шах Аббас I приступает к отражению узбеков и в мухарраме 1007 г. х. / августе 1598 г. в битве при Рабат-и Парийан наносит им сокрушительное поражение [Риза Шабани, 2008, с. 211]. По данным «Тарих-и алама-ра-йи Аббаси» Туркмана Искандер-бека, после победы над узбеками Дин Мухаммад-хана шах Аббас I «принимает в Герате вождей джамшиди, кипчаков, таймури, тахири и миров хазарейских племен Хазараджата и оказывает им милость» [Темирханов, 1972, с. 28]. По всей видимости, здесь упоминаются вожди чагатайских кипчаков, укоренившихся к этому времени на территориях северного Афганистана. Перечисление кипчаков вместе с аймакскими племенами – джамшиди, таймури и тахири, а также хазарейцами, говорит о тесных военно-политических связях между ними, что, возможно, способствовало постепенной инфильтрации чагатайских кипчаков в состав аймаков и хазарейцев. Вместе с тем в регионе поселяются и узбекские кипчаки, которые также могли войти в состав аймаков и хазарейцев. Летописец XVII в. Махмуд ибн Вали упоминает город Зари-и Кипчак, о котором он пишет: «Зари-у Кипчак – округ из подвластных Балху, а в прежние времена принадлежал Бамиану. Находится в четвертом климате и расположен к югу от Балха в горах. Расстояние между ними четыре перехода» [Махмуд ибн Вали, 1977, с. 48]. Он также упоминает кипчаков в округе Чечекту вместе с мекритами, хушбаями и джамшидами. На основе трудов Махмуда ибн Вали и Мухаммад Йусуфа Мунши Б. А. Ахмедовым была определена этническая территория узбекских племен региона, по которой узбекские кипчаки расселялись в районах Чечекту, Кайсара, Алмара и Йабагу [Ахмедов, 1982, с. 123].

Продвижение собственно кипчаков, а также чагатайских и узбекских кипчаков в Афганистан приводит к включению кипчакского этнического компонента в состав народов этой страны – чахар-аймаков, аймак-и дигар и хазарейцев.

Чахар-аймаки населяют северо-западные и западные районы Афганистана. Название «чахар» переводится с персидского языка как «четыре». Иногда используется сокращенное наименование «чар-аймаки» или просто «аймаки». В этом плане примечательно мнение Р. Т. Рашидова, который поддержал рекомендацию А. А. Губера об использовании в отношении этих племен названия «аймак» [Рашидов, 1977, с. 5]. Однако существование отдельной группы аймак-и дигар, не входящей в состав чахар-аймаков, не позволяет использовать этот термин подобным образом.

В настоящее время нет единого мнения о том, какие именно племена входят в состав чахар-аймаков. Самый ранний список этих племен встречается в труде руководителя первой английской миссии в Кабул конца 1808 – начала 1809 г. Маунтстюарта Эльфистона. Он перечисляет следующие племена: таймани, таймури, зури и хазара, причем последних, по его мнению, не следует путать с отдельным народом хазарейцев [Elphinstone, 1819, p. 205]. Посетивший Афганистан в начале 20-х гг. XIX в. Джеймс Фрейзер фиксирует четыре чахар-аймакских племена – фирузкухи, 26 тыс. семей, джамшиди, 12 тыс. семей, таймури, 20 тыс. семей и хазара, число которых составляет более 4 тыс. семей [Fraser, 1825, p. 41]. В 1821–1822 гг. в Афганистане побывал французский офицер, адъютант-генерал персидской армии Жозеф Ферье, который упоминает таймани, джамшиди и фирузкухи. Отдельно он упоминает кипчаков района Оби, здесь речь идет о кипчаках из аймак-и дигар, а также узбекских кипчаков Балха [Ferrier, 1976, p. 142, 158, 189, 172, 193–197, 234, 242–243]. Николай Ханыков, изучавший Гератскую область с сентября 1858 по январь 1859 г., встретился в Оби с вождем одного из пуштунских племен гильзаев, который недавно вернулся из Мейманы, пройдя через страну чахар-аймаков, и рассказал, что живущие там кипчаки – 100 000 семей, джамшиди – 12 000 семей, таймани – 60 000 семей, и фирузкухи – от 10 000 до 12 000 семей, все «эти хищные и беспокойные народы находились в состоянии войны, а караваны целыми неделями оставались в Меймене, не решаясь войти в их земли» [Khanikoff, 1861, p. 138]. По всей видимости, в сообщении вождя пуштунских гильзаев кипчаки упоминаются как одно из племен чахараймаков.

Арминий Вамбери, посетивший Центральную Азию в 1863 г., к чахар-аймакам относит племена таймени, теймури, джамшиди и фирузкухи. По его мнению, чахар-аймаками их называли монголы во время покорения Герата [Вамбери, 1868, с. 308]. Петр Гельмерсен считает, что чахар-аймаки являются горными таджиками, равнинные таджики именуются им «парсиванами», он также приводит список их племен: чар-аймак, джамшиди, фирузкухи, теймури, зури и таймани, которые, в свою очередь, состоят из подразделений тейвэрэ, дериа-дэрэ и джеведжэ [Гельмерсен, 1868, с. 42]. В 80-х гг. XIX в. Афганистан посещает Чарльз Стюарт, который признает, что в отношении списка племен чахар-аймаков существует путаница и перечисляет следующие племена: теймури, джамшиди, фирузкухи, таймани, хазара и кипчак [Stewart, 1886, p. 148]. По данным К. Фердинанда, к чахар-аймакам относятся племена джемшиды, фирузкухи, таймани, четвертое же племя варьируется в разных областях – называются теймури, хазара Кала-и Нау или племена элат [Ferdinand, 1959, p. 8]. Информаторы из числа чахар-аймаков уточняли Г. Шурману следующий список своих племен: джамшиди, хазара, фирузкухи и таймани [Schurmann, 1962, p. 50]. Список чахар-аймакских племен приводит Э. Бэкон, которая упоминает племена джамшиди, фирузкухи, хазара, таймани и теймури, последнее, по ее мнению, также относится к хазарейцам, так как этим именем их именуют иранцы [Бэкон, 1963, p. 64]. В. Н. Кисляков в составе основных групп чахар-аймаков отмечает племена джемшид, фирузкухи, таймани, теймури, зури, хазара Дехи-Зайнат и хазара Кала-и Нау [Кисляков, 1973, с. 135–137]. Исследователь Р. Т. Рашидов считает, что в их состав входит восемь племен: джемшиди, хазара, фирузкухи, зури, теймуры, таймани и два их подразделения, ставшие самостоятельными племенами, – хести и палвани, а также племенные подразделения группы элат [Рашидов, 1977, с. 6].

Основные списки племен чахар-аймаков сведены в общую таблицу.

Источники связывают с кипчаками самое крупное чахар-аймакское племя таймани, проживающее в верхней части бассейна реки Фарахруд и части прилегающей к ней долины реки Герируд, численность которых, по данным 90-х гг. XX в., составляла порядка 180 тысяч человек [Адамец, 1997, p. 302]. Считается, что племя таймани было сформировано на пуштунской основе, так как вожди таймани, относящиеся к подразделению «хан хель», ведут свое происхождение от пуштунского племени какар [Historical and Political Gazetteer, 1975, p. 58]. М. Эльфистон сообщает, что племя таймани делится на два подразделения – кипчак и дурзай [Elphinstone, 1819, p. 205]. Такие же данные приводит Г. Беллью [Bellew, 1891, p. 48]. Авторы «Истории Афганистана» В. М. Массон и В. А. Ромодин дополняют, что кипчаки имеют тюркское происхождение, в то же время дурзай происходят от афганцев, так как элемент этнонима «зай» с пушту переводится как «сын» и встречается только у афганцев [Массон, Ромодин, 1964, с. 270]. По мнению исследователя Г. Шурмана, «нет никаких указаний на то, что маленькие и изолированные кипчаки являются частью племени таймани» [Schurmann, 1962, p. 54]. Его предположение подтверждают легенды таймани о своем происхождении. Согласно одной из таких легенд, их предок Тайман бежал на север с юго-востока Афганистана около 1400 г., собрал сторонников и успешно сражался с кипчаками и узбеками, которым тогда принадлежала страна [Historical and Political Gazetteer, 1975, p. 103]. В очерке полковника Мейтленда, написанном в 1888 г., сообщается о том, что легендарный Тайман и его потомки процветали в Дара-Харгоше в течение нескольких сотен лет, распространяясь по окружающей стране и изгнав или подчинив кипчаков, которым она тогда принадлежала. Автор очерка относит эти события к 793 г. х.⁴, уточняя, что не согласен с датировкой, указанной в легенде – 973 годом хиджры⁵. Он также сообщает о том, что таймани появляются в источниках ближе к концу XVII в., когда их вожди Мир Мухаммад султан и Сардар

⁴ Людвиг Адамец соотносит 793 год хиджры с 1407 годом, однако, согласно синхронистическим таблицам И. А. Орбели, это 1390–1391 г., см.: [Орбели, 1941, с. 163].

⁵ Вновь видны расхождения соотношения годов хиджры с датами европейского летоисчисления, Адамец соотносит 973 г. х. с 1586 г., однако, по таблицам И. А. Орбели, это 1565–1566 г., см.: [Орбели, 1941, с. 199].

Списки племен чахар-аймаков Афганистана
Lists of tribes of aimags of Afghanistan

Источник	Племена						
	джамишиди	фирузкухи	хазарейцы	таймени	таймури	зури	кипчаки
М. Эльфистон, 1819 г.			+	(в их составе кипчак и дерзай)	+	+	
Д. Фрейзер, 1825 г.	+	+	+		+		
Ж. Ферье, 1822 г.	+	+		+			+
Н. Ханьков, 1861 г.	+	+		+			
П. Гельмерсен, 1868 г.	+	+		+	+	+	
К. Стюарт, 1886 г.	+	+	хазара	+	+		+
К. Фердинанд, 1959 г.	+	+	хазарейцы Кала-и Нау	+	+		племена элат
Г. Шурман, 1962 г.	+	+	+	+			
А. Вамбери, 1863 г.	+	+	+	+			
Э. Бэкон, 1963 г.	+	+	хазара, чахар (Кала-и Нау)	+	+		
В. Н. Кисляков, 1973 г.	+	+	хазара	+	+	+	
Р. Т. Рашидов, 1977 г.	+	+	хазара	(в их составе кипчак и дерзай)	+	+	хести, пала- ван и группа элат

Дилавар хан захватывают Герат, Фарах и Сабзавар, изгоняя оттуда курдское племя шамлу [Historical and Political Gazetteer, 1975, p. 397]. В то же время можно предположить, что наличие небольшого подразделения кипчак в составе таймани, о чем писали М. Эльфистон, Г. Беллью, В. М. Массон и В. А. Ромодин, объясняется поздним его включением.

Кипчаки присутствуют также в составе хазара Кала-и Нау. Согласно отчетам Афганской пограничной комиссии за 1884–1886 гг., среди хазара Кала-и Нау, которые также именуются «хазара чахар» [Bacon, 1963, p. 64], упоминается 3 000 семей так называемых хазарских кипчаков [Historical and Political Gazetteer, 1975, p. 273]. Майор Ванлисс, посетивший Кала-и Нау в 1903 г., упоминает 3 000 палаток кипчаков и хазара, тысячу палаток таймани и четыре тысячи палаток афганцев – гильзай, дуран и других племен [Ibid., p. 223]. О присутствии кипчаков в составе чахар-аймакских хазара сообщал также информатор Г. Шурмана, вождь узбеков племени сурхави из Кала-и Нау – Хаджи Хайдар Сурхави [Schurmann, 1962, p. 56]. Примечательно, что южнее Кала-и Нау известна местность Банд-и Кипчак [Historical and Political Gazetteer, 1975, p. 23].

Как сообщает исследователь Л. Адабек, кипчаки, возможно, входят в состав оседлого населения долины Карох. Находящиеся там родоплеменные подразделения, в том числе и 70 семей кипчаков, относятся к чахар-аймакскому племени джамшиди [Ibid., p. 205]. В то же время среди джамшиди известны и другие мелкие группы кипчаки, таймани и зухри [Ibid., p. 193]. Представители племени джамшиди возводят свое происхождение к легендарному древнему персидскому царю Джамшиду – «мудрецу и магу, насадителю в Иране ремесел, искусств, агрикультуры и письменности», и определяют свое происхождение из иранской области Сеистан или Систан [Семенов, 1923, с. 174]. Г. Беллью сообщает, что численность джамшеди составляла около 12 000 семей, они населяли «страну Бала-Мургаб до Кушка, Бадгиза, Курога и др.» [Bellew, 1891, p. 34]. По мнению Г. Шурмана, несмотря на легенды об иранском происхождении джамшидов, использование ими юрт в качестве жилищ говорит об их родстве с народами Средней Азии [Schurmann, 1962, p. 54]. В долине Кароха упоминаются более 900 семей кочевников из числа кипчаков и хазарейцев [Historical and Political Gazetteer, 1975, p. 254].

Выше уже упоминалась этническая общность аймак-и дигар, т. е. «другие аймаки». В их отношении применяется еще одно название – племена элат, т. е. «кочевники». Сам термин *элат* / ايلات / *ilât* в персидском языке имеет значение «клан» или «племя». Этимология этого термина вполне прозрачна, он происходит от тюркского термина «il / иль / эль» – «народ»⁶. Этот термин использовался также для списков 92 легендарных узбекских племен «илатийа», например, в «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенти [Маджму ат-Таварих, 1973, с. 213] и «Тухфат ат-таварих-и хани» Муллы Аваз Мухаммада Атгара [Султанов, 1977, с. 165–177]. Термином «илатийа» именовались также кочевые племена Кокандского ханства в противовес местному оседлому населению [Кененсариев, 1997, с. 9].

В состав аймак-и дигар входят различные племена – тахири, зури, малеки, мишинаст, ченгизи, чагатаи, мобари, гури, какери, даманриги, марайдар, бадгиси, хамеди, а также кипчаки [Encyclopedia of World Cultures, 1995, p. 10; Encyclopædia Iranica, 1989, p. 136–137]. Наибольшая часть кипчаков аймак-и дигар проживает в районе города Оби провинции Герат, именно их упоминает К. Стюарт [Stewart, 1886, p. 148]. В самом Оби кипчаки составляют большинство – около 667 семей, там живут также 267 семей таймани, 245 семей гильзаев и 220 семей сайидов [Historical and Political Gazetteer, 1975, p. 320]. В многочисленных поселениях вдоль реки Герируд, входящих в состав города Оби, кипчаки проживают также в населенных пунктах: Кала-и-Джан Хан, Мусафаран, Гохнабад, Дахан-и-Ду Ау, Карашк, Дех Драз, Сари-и Азия, Сабараз, Буриабат, Ширван, Тагао-и Наяк, Палвари, Калат, Сабварз, Курки, Вайех, Сахра Йамак и др. [Ibid., p. 321]. Они также живут в Аокамари [Ibid., p. 26], Дашта [Ibid., p. 89], Дашт Бала, Гулчине [Ibid., p. 144], Жуи-Таппа-и-Бала [Ibid., p. 212], Ла-

⁶ WordSense Online Dictionary. URL: <https://www.wordsense.eu/ایلات/> (дата обращения 29.01.2023).

мане [Ibid., p. 222], Капи-баба [Ibid., p. 247], Касарао [Ibid., p. 255], Килрехта или Сар-и-Пуль [Ibid., p. 272] и Банд-и-Мухаммад Ханифа [Ibid., p. 305].

По сообщениям Ж. Ферье, кипчаки из аймак-и дигар вместе с узбеками проживают в Кала-и-Вели, он также отмечает, что «это племя капчаков было уничтожено во многих кровопролитных сражениях, и осталось всего около восьми разбитых палаток, в которых находилось 400 пеших воинов. Они находятся под командованием двух сардаров, Турам-хана и Тохтемиш-хана, под командованием вали Меймана, на территории которого они живут» [Ferrier, 1976, p. 196–197]. Он также отмечает кипчаков аймак-и дигар, проживающих вместе с джамшиди и афшарами в Чаршембе и вместе с фирузкухи в Кайсаре [Ibid.]. При посещении города Балха Ж. Ферье отмечает его жителей как 10 000 афганцев и 5 000 узбеков из племен кипчак и ябу [Ibid., p. 207]. Таким образом, он различает узбекских кипчаков Балха и кипчаков аймак-и дигар из Кала-и-Вели, Чаршембе и Кайсара.

Известно, что кипчаками аймак-и дигар был заселен древний город Санчайрак, ныне это отдельный район Сангчарак в афганской провинции Сари-Пуль. Этот древний район упоминается еще в XI в. в анонимном сочинении «Худуд ал-Алем» под именем Сан-и Чарьяк региона Гузган [Hudud al-'Alam, 1937, p. 63]. Город Сан-и Чарик упоминается Бабуром – его военачальник Касим-бек разбивает отряд вторгшихся туда узбеков [Бабур-наме, 1958, с. 216]. Впервые кипчаки Санчайрака упоминаются в «Убайдулла-наме» Амир-и Бухари: «Джеген кипчак, который среди балхских кипчаков был начальником артиллерии, в тот же день с отрядом кипчаков Сарипуля и Салучар'ека явился облобызать [высочайший] порог и снискал безграничное [царственное] внимание» [Мир Мухаммед Амин-и Бухари, 1957, с. 120]. Как мы видим, в источнике перечисляются балхские, сарипульские и санчайракские кипчаки. По данным Мир Иззатуллы, посетившего этот город в 1812 г., областью управляли два брата – Муксуд Бег, живший в Санчайраке и управлявший кипчакским родом гомефунди, и Ризванкул Бег, который проживал в крепости Сузмух – ему подчинялся род джуйбари [Mīr Izzat Allāh, 1872, p. 87].

О кипчаках аймак-и дигар Кайсарской долины также сообщает член британской Афганской пограничной комиссии баронет Чальз Йейт, посетивший Афганистан осенью 1885 г. По его словам, там проживают 600 или 700 семей кипчаков, которыми управляют два брата мир Хаким Хан и мир Карим хан. Последний утверждал, что он потомок великого Чингизхана. По сообщению Йейта, эти кипчаки говорят на тюркском языке, но почти все понимают и говорят по-персидски [Yate, 1888, p. 136]. Гуннар Ярринг уточняет, что неясно, следует ли причислять этих кипчаков к узбекам или другим племенам [Jarring, 1939, p. 65]. По всей видимости, здесь речь идет именно об узбекских кипчаках.

Племя кипчак на конец 80-х гг. XX в. являлось наиболее многочисленным в составе аймак-и дигар – 17 000 человек [Encyclopædia Iranica, 1989, p. 137]. Как указывалось выше, исследователь Н. Хаников в середине XIX в. упоминает о довольно многочисленном, 100-тысячном народе кипчаков [Khanikoff, 1861, p. 138]. Уменьшение численности кипчаков за более чем столетний период объясняется процессами ассимиляции кипчакских племен в составе других племен аймак-и дигар, а также соседних народов.

Исследователь Р. Т. Рашидов приводит данные о том, что подразделения кипчаков сохранились среди чахар-аймаков, узбеков и хазарейцев [Рашидов, 1977, с. 8]. Эти данные о включении кипчаков в состав хазарейцев подтверждаются сведениями об их проживании совместно с хазарейским племенем ходжа в местности Чишти вблизи Оби. Собственно кипчаки здесь самые многочисленные и составляют четверть населения района Чишти [Historical and Political Gazetteer, 1975, p. 266]. Примечательными являются данные исторической генетики. Исследованные специалистами представители хазарейского племени джагури относятся к субкладу F1756 гаплогруппы C2 [Баймуханов, Сабитов, 2015, с. 21]. Согласно материалам, собранным в Кыргызстане автором этой статьи и популяционным генетиком Ж. Сабитовым, F1756 является мажорным субкладом у представителей киргизского племени кипчак, т. е. можно говорить о генетической связи представителей хазарейского племени джагури и кир-

гизского племени кипчак. Сами джагури говорят о том, что они являются потомками солдат эмира Тимура, которые прибыли в Афганистан во главе с командующим туменом эмиром Бутай Буга [Mousavi, 1998, p. 31]. Джагури относятся к так называемым смешанным хазарейцам – «Sad-i Sueka», в противовес «настоящим» – Дай Кунди, Дай Занги, Бесут и Фулади [Васон, 1958, p. 6].

Продвижение кипчакских племен к югу от Амударьи начинается со времен хорезмшахов, завоевавших Афганистан в XII в. Кипчаки были связаны с хорезмской династией Ануштегинидов тесными родственными узами, что предполагает получение кипчакскими эмирами земель на завоеванных территориях. С учетом того, что военные контингенты эмиров состояли из их соплеменников, можно предположить, что в этот период в Афганистан продвинулось немалое количество кипчаков. В период монгольского нашествия земли северного Афганистана оказываются в составе Хулагуидского и Чагатайского улусов. В этот период нет данных о нахождении кипчакских племен в этом регионе. Можно только предположить, что, будучи одними из главных врагов монголов, кипчаки повсеместно уничтожались, покорялись или изгонялись новыми хозяевами. В то же время есть основания полагать, что кипчакские племена вместе с другими тюркскими и монгольскими племенами, а также различными местными этническими образованиями стали основой формирующихся в этот период чахар-аймаков, аймак-и дигар и хазарейцев. Кочевой образ жизни этих народов, использование специальных шатров и юрт, данные лингвистики, а также физической антропологии говорят о том, что именно тюрко-монгольские племена стали их основой.

После распада Чагатайского улуса и возникновения государств эмира Тимура и его потомков в источниках появляются чагатайские кипчаки. В состав чагатаев империи эмира Тимура входили три группы кипчакских племен – кипчаки улуса Ильчикдай, кипчаки, связанные с эмиром Сары-Бугой и его потомками, а также кипчаки под управлением Зу-н-Нун Аргуна. Именно с сыном Сары-Буги – эмиром Шейх Нур ад-Дином, возможно, были связаны именовавшиеся «туркестанскими кипчаками» эмиры северного Афганистана – братья Хусрау-шах, Баки Чаганиани и эмир Вали. На территорию Афганистана проникают чагатайские кипчаки под главенством Сары-Буги и его потоков, а также кипчаки, оказавшиеся под властью эмира Зу-н-Нун Аргуна. Эти чагатайские кипчаки попадают в легенды таймани как прежние «хозяева» страны.

В начале XVI в. территории северного Афганистана оказываются под властью узбекских ханов. В эти земли проникает большое количество узбекских племен, которые формируют здесь свои юрты или улусы. В их составе были и кипчакские племена, которые заняли районы Чечекту, Кайсара, Алмара и Йабагу.

С началом проникновения этих волн кипчакских племен в земли современного Афганистана, начинается постепенное включение кипчакского этнического компонента в состав местных народов – чахар-аймаков, аймак-и дигар и хазарейцев. Этим процессам способствует наличие единого кочевого культурного типа, антагонистичного земледельческому типу аборигенного населения региона. Кипчакские племена становятся частью чахар-аймаков, аймак-и дигар и хазарейцев, при этом они сохраняют свою родоплеменную идентичность.

Список литературы

- Абдуманапов Р. А. Кипчаки в истории кыргызов. Бишкек: Из-Басма, 2015. 200 с.
- Абдуманапов Р. А., Сабитов Ж. М. Улус Ильчикдай в империи эмира Тимура // *Oriental Studies*. 2024. № 17 (3). С. 464–475. DOI 10.22162/2619-0990-2024-73-3-464-475
- Абу-л-Фазл Байхаки. История Масуда (1030–1041) / Пер. с перс., введение, коммент. и прилож. А. К. Арендса. М.: Наука, 1969. 1008 с.
- Ата-Мелик Джувейни. Чингисхан. История Завоевателя Мира / Пер. с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на англ. Дж. Э. Бойла, с предисл. и библиогр. Д. О. Моргана. Пер. текста с англ. на рус. Е. Е. Харитоновой. М.: Магистр-Пресс, 2004. 690 с.

- Ахмедов Б. А.** История Балха (XVI – первая половина XVIII в.). Ташкент: Фан, 1982. 296 с.
- Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1958. 529 с.
- Баймуханов Н., Сабитов Ж.** Y-STR гаплотипы узбеков, уйгуров, таджиков, пуштунов, хазарейцев, моголов из базы данных Family Tree DNA // The Russian Journal of Genetic Genealogy. 2015. Vol. 7, no. 2. P. 20–26.
- Бартольд В. В.** Соч.: В 9 т. М.: Вост. лит., 1963. Т. 1. 760 с.
- Бартольд В. В.** Соч.: В 9 т. М.: Наука, 1968. Т. 5. 757 с.
- Бунятов З. М.** Государство хорезмшахов Ануштегинидов. 1097–1231. М.: Наука, 1986. 247 с.
- Гимбатова М. Б.** Роль половецко-кипчакского компонента в формировании ногайского этноса: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1998. 202 с.
- Давидович Е. А.** История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV – первой четверти XVI в. в Мавераннахре) / Отв. ред. Г. К. Широков. М.: Наука, 1983. 362 с.
- Извлечения из «Тарих-и-джехангуша» Ала-ад-дина Ата-мелика Джувейни // Материалы по истории туркмен и Туркмении / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 1: VII–XV вв. Арабские и персидские источники. С. 442–449.
- Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.** Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. Казань: Иман, 2000. 136 с.
- Кисляков Н. А.** Хазарейцы, аймаки, моголы (к вопросу об их происхождении и расселении) // СЭ. 1973. № 4. С. 130–139.
- Кузеев Р. Г.** Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
- Маджму ат-таварих // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.: Наука, 1973. Вып. 1. С. 200–215.
- Массон В. М., Ромодин В. А.** История Афганистана: В 2 т. М.: Наука, 1964. Т. 1: С древнейших времен до начала XVI века. 464 с.
- Махмуд ибн Вали.** Море тайн относительно доблестей благородных / Введ., пер., примеч., указ. Б. А. Ахмедова. Ташкент: Фан, 1977. 167 с.
- Мир Мухаммед Амин-и Бухари.** Убайдулла-наме / Пер. с тадж. с примеч. чл.-кор. АН УзССР проф. А. А. Семенова. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. 326 с.
- Муканов М. С.** Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Наука, 1974. 200 с.
- Орбели И. А.** Синхронистические таблицы хиджры и европейского летоисчисления. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1941. 272 с.
- Петров К. И.** Киргизско-кыпчакские отношения (К вопросу об этногенезе и переселении киргизов) // Изв. АН Киргизской ССР, 1961. Т. 3, вып. 2. С. 81–105.
- Рашидов Р. Т.** Аймаки. Ташкент: Фан, 1977. 64 с.
- Риза Шабани.** Краткая история Ирана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 382 с.
- Селезнев А. Г.** Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 176 с.
- Султанов Т. И.** Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илатийа» // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, 1977. С. 165–177.
- Темирханов Л.** Хазарейцы: Очерки новой истории / АН СССР. Ин-т востоковедения. Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина. М.: Наука, 1972. 140 с.
- Тимохин Д. М., Тишин В. В.** Хорезм, восточные кипчаки и Волжская Булгария в конце XII – начале XIII в. // Золотая Орда в мировой истории: Коллективная монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 25–41.
- Тимохин Д. М., Тишин В. В.** Происхождение Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада: к проблеме соотношения этнонимов в восточном Дешт-и Кыпчаке

- в XII – начале XIII в. в исторических источниках // Материалы II Научн. конф. средневековой истории Дешт-и Кыпчака. Павлодар: ЭКО, 2018. С. 83–102.
- Шаниязов К. Ш.** К этнической истории узбекского народа. Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента. Ташкент: Фан, 1974. 342 с.
- Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави.** Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Критич. текст, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З. М. Буниятова. М.: Вост. лит., 1996. 798 с.
- Кененсариев Т.** Кыргыздар жана Кокон хандыгы. Ош: ОшМУ, 1997. 64 б. (на кирг. яз.)
- A Comprehensive History of India: The Delhi Sultanat (A.D. 1206–1526)** / Eds. Mohammad Habib, Khaliq Ahmad Nizami. Delhi; Ahmedabad; Bombay: People's Publishing House, 1970. Vol. 5. 1274 p.
- Adamec W. L.** Historical dictionary of Afghanistan. Lanham: Scarecrow Press, 1997. 449 p.
- Ando Shiro.** Timuridishe Emire nach dem Mu'izz al-ansab. Untersuchung zur Stammesaristokratie Zentralasiens im 14. und 15. Jahrhundert. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1992. 337 S. (Islamkundliche Untersuchungen, Bd. 153)
- Bacon E. E.** Reviewed Work: The Mongols of Afghanistan. An Ethnography of the Moghòls and Related Peoples of Afghanistan ('s-Gravenhage, 1961) H. F. Schurmann // Central Asiatic Journal. 1963. Vol. 8, no. 1. P. 62–67.
- Bacon E.** Obok: A Study of Social Structure in Eurasia. New York: Wenner Gren Foundation for Anthropological Research, 1958. 235 p.
- Encyclopædia Iranica.** London, 1989. Vol. 3, fasc. 2. P. 136–137.
- Encyclopedia of World Cultures** / Eds. John Middleton and Amul Rasaam. New York, 1995. Vol. 9: Africa and the Middle East. 445 p.
- Ferdinand K.** Preliminary Notes on Hazara Culture (The Danish Scientific mission to Afghanistan 1953–1955). Kobenhavn: Munksgaard, 1959. 51 p.
- Ferrier J. P.** Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Beloochistan; with Historical Notices of the Countries Lying between Russia and India. Karachi: Oxford Uni. Press, 1976. 534 p.
- Golden P.** An introduction to the history of the Turkic peoples: ethnogenesis and state formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden; Harrassowitz, 1992. 483 p.
- Historical and Political Gazetteer of Afghanistan.** Graz. Akademische druk – u. Verlagsanalt, 1975. Vol. 3. 510 p.
- Hudud al-Alam.** “The regions of World”. A Persian geography 372 A.H. – A.D. / Trans. and explained by V. Minorsky. London: Oxford Uni. Press, 1937. 524 p.
- Jarring Gunnar.** On the Distribution of Turk Tribes in Afghanistan: An Attempt at a Preliminary Classification. Gleeurp, 1939. Vol. 35. 104 p.
- Kafesoğlu İbrahim.** Harezmsâhlar devleti tarihî (485–618 / 1092–1221). İkinci baskı. Ankara, Türk tarih kurumu basimevi, 1984, 317 s.
- Mousavi S. A.** The hazaras of Afganistan. An Historical, Cultural, Economic and Political Study. New York: St. Martin's Press, 1998. 234 p.
- Paul Jürgen.** Forces and Resources. Remarks on the Failing Regional State of Sultānshāh b. Il Arslan Ḥwārazmshāh // Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium CE. Bonn Contributions to Asian Archaeology / Eds. Jan Bemann, Michael Schmauder. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015. Vol. 7. P. 597–622.
- Schurmann H. F.** The Mongols of Afghanistan: An Ethnography of the Mongols and Related Peoples of Afghanistan. S-Gravenhage. Mouthon & Co, 1962. 435 p.
- Sykes Percy.** A History of Afghanistan. London: MacMillan and Co. Ltd., 1940. Vol. 1–2. 413 p.

Список источников

- Вамбери А.** Очерки Средней Азии. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1868. 362 с.
- Гельмерсен П. А.** Афганистан // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 33–66.
- Семенов А. А.** Джемшиды и их страна (по джемшидской рукописи начала XX века) // Изв. Туркестанского отделения Русского Географического общества. Ташкент, 1923. Т. 16. С. 161–177.
- Bellew H. W.** An inquiry into the ethnography of Afghanistan. London: The Oriental University Institute, 1891. 228 p.
- Elphinstone M.** An Account of the Kingdom of Kabul and its depend in Persia, Tartary and India. London, 1819. Vol. 2. 539 p.
- Fraser J.** Narrative of a journey into Khorasan in the years 1821 and 1822. London, 1825. Appendix B. 148 p.
- Khanikof N. de.** Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie centrale. Paris: Imprimerie de L. Martinet, 1861. 234 p.
- Mir Izzat Allāh.** Travels in Central Asia by Meer Izzat Allah in the years 1812–13 / Trans. by captain Henderson. Calcutta: Foreign Department Press, 1872. 100 p.
- Stewart C. E.** The Herat Valley and the Persian Border, from the Hari-Rud to Sistan // Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Series. 1886. Vol. 8, no. 3, pp. 137–156.
- The Tabakat-i-Nasiri of Minhaj-i-Saraj Abu Umr-i-Usman Muhammad-i-Minhaj al-Jurjani / Trans. from the Persian by H. G. Raverty. London: Printed by Gilbert & Rivington, 1873. 768 p.
- Yate C. E.** Northern Afganistan or letters from the Afghan boundary commission. Edinburgh; London: W. Blackwood & sons, 1888. 430 p.

References

- A Comprehensive History of India: The Delhi Sultanat (A.D. 1206–1526). Eds. Mohammad Habib, Khaliq Ahmad Nizami. Delhi, Ahmedabad, Bombay, People's Publishing House, 1970, vol. 5, 1274 p.
- Abu-l-Fazl Baikhaki.** Istoriya Masuda (1030–1041) [The story of Masud (1030–1041)]. Trans. from Persian, intr., comment. and appendixes by A. K. Arends. Moscow, Nauka, 1969, 1008 p. (in Russ.)
- Abdumanapov R. A.** Kipchaki v istorii kyrgyzov [Kipchaks in the history of the Kyrgyz]. Bishkek, Izbasma Publ., 2015, 200 p. (in Russ.)
- Abdumanapov R. A., Sabitov Zh. M.** Ulus Il'chikdai v imperii emira Timura [Ilchikdai Ulus in the Empire of Amir Timur]. *Oriental Studies*, 2024, no. 17 (3), pp. 464–475. (in Russ.) DOI 10.22162/2619-0990-2024-73-3-464-475
- Adamec W. L.** Historical dictionary of Afghanistan. Lanham, Scarecrow Press, 1997, 449 p.
- Akhmedov B. A.** Istoriya Balkha (XVI – pervaya polovina XVIII v.) [The history of Balkh (16th – the first half of the 18th century)]. Tashkent, Fan Publ., 1982, 296 p. (in Russ.)
- Ando Shiro.** Timuridishe Emire nach dem Mu'izz al-ansab. Untersuchung zur Stammesaristokratie Zentralasiens im 14. und 15. Jahrhundert. Berlin, Klaus Schwarz Verlag, 1992, 337 S. (Islamkundliche Untersuchungen, Bd. 153)
- Ata-Melik Dzhuveini.** Chingiskhan. Istoriya Zavoevatel'ya Mira [Genghis Khan. The History of the Conqueror of the World]. Trans. from the text of Mirza Muhammad Qazvini into English by J. E. Boyle, with a preface and bibliography by D. O. Morgan. Trans. of the text from English into Russian by E. E. Kharitonova. Moscow, Magistr-Press, 2004, 690 p. (in Russ.)
- Babur-name. Zapiski Babura [Babur's Notes]. Tashkent, AS of the Uzbek SSR Publ., 1958. 529 p. (in Russ.)

- Bacon E. E.** Reviewed Work: The Mongols of Afghanistan. An Ethnography of the Moghòls and Related Peoples of Afghanistan (S-Gravenhage, 1961) H. F. Schurmann. *Central Asiatic Journal*, 1963, vol. 8, no. 1, pp. 62–67.
- Bacon E.** *Obok: A Study of Social Structure in Eurasia*. New York, Wenner Gren Foundation for Anthropological Research, 1958, 235 p.
- Baimukhanov N., Sabitov Zh.** Y-STR gaplotipy uzbekov, uigurov, tadzhikov, pushtunov, khazareitsev, mogolov iz bazy dannyykh Family Tree DNA [Y-STR-haplotypes of Uzbeks, Uighurs, Tajiks, Pashtuns, Hazaras, Mughals from the DNA family tree database]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*, 2015, vol. 7, no. 2, pp. 20–26 (in Russ.)
- Bartold V. V.** *Sochineniya [Works]*. Moscow, Oriental literature, 1963, vol. 1, 760 p. (in Russ.)
- Bartold V. V.** *Sochineniya. [Works]*. Moscow, Nauka, 1968, vol. 5, 757 p. (in Russ.)
- Buniyatov Z. M.** Gosudarstvo khorezmshakhov Anushteginidov. 1097–1231 [The state of the Khorezmshahs of the Anushteginids. 1097–1231]. Moscow, Nauka, 1986, 247 p. (in Russ.)
- Davidovich E. A.** Istoriya denezhnogo obrashcheniya srednevekovoi Srednei Azii (mednye monety XV – pervoi chetverti XVI v. v Maverannakhre). [History of monetary circulation in medieval Central Asia (copper coins of the 15th – first quarter of the 16th century in Maverannahr)]. Ed. by G. K. Shirokov Moscow, Nauka, 1983, 362 p. (in Russ.)
- Izvlecheniya iz “Tarikh-i-dzhekhangusha” Ala-ad-dina Ata-melika Dzhuveini [Extracts from the “Tarikh-i-jehangush” of Ala-ad-din Ata-melik Juvayni]. In: Volin S. L., Romaskevich A. A., Yakubovsky A. Yu. (eds.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii [Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1939, vol. 1, pp. 442–449. (in Russ.)
- Encyclopædia Iranica*. London, 1989, vol. 3, fasc. 2, pp. 136–137.
- Encyclopedia of World Cultures*. Eds. John Middleton and Amul Rasaam. New York, 1995, vol. 9: Africa and the Middle East. 445 p.
- Ferdinand K.** Preliminary Notes on Hazara Culture (The Danish Scientific mission to Afghanistan 1953–1955). Kobenhavn, Munksgaard, 1959, 51 p.
- Ferrier J. P.** *Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Beloochistan; with Historical Notices of the Countries Lying between Russia and India*. Karachi. Oxford Uni. Press, 1976, 534 p.
- Gimbatova M. B.** Rol' polovetsko-kipchakskogo komponenta v formirovanii nogaiskogo ehtnosa [The role of the Polovtsian-Kipchak component in the formation of the Nogai ethnos]. Thesis of Cand. Hist. Sci. Diss. Makhachkala, 1998, 202 p. (in Russ.)
- Golden P.** An introduction to the history of the Turkic peoples: ethnogenesis and state formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, Harrassowitz, 1992, 483 p.
- Historical and Political Gazetteer of Afghanistan*. Akademiche Druck-u. Verlagsanstalt, Graz, 1975. vol. 3, 510 p.
- Hudud al-Alam.** “The regions of World”. A Persian geography 372 A.H. – A.D. Trans. and explained by V. Minorsky. London, Oxford Uni. Press, 1937, 524 p.
- Iskhakov D. M., Izmailov I. L.** Etnopoliticheskaya istoriya tatar v VI – pervoi chetverti XV v. [Ethnopolitical history of the Tatars in the 6th – first quarter of the 15th century]. Kazan, Iman Publ., 2000, 136 p. (in Russ.)
- Jarring Gunnar.** On the Distribution of Turk Tribes in Afghanistan: An Attempt at a Preliminary Classification. Gleerup, 1939, vol. 35, 104 p.
- Kafesoğlu İbrahim.** Harezmsahlr devleti tarihî (485–618 / 1092–1221). İkinci baskı. Ankara, Türk tarih kurumu basimevi, 1984, 317 s. (in Turk.)
- Kenensariyev T.** Kyrgyzdar zhana Kokon khandygy [The Kirghiz and the Kokand Khanate]. Osh, OSHMU, 1997, 64 p. (in Kyrg.)

- Kislyakov N. A.** Khazareitsy, aimaki, mogoly (k voprosu ob ikh proiskhozhdenii i rasselenii) [Khazarians, Aimaks, Moguls (on the question of their origin and settlement)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1973, no. 4, pp. 130–139. (in Russ.)
- Kuzeev R. G.** Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskii sostav, istoriya rasseleniya [The origin of the Bashkir people. Ethnic composition, the history of settlement]. Moscow, Nauka, 1974, 571 p. (in Russ.)
- Madzhmu at-tavarikh. In: *Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii* [Materials on the history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan]. Moscow, Nauka, 1973, iss. 1, pp. 200–215. (in Russ.)
- Makhmud ibn Vali.** More tain otositel'no doblestei blagorodnykh [The sea of secrets concerning the virtues of the noble]. Intr., trans., note, decree. by B. A. Akhmedov. Tashkent, Fan Publ., 1977, 167 p. (in Russ.)
- Masson V. M., Romodin V. A.** Istoriya Afganistana [The History of Afghanistan]. In 2 vols. Moscow, Nauka, 1964, vol. 1: S drevneishikh vremen do nachala XVI veka [From ancient times to the beginning of the 16th century], 464 p. (in Russ.)
- Mir Mukhammed Amin-i Bukhari.** Ubaidulla-name [Ubaidullah-name]. Trans. from Tajik with notes by A. A. Semenov. Tashkent, AS UzSSR Publ., 1957, 326 p. (in Russ.)
- Mukanov M. S.** Etnicheskii sostav i rasselenie kazakhov Srednego zhuza [Ethnic composition and settlement of the Kazakhs of the Middle Zhuz]. Alma-Ata, Nauka, 1974, 200 p. (in Russ.)
- Mousavi S. A.** The hazaras of Afganistan. An Historical, Cultural, Economic and Political Study. New York, St. Martin's Press, 1998, 234 p.
- Orbeli I. A.** Sinkhronisticheskie tablitsy khidzhry i evropeiskogo letoischisleniya [Synchronistic tables of the Hijra and European chronology]. Leningrad, Publishing House of the State Hermitage Museum, 1941, 272 p. (in Russ.)
- Paul Jürgen.** Forces and Resources. Remarks on the Failing Regional State of Sultānshāh b. II Arslan Hwārazmshāh. In: *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium CE. Bonn Contributions to Asian Archaeology*. Eds. Jan Bemmman, Michael Schmauder. Bonn, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015, vol. 7, pp. 597–622.
- Petrov K. I.** Kirgizsko-kypchakskie otnosheniya (K voprosu ob etnogeneze i pereselenii kirgizov) [Kirghiz-Kipchak relations (On the question of ethnogenesis and resettlement of the Kirghiz)]. *Izvestiya AN Kirghiz SSR* [News of the Academy of Sciences of the Kirghiz SSR], 1961, vol. 3, iss. 2, pp. 81–105. (in Russ.)
- Rashidov P. T.** Aimaki [Aimaqs]. Tashkent, Fan Publ., 1977, 64 p. (in Russ.)
- Riza Sha'bani.** Kratkaya istoriya Irana [A brief history of Iran]. St. Petersburg, St. Petersburg Oriental Studies, 2008, 382 p. (in Russ.)
- Schurmann H. F.** The Mongols of Afghanistan: An Ethnography of the Mongols and Related Peoples of Afghanistan. 'S-Gravenhage, Mouton&Co, 1962, 435 p.
- Seleznev A. G.** Barabinskii tatary: istoki etnosa i kul'tury [Baraba Tatars: Origins of Ethnos and Culture]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 176 p. (in Russ.)
- Semenov A. A.** Dzhemshidy i ikh strana (po dzhemshidskoi rukopisi nachala XII veka) [Dzhemshids and their country (according to the Dzhemshid manuscript of the early 12th century)]. In: *Izvestiya Turkestanskogo otdeleniya Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [News of the Turkestan branch of the Russian Geographical Society]. Tashkent, 1923, vol. 16, pp. 161–177. (in Russ.)
- Shaniyazov K. Sh.** K etnicheskoi istorii uzbekskogo naroda. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie na materialakh kipchakskogo komponenta [On the ethnic history of the Uzbek people. Historical and ethnographic research based on the materials of the Kipchak component]. Tashkent, Fan Publ., 1974, 342 p. (in Russ.)
- Shikhab ad-Din Mukhammad ibn Akhmad an-Nasavi.** Sirat as-sultan Dzhahalal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhahalal ad-Dina Mankburny) [Sirat as-sultan Jalal ad-Din Mankburni (Biography of Sultan Jalal ad-Din Mankburni)]. Critical text, trans. from Arabic,

preface, comment., notes and indexes by Z. M. Buniyatov. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1996, 798 p. (in Russ.)

Sultanov T. I. Opyt analiza traditsionnykh spiskov 92 “plemen ilatiya” [The experience of analyzing traditional lists of 92 “Ilatiya tribes”]. In: *Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e (istoriya i kul'tura)* [Central Asia in antiquity and the Middle Ages (history and culture)]. Moscow, Nauka 1977, pp. 165–177. (in Russ.)

Sykes Percy. A History of Afghanistan. London, MacMillan and Co. Ltd., 1940, vol. 1–2, 413 p.

Temirkhanov L. Khazareitsy: Ocherki novoi istorii [Hazaras: Essays on Modern History]. Moscow, Nauka, 1972, 140 p. (in Russ.)

Timokhin D. M., Tishin V. V. Khorezm, vostochnye kipchaki i Volzhskaya Bulgariya v kontse XII – nachale XIII v. [Khorezm, Eastern Kipchaks and Volga Bulgaria in the late 12th – early 13th centuries]. In: *Zolotaya Orda v mirovoi istorii* [The Golden Horde in World History]. Collective monograph. Kazan, Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2016, pp. 25–41. (in Russ.)

Timokhin D. M., Tishin V. V. Proiskhozhdenie Terken-khatun, materi khorezmshakha Ala ad-Dina Mukhammada: k probleme sootnosheniya etnonimov v vostochnom Desht-i Kypchake v XII – nachale XIII v. v istoricheskikh istochnikakh [The origin of Terken-khatun, the mother of Khorezmshah Ala ad-Din Muhammad: on the problem of the relationship of ethnonyms in eastern Desht-i Kipchak in the 12th – early 13th centuries in historical sources]. In: *Materialy II Nauchnoi konferentsii srednevekovoi istorii Desht-i Kypchaka* [Proceedings of the II Scientific conference on the medieval history of Dasht-i Kipchak]. Pavlodar, EKO Publ., 2018, pp. 83–102. (in Russ.)

List of Sources

Bellew H. W. An inquiry into the ethnography of Afghanistan. London, The Oriental University Institute, 1891, 228 p.

Elphinstone M. An Account of the Kingdom of Kabul and its depend in Persia, Tartary and India. London, 1819, vol. 2, 539 p.

Fraser J. Narrative of a journey into Khorasan in the years 1821 and 1822. London, 1825, Appendix B, 148 p.

Gelmersen P. A. Afganistan. In: *Voenno-statisticheskii sbornik* [Military statistical collection]. St. Petersburg, Military Printing House, 1868, iss. 3, pp. 33–66. (in Russ.)

Khanikof N. Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie centrale. Paris, Imprimerie de L. Martinet, 1861, 234 p.

Mir Izzat Allah. Travels in Central Asia by Meer Izzat Allah in the years 1812–13. Transl. by captain Henderson. Calcutta, Foreign Department Press, 1872, 100 p.

Stewart C. E. The Herat Valley and the Persian Border, from the Hari-Rud to Sistan. *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Series*, 1886, vol. 8, no. 3, pp. 137–156.

The Tabakat-i-Nasiri of Minhaj-i-Saraj Abu Umr-i-Usman Muhammad-i-Minhaj al-Jurjani. Trans. from the Persian by H. G. Raverty. London, Printed by Gilbert & Rivington, 1873, 768 p.

Vamberi A. Ocherki Srednei Azii [Essays on Central Asia]. Moscow, A. I. Mamontov and K^o Publ., 1868, 362 p. (in Russ.)

Yate C. E. Northern Afghanistan or letters from the Afghan boundary commission. Edinburgh, London, W. Blackwood & sons, 1888, 430 p.

Информация об авторе

Рустам Абдубаитович Абдуманатов, кандидат исторических наук, доцент
WoS Researcher ID P-6810-2016

Information about the Author

Rustam A. Abdumanapov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
WoS Researcher ID P-6810-2016

*Статья поступила в редакцию 25.10.2024;
одобрена после рецензирования 05.02.2025; принята к публикации 10.02.2025
The article was submitted on 25.10.2024;
approved after reviewing on 05.02.2025; accepted for publication on 10.02.2025*

Список сокращений

АлтГПУ	–	Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул
АлтГУ	–	Алтайский государственный университет, Барнаул
БашГУ	–	Башкирский государственный университет, Уфа
ИА РАН	–	Институт археологии Российской академии наук, Москва
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
РА	–	Российская археология
РАН	–	Российская академия наук
РНФ	–	Российский научный фонд
СА	–	Советская археология
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
СФУ	–	Сибирский федеральный университет, Красноярск
СЭ	–	Советская этнография
ФГОС	–	Федеральный государственный образовательный стандарт
ЭО	–	Этнографическое обозрение

Информация для авторов

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (передают) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ неисключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу: <https://nguhist.elpub.ru/>.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: к. 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62